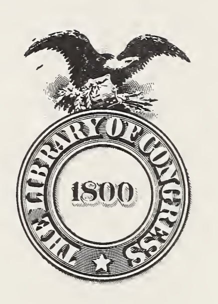
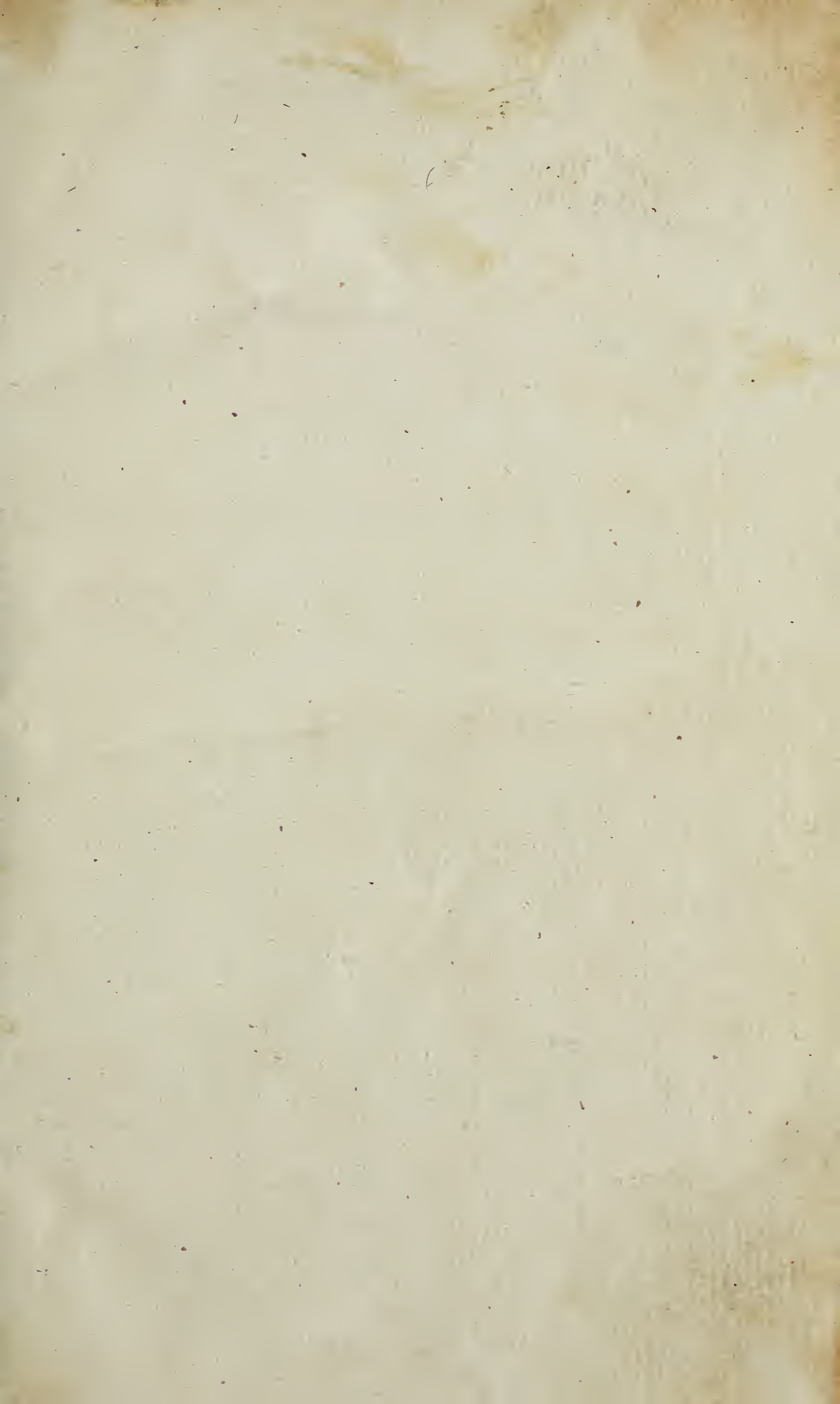

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

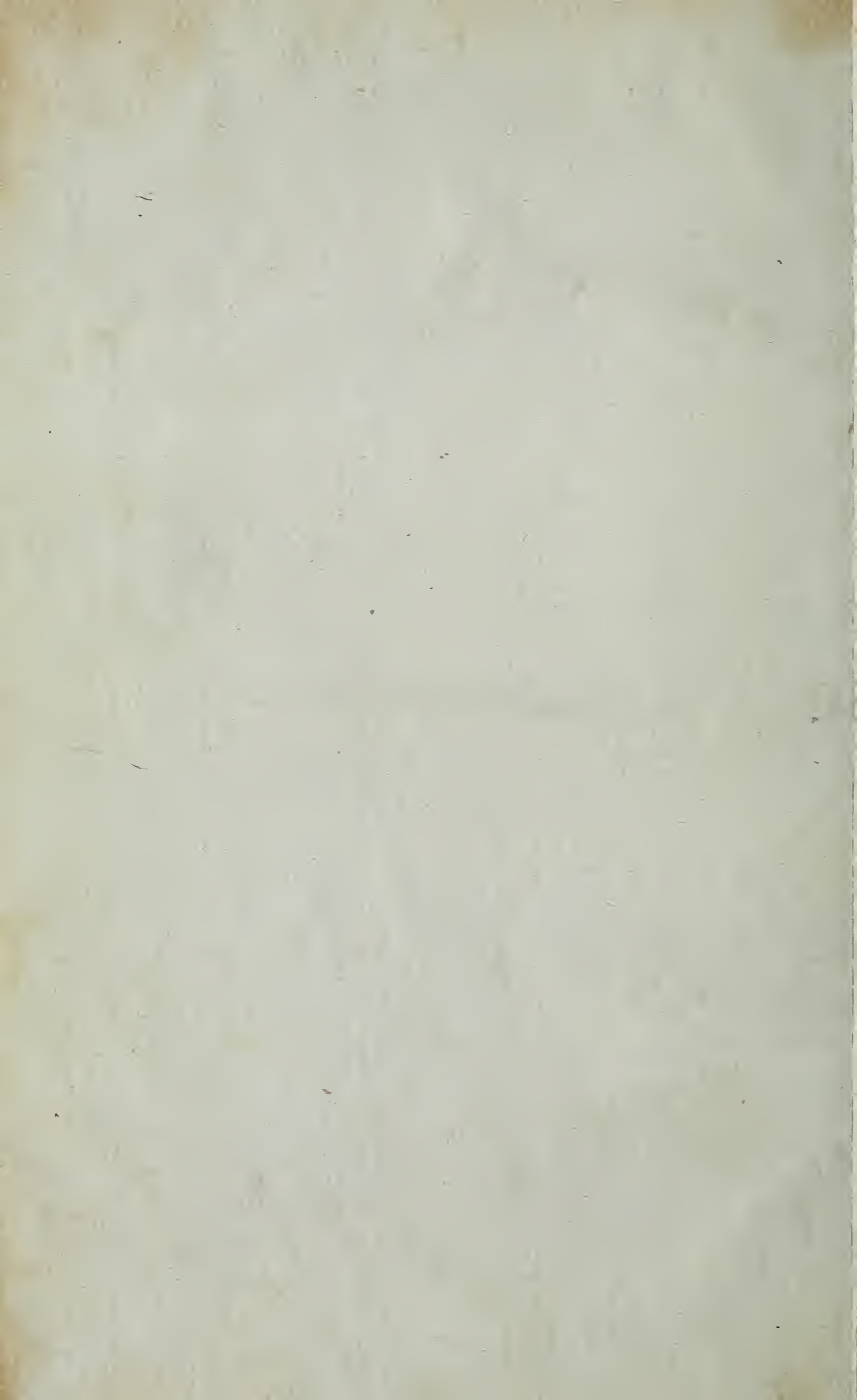

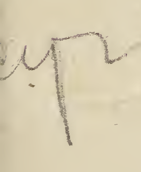

ГРАФИНЯ РОСЛАВЛЕВА.

Grafinia Roslavleva, ili
Supruga-geroinia, otlichiv-
shaiasia v znamenituiu
voinu 1812 goda

ГРАФИНЯ РОСЛАВЛЕВА,

ИЛИ

СУПРУГА-ГЕРОИНЯ,

ОТЛИЧИВШАЯСЯ

ВЪ ЗНАМЕНИТУЮ ВОЙНУ 1812 ГОДА.

Историко - описательная

повѣсть XIX столѣтія.

(Служащая продолженіемъ романа:

ОЛЬГА МИЛОСЛАВСКАЯ.)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

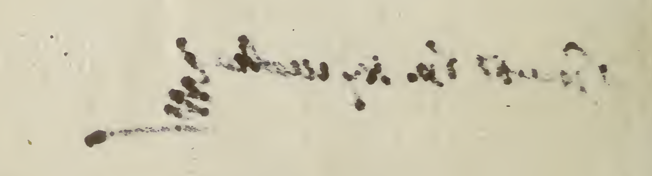
МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Москва 1831 года Декабря 16 дня. *Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.*

Къ читателямъ.

Романъ *Ольга Милославская* хотя и названъ историческимъ романомъ XIX столѣтія, но героиня онаго и главныя лица, дѣйствующія на сценѣ свѣта, не представлены въ немъ въ *видѣ историческомъ* по волѣ автора. Теперь онъ для поддержанія названія: *Историческій романъ* XIX столѣтія, представляетъ лица сіи историческими, и болѣе по тому, что онѣ пережили знаменитую эпоху въ Исторіи нашей — 1812 годъ, въ которой, воспламеняемые ревностнымъ патріотизмомъ, любовію къ Монарху и отечеству отличили себя геройствомъ, ненавистію къ врагамъ Россіи, то и доблести ихъ должны быть извѣстны позднему потомству, которое есть вѣрный судія дѣлъ предковъ.

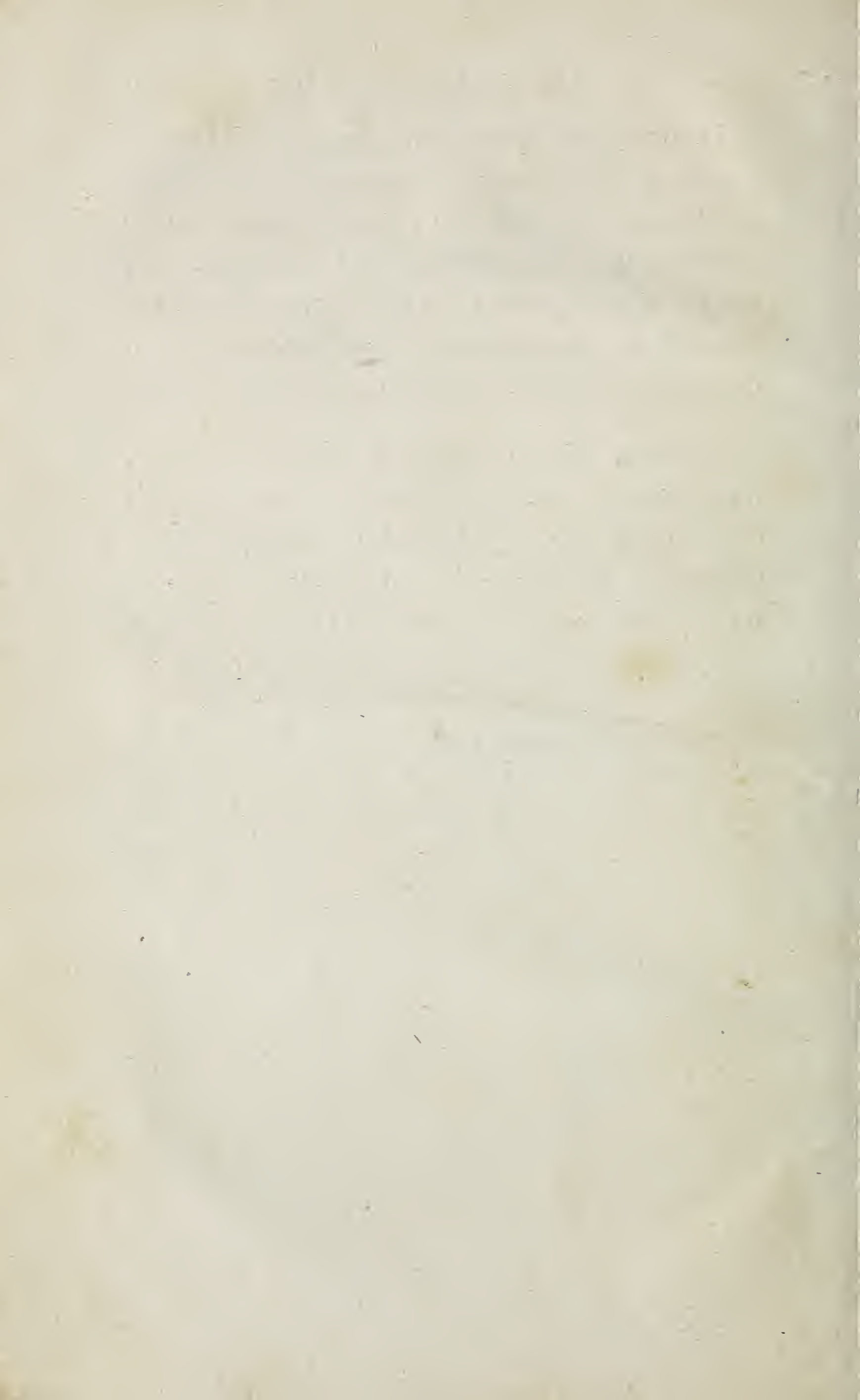
Пускай потомство оцѣнитъ дѣла наши, пускай Исторія — сія скрижаль вѣчности, вѣрно передастъ оныя, а романистъ, какъ своенравный геній, представить можетъ только слабые очерки дѣлъ великихъ, дополняя прочее однимъ воображеніемъ.

Продолженіе романа: *Ольга Милославская* подъ именемъ: *Графини Рославлевой, или супруги-героини, отличившейся въ знаменитую войну* 1812 года есть *истинно-русская* повѣсть. Перо автора начертало произшествіе истинное и изложило оное по произшедшимъ дѣйствіямъ въ порядкѣ; воображеніе рисовало только картины природы, но не вымышляло произшествій ложныхъ. Совѣсть автора въ этомъ случаѣ спокойна, и онъ, съ благосклонностію, представляя просвѣщенной публикѣ трудъ свой, проситъ извиненія въ замѣченныхъ ошибкахъ сихъ двухъ романовъ его, какъ въ планѣ, такъ и въ слогѣ ихъ.

Перемѣна фамиліи героинѣ Ольгѣ хотя и не есть необходима для плана повѣсти сей, однако для большаго *вида* оной и для романической одежды автор предпринялъ оное, а вмѣстѣ съ онымъ и для тайны необходимой въ сочиненіяхъ таковаго рода.

Ученые Журналисты, быть можетъ, наградятъ автора критикой за трудъ его, онъ съ радостію выслушаетъ строгой приговоръ, но только чтобъ одна справедливость водила перомъ Рецензента и не было бы личности.

1831 года Февраля 5.

ГРАФИНЯ РОСЛАВЛЕВА.

Глава первая.

День клонился къ вечеру, златобагряное солнце закатывалось за лѣса отдаленныя, мертвая тишина царствовала на окрестныхъ поляхъ и ничто не нарушало спокойствія жителей села Зимогорья. Престарѣлый отецъ Василій, священникъ села этаго, совершалъ вечернюю трапезу, добрая старушка жена его и милая внучка десятилѣтняя Лиза щедро раздѣляла съ нимъ простую деревенскую пищу. Старушка служанка приготовляла уже постели добрымъ хозяевамъ своимъ, какъ вдругъ тройка лихихъ лошадей остановилась у воротъ дома ихъ. Удивленіе отца Василія и жены его было чрезвычайно и они не успѣли еще послать освѣдомиться кто прі-

ѣхалъ, какъ мужчина въ гусарской куртке и покрытый пылью скоро вбѣжалъ въ комнату къ нимъ.

„Ахъ!„ громко вскрикнула жена священника, который съ бодростію воздержнаго старца приподнялся съ кресель и благословилъ подошедшаго къ нему пріѣхавшаго гостя. Въ это время встревоженная жена священника пришла въ себя, встала со стула своего, а пріѣхавшій съ какимъ-то небеснымъ радушіемъ подошелъ къ ней, учтиво отпривѣтствовалъ ее, разцѣловалъ маленькую Лизу и потомъ сѣлъ возлѣ священника.

— Какими-судьбами, Ваше Сіятельство, изволили вы посѣтить насъ, началъ отецъ Василій, утирая на глазахъ слезы; и въ такой одеждѣ, что я даже по сю пору не постигну причины, — что заставило васъ такъ принарядиться? Да объ этомъ послѣ, простите любопытству моему, скажите поскорѣе ради Бога, здорова ли матушка Графиня Ольга Николаевна. —

„Слава Богу, слава Богу! почтеннѣйшій старецъ; она кланяется вамъ и скоро пріѣдетъ на житье въ село Зимогорье.“

Обрадованные извѣстіемъ этимъ священникъ и жена его перекрестились, повторяя: слава Богу! матушка Графиня скоро пріѣдетъ къ намъ. —

— Какъ мы будемъ счастливы, началъ опять священникъ прерванный разговоръ свой; вы Графъ и Графиня будете жить опять съ нами, — съ чѣмъ сравнятся тогда радость наша и всѣхъ жителей Зимогорья, когда они узнаютъ объ этомъ!

„Такъ, почтеннѣйшій отецъ Василій, Графиня будетъ жить здѣсь, а я, я буду далеко; вы утѣшайте ее, дѣлите съ ней скуки и радости, а вы — служитель олтаря Всевышняго, назидайте ее молитвами своими и молитесь за меня и за всѣхъ ревностныхъ сыновъ Отечества нашего, проливающихъ кровь за Него и за Царя, милосерднаго Александра, пекущагося о благѣ подданныхъ своихъ.“

— Мы васъ не понимаемъ, Графъ, сказали священникъ и жена его, разскажите намъ обо всемъ подробно.

Графъ, зная, что не изъ одного простаго любопытства они спрашивали его, но собственно изъ сердечнаго участія, которое всегда принимали они въ дѣлахъ семейства его, то и желалъ немедленно удовлетворить оное.

« Слушайте, друзья мои, сказалъ Графъ. Наполеонъ, сей воинскій исполинъ временъ нашихъ, сей счастливый баловень судьбы, которому все благопріятствуетъ, все покорствуетъ въ мірѣ семъ, въ гордости своей мнитъ теперь наложить ярмо на Россію; клевреты и наперстники сего великаго человѣка, льстя съ низостію вельможъ Франціи самолюбію его, хвалятъ намѣренія, одобряютъ съ энтузіазмомъ всѣ планы, всѣ предпріятія его и, унижая духъ и храбрость Русскихъ, въ мысляхъ своихъ обрекаютъ уже рабство Россіи и паденіе добродѣтельнаго и страстно-обожаемаго подданными своими Императора

Александра. Кто теперь изъ Русскихъ не прольетъ послѣдней капли крови своей? Кто теперь изъ Русскихъ не рѣшится пожертвовать жизни за обожаемаго Царя и любезное Отечество свое? Кто теперь изъ Русскихъ не горитъ желаніемъ сразиться въ рядахъ съ дерзновеннымъ непріятелемъ и силою оспорить у него каждый шагъ родной земли своей?—Дворяне, Духовенство, всѣ сословія гражданъ спѣшатъ приносить пожертвованія; бѣдный и богатый, вдовица и сирота жертвуютъ по возможности, и всѣ, всѣ стремятся къ одному благу, къ одной цѣли — видѣть Отечество свое свободнымъ, а презрѣннаго врага поруганнымъ, попраннымъ. Сей похититель престола Франціи, сей новый Тамерланъ уже въ предѣлахъ Россіи и, дерзновенный, мнитъ состязаться въ величіи съ нашимъ милосерднымъ Александромъ, съ нашимъ отцемъ, попеченія котораго о благѣ подданныхъ своихъ есть первая мысль, есть врожденное чувство, которымъ отличаются Цари наши. Дворянство

одушевляемое патріотическимъ ревеніемъ къ славѣ Отечества спѣшитъ на поле брани къ рядамъ храбрыхъ Русскихъ воиновъ, гдѣ искусные и воинственные начальники одушевляютъ подчиненныхъ примѣрами своими; — слава и честь для Русскаго дороже богатства Креза, Царь и Отечество — девизъ чувствъ Русскаго народа; всѣ сердца горятъ ревеніемъ къ защитѣ Монарха и свободѣ Отечества. — Вы, добродѣтельный старецъ, молите Всевышняго о успѣхахъ Русскаго орудія, которое поднято за дѣло правое, молите о сподвижникахъ на полѣ брани, молите обо мнѣ и утѣшайте супругу мою. Ревеніе къ защитѣ свободы Отечества отъ враговъ горитъ въ душѣ моей, гласъ чести зоветъ меня къ оружію и я съ радостію повинуюсь ему, съ радостію жду часа битвы, въ который въ крови врага обагрю мечь свой и, быть можетъ, дождусь дня славы Россіи, дня униженія Наполеона! . . . .“

Во все время, покуда говорилъ Графъ, священникъ и жена его поминутно

крестились и слезы видны были на глазахъ ихъ.

— Такъ вы, Ваше Сіятельство, насъ оставляете, сказалъ съ примѣтною горестію отецъ Василій, удерживая тяжкій вздохъ, которой хотѣлъ вырваться изъ глубины души его.

„Да, почтенный старецъ, долгъ чести и Отечество призываютъ меня, и я безропотно повинуюсь ему. Надежда на Всевышняго и любовь къ Царю подкрѣпляютъ меня.„

— Перенесетъ ли тяжкую разлуку съ вами Ея Сіятельство Графиня? сказала жена священника; — она такъ страстно любитъ васъ.

„Она сама, сказалъ Графъ съ примѣтною радостію на лицѣ, одобряетъ намѣренія мои, забывая *все* изъ любви къ Отечеству.„

— Боже милосердный, подкрѣпи ее! сказалъ священникъ перекрестившись, потомъ обратясь къ Графу, продолжалъ

разговоръ: слѣдовательно, Ваше Сіятельство, вы ѣдете скоро?

„Я думаю, что чрезъ недѣлю, ибо непріятель въ предѣлахъ Россіи. . .“

— Какъ, Ваше Сіятельство, скоро перебилъ его священникъ, эти босурманы уже въ Россіи, въ родномъ Отечествѣ нашемъ, въ его священныхъ предѣлахъ? . . Боже Праведный! *отврати Твой гнѣвъ на ны* и яви спасеніе.

„Да, отецъ Василій, Наполеонъ въ предѣлахъ Россіи, но еще неизвѣстно, чѣмъ все кончится это; быть можетъ, вся армія его падетъ, и гордый врагъ разбитъ будетъ.“

— Дай Богъ, дай Богъ, Ваше Сіятельство, чтобы гордый врагъ нашъ погребъ кости свои въ предѣлахъ благословенной Россіи.

Долго еще продолжался разговоръ священника съ Графомъ, Лиза въ продолженіи онаго молчала; хотя нѣсколько разъ бабушка говорила ей, чтобъ она легла спать: но внимательная малютка сидѣла и никакъ не соглашалась на слова ея. Наконецъ сонъ взялъ верхъ надъ бодрствованіемъ Лизы и она заснула, облокотясь на ручку креселъ. Графъ и дѣдушка, увидѣвъ это, засмѣялись, а старая нянька отвела ее на приготовленную постелю. Графъ также хотѣлъ ѣхать въ домъ свой, но усердныя просьбы священника и жены его заставили его остаться у нихъ до утра. Усталость Графа скоро также заставила удалиться въ отведенную для него особо комнату, гдѣ расторопный слуга тщательно исправилъ должность камердинера и Графъ предался упоительному Морфею.

Пріѣхавшій Графъ къ престарѣлому отцу Василію и такъ радушно обласкавши его и семейство былъ владѣтель села Зимогорья, супругъ Ольги

Милославской — героини повѣсти этой, жизнь которой занимательна произшествіями и разительна добродѣтелями. Читатели первыя лѣта молодости ея увидятъ въ первомъ романѣ, которой извѣстенъ подъ именемъ — Ольги Милославской; ея воспитаніе у старой Графини Лелевой до замужства есть, такъ сказать, первый періодъ жизни, отличный семейными добродѣтелями; теперь перо Автора начертитъ кругъ жизни ея для семейства своего и покажетъ свѣту, какъ Русскую героиню супружеской вѣрности въ знаменитой войнѣ 1812 года, и въ романѣ извѣстную подъ именемъ *Графини Рославлевой*.

Первые лучи восходящаго солнца отражались на златыхъ главахъ церкви села Зимогорья; тихій, вешній вѣтерокъ колыхалъ деревья въ полѣ и игралъ скошенною муравою; птицы — жители лѣсовъ и предвѣстницы восхода солнечнаго разливали свои звонкія трели и чи-

риканья и еще одинъ только рожекъ сельскаго пастуха уныло раздавался по селу и выкликивалъ стада на долины покрытыя плѣнительной зеленью;—все прочее предавалось покою и сладкому утреннему сну. Вмѣстѣ съ восходомъ солнца всталъ Графъ Александръ, и большими мѣрными шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Въ умѣ его различныя думы и планы смѣнялись попемѣнно, а на душѣ была скорбь, которую тщетно онъ старался разсѣять. Принужденно Графъ принималъ видъ спокойный, напрасно старался забыть тяготившую печаль его, напрасно старался разсѣяться, глядя на прелесть утренней природы; самый нестройный звукъ рожка пастущечьяго казался ему печальною гармоніею—отъ чего болѣе и болѣе скорбѣла душа его, наполненная воспоминаніемъ о близкой разлукѣ съ супругою. Быть можетъ, думалъ онъ, это будетъ послѣднее свиданіе, въ которое она меня назоветъ своимъ и сладостно сожметъ въ объятіяхъ своихъ; быть можетъ, роковая пуля непріятеля

прекратитъ дни мои; быть можетъ..... но нѣтъ, если я и паду въ бою противъ ненавистнаго непріятеля, то Ольга должна будетъ гордиться тогда смертію супруга своего: ибо онъ умеръ за Царя и Отечество. Одна эта мысль могла только услаждать Графа и облегчать печаль его; все прочее наводило скуку и не могло разсѣять печальнаго Александра.

Часовъ въ шесть или въ семь утра уже всѣ встали въ домѣ священника; ходьба, разговоры и приходъ слуги въ комнату полуратревоженнаго Графа заставили его нѣсколько придти въ себя. Свѣжая рѣчная вода принесенная слугою освѣжила лице Графа и онъ, какъ истинно Русскій воинъ, принеся утреннюю молитву Вседержителю, явился наконецъ къ ожидавшимъ его пить чай. Добродѣтельная жена священника и самъ онъ встрѣтили его съ утренними привѣтствіями, на которыя и Графъ отвѣчалъ въ одинаковомъ тонѣ и съ одинакимъ радушіемъ.

Утренній весенній воздухъ, пѣніе малиновки, вѣяніе прохладнаго Зефира, плѣнительная зелень луговъ и отдаленныхъ лѣсовъ—все, все нѣжитъ и услаждаетъ чувства наши: такъ теперь дѣйствовало и на разстроеннаго Графа Александра. Чай былъ приготовленъ въ маленькомъ садикѣ. Густые сливки и ласка хозяина приправляли оный еще болѣе; набожные разговоры его и бѣлыя, какъ первый снѣгъ полей, волосы внушали къ нему особенное уваженіе въ каждомъ. Графъ развлеченный разговорами набожнаго старца становился часъ отъ часу веселѣе, а наконецъ и совершенно разсѣялъ печаль свою, чрезъ что бесѣда сія сдѣлалось болѣе пріятною. Было много говорено о походахъ и счастливомъ геніи Наполеона, объ Аустерлицкомъ боѣ, о намѣреніяхъ Наполеона на щетъ Россіи и проч. и проч. — Наконецъ священникъ обратилъ разговоръ свой на намѣренія Графа.

»Позвольте спросить васъ, Графъ, долго ли мы, жители села Зимогорья,

обрадованные пріѣздомъ къ намъ Вашего Сіятельства будемъ имѣть счастіе видѣть васъ у себя.

Графъ вздохнулъ, и какъ будто бы съ принужденною улыбкою отвѣчалъ любопытному отцу Василію:

— Не долго, почтенный старецъ, я буду съ вами, не долго набожныя бесѣды ваши будутъ развлекать меня въ печали; скоро, очень скоро я прощусь съ любящими меня добродушными жителями Зимогорья, и, быть можетъ, судьба не позволитъ мнѣ болѣе увидѣться съ друзьями моими.

У Графа на глазахъ навернулись слезы, жена Священника плакала и самъ отецъ Василій не могъ удержаться отъ онаго, его душа скорбѣла, а сердце — сердце было полно печали. Наконецъ онъ первый прервалъ грустное молчаніе.

„*Возверзи печаль твою на Господа и той препитаетъ тебя,* сказалъ отецъ Василій, обратясь къ разстроенному Графу, которой старался скрыть наверну-

вшіеся на глазахъ его слезы. Что вы, Ваше Сіятельство, не стыдно ли вамъ? Ну еслибы видѣла это Графиня, то она, матушка, взрыдъ наплакалась бы, глядя на васъ.»

Александръ, приведенный въ себя словами Священника, отеръ слезы и выпилъ налитую давно чашку чаю.

«Скажите лучше, Ваше Сіятельство, куда вы теперь намѣрены отправиться отсюда?»

— Я, отвѣчалъ Графъ Лелевъ, пробывъ здѣсь въ Зимогорьѣ еще нѣсколько дней, дождусь Графини, а потомъ, простясь съ ней и съ вами, друзья мои, отправлюсь въ Бѣлоруссію, въ мѣстечко *Кейданы*, гдѣ сбирается теперь отдѣльный корпусъ Графа Витгенштейна.

«Да развѣ Ея Сіятельство, Графиня, скоро изволитъ прибыть къ намъ, спросила съ замѣтною радостію жена священника, хранящая молчаніе во все время продолженія разговора Графа и мужа ея.»

— Да, она будетъ сюда очень скоро, отвѣчалъ Графъ, я думаю, что завтра или послѣ завтра.

„И Графиня долго пробудетъ здѣсь, продолжала жена Священника съ большею радостію.“

— До моего возвращенія изъ арміи, если только Провидѣнію угодно будетъ сохранить жизнь мою.

Жена священника перекрестилась, а онъ продолжалъ съ Графомъ прерванный разговоръ.

„Вы, Ваше Сіятельство, слѣдовательно отправитесь подъ команду Графа Витгенштейна, въ его корпусъ?“

— Точно такъ, почтенный старецъ, и вступилъ я въ N . . . гусарской полкъ.

„Помоги Богъ Вашему Сіятельству въ благихъ намѣреніяхъ вашихъ; сердце радуется, когда слышишь таковую ревность къ Царю и Отечеству и ненависть къ дерзостному врагу. А долго ли вы, Графъ, пробудите въ *Кейданахъ*?“

— Это неизвѣстно; выступленіе зависитъ отъ воли высшаго начальства.

Разговоръ о приготовленіяхъ Россійской арміи и о походѣ Наполеона въ Россію долго продолжался между Графомъ и Священникомъ. Жена его хранила молчаніе и съ любопытствомъ слушала разсказы Графа о предпріятіяхъ и воинскихъ дѣйствіяхъ Наполеона, счастію котораго все покорствовало.

Къ концу чаю пришла Лиза. Она поцѣлова руку дѣдушки и страстно любившей ее бабушки, учтиво присѣла передъ Графомъ, который ласково взялъ ее за руку, поцѣловалъ и посадилъ возлѣ себя на стулъ. Милая Лиза съ дѣтской простотою разсказывала Графу о своихъ обновахъ, о гуляньѣ въ ближней рощѣ и о бѣленькой собачкѣ, которую подарилъ ей Графъ Владиміръ — короче о всемъ, что только можетъ приходить въ голову дитяти, когда видитъ онъ, что охотно слушаютъ его. Графъ не прерывалъ Лизы, показывая видъ, что онъ слушаетъ ее съ удовольствіемъ.

Какъ пріятно глядѣть на забавы дѣтей, на ихъ беззаботливость, слушать ихъ невинные разговоры, ихъ удивленія, видѣть ко всему довѣренность ихъ и мысленно переноситься къ дѣтскому возрасту, въ которомъ ни нужды, ни потребности жизни, ни печали, ничто не огорчало насъ,—когда страсти, сіи жизненные ураганы, не волновали въ груди нашей, не возмущали спокойствія лѣтъ дѣтскихъ, беззаботныхъ! О, время жизни золотое! Ты невозвратимо для смертнаго! . . . .

Чай былъ конченъ. Графъ, поцѣловавъ Лизу за разсказы ея, отправился съ священникомъ въ покои, гдѣ узналъ, что передъ домомъ священника ожидали его собравшіеся съ старостою крестьяне, дабы поднести ему хлѣбъ и соль и поздравить съ пріѣздомъ.

Какъ усладательна для сердца Русскаго простота крестьянина, когда онъ съ свойственнымъ ему доброжелательствомъ встрѣчаетъ господина своего, умѣвшаго добротою поступковъ своихъ рас-

положить къ себѣ сей классъ людей, довольно у насъ грубыхъ! Какъ плѣнительна картина, когда Русской крестьянинъ въ праздничномъ платьѣ, съ милой простотою въ разговорахъ и съ веселымъ видомъ на лицѣ подноситъ хлѣбъ и соль господину своему, котораго видитъ онъ въ первый разъ, или котораго не видалъ давно! Соотечественники! Кто изъ васъ не видалъ этаго и кто не въ состояніи чувствовать и постигать характеръ простаго народа! — онъ нашъ родной, онъ намъ понятенъ. . . .

Когда Графъ Лелевъ пріѣхалъ вечеромъ въ село свое Зимогорье и остановился въ домѣ священника, то въ ту-жъ минуту вѣсть о пріѣздѣ его начала разноситься по всему селу. Старики и женщины, молодые крестьяне и дѣти ихъ, всѣ твердили о пріѣздѣ барина и молва сія переходила постепенно отъ одного къ другому, — такъ что менѣе нежели въ полчаса узнало все село о семъ. Наступленіе скорой ночи воспрепятствовало обрадованнымъ крестьянамъ явить-

ся съ поклономъ къ господину своему, и они рѣшились до утра отложить намѣреніе свое. Теперь видимъ мы ихъ пришедшихъ къ Графу съ поднесеніемъ хлѣба и соли, воображаемъ радость ихъ, когда Графъ вышелъ къ нимъ на крыльцо, чувствуемъ ту пріятность, которою было наполнено сердце господина ихъ, — и восхищаемся!.... Привязанность и врожденное повиновеніе къ властямъ — отличительныя черты въ характерѣ Русскаго народа — какъ онѣ ярко отсвѣчиваются въ каждомъ классѣ, въ каждомъ званіи!.... Дворянинъ любитъ Царя и Отечество, крестьянинъ своего господина, Чиновникъ почтительно исполняетъ повелѣнія Начальника, слуга повелѣнія господина, а всѣ вмѣстѣ чтутъ одну власть, исполняютъ ея законы и въ сердцѣ Русскаго любовь къ Монарху и Отечеству превышаетъ всѣ желанія, всѣ страсти его.....

Графъ Лелевъ, принявъ поздравленіе крестьянъ и поднесенные отъ нихъ

хлѣбъ и соль, отпустилъ ихъ, щедро наградя за это; наконецъ, простившись съ набожнымъ отцемъ Василіемъ, добродушною женою его и милой Лизою, которую подарилъ богатымъ подаркомъ, отправился въ домъ свой, прося ихъ навѣщать его.

Глава вторая.

Былъ полдень. Пыль столбомъ поднималась на границахъ пространной Москвы бѣлокаменной. Множество экипажей и дрожекъ стояло на Ильинской улицѣ противъ рядовъ, которые были наполнены покупающимъ и проходящимъ народомъ. У Лобнаго мѣста близь Спасскихъ воротъ къ правой сторонѣ противъ Кремлевской стѣны стояла голубая карета запряженная четверкою вороныхъ лошадей. Статный кучеръ съ длинною черной бородою, щегольски одѣ-

тый, сидѣлъ на высокихъ козлахъ и распѣвалъ пѣсни; маленькой форейторъ съ заткнутыми за кушакъ полами армяка и съ кнутомъ въ правой рукѣ ходилъ взадъ и впередъ во кругъ лошадей, насвистывая нескладно какую-то Русскую пѣсню.

„Здорово, Сидорка, сказалъ человѣкъ одѣтый въ лакейскую ливрею, подойдя къ ходящему форейтору.“

— А, братъ, Петруша, здорово, каково поживаешь?

„Слава Богу, могу покуда, да и какъ не жить весело: — баринъ добрякъ, любитъ меня, такъ объ чемъ же печалиться?“

— Это хорошо, братъ, все равно, какъ и наши господа добры и хороши до насъ.

„Да что, спросилъ Петръ, съ кѣмъ ты пріѣхалъ сюда, съ Барынею что ли?“

— Да, съ барынею; она пошла въ ряды что-то покупать на дорогу, и велѣла

намъ стать здѣсь, близь Спаскихъ воротъ. Она тутъ будетъ служить молебенъ.

»Да развѣ барыня твоя ѣдетъ куда нибудь, спросилъ Петръ съ особеннымъ любопытствомъ.«

— Въ Нижегородское помѣстье — въ село Зимогорье.

»А скоро ли поѣдетъ она? Спросилъ Петръ съ таковымъ же любопытствомъ.«

— Я думаю, что дня черезъ два, отвѣчалъ словоохотливый Сидоръ, помахивая кнутомъ.

»Дня черезъ два, повторилъ про себя Петръ. А баринъ-то уѣхалъ въ полкъ совсѣмъ?«

— Нѣтъ еще, онъ теперь тоже въ Зимогорьѣ ждетъ Графиню къ себѣ, а ужь тамъ, говорятъ, уѣдетъ совсѣмъ.

Петръ еще кой-что поговорилъ съ Сидоромъ, наконецъ простился и пошелъ по дорогѣ къ Москворѣцкому мосту.

„Эй, Сидорка! послушай-ка, закричалъ кучеръ съ высокихъ козелъ своихъ, чей это такой говорилъ съ тобою? „

— Это лакей Лярскаго; ну, знаешъ, того высокаго господина, которой такъ часто ѣздитъ въ гости къ господамъ нашимъ.

„А, знаю; онъ, кажется, былъ у насъ когда отправлялся Графъ въ деревню. „

— Ну, да, помнишь, такой высокой, черноватый. Онъ еще велъ барыню къ каретѣ, когда она ѣхала провожать къ заставѣ Его Сіятельство.

„А почему знаешь ты этаго Петруху?„

— Да баринъ какъ-то со мною раза три или четыре ѣздилъ къ этому *Лярскому*, такъ мы съ Петрухою игрывали въ три листика.

Кучеръ погладилъ бороду, снялъ съ головы шляпу, вынулъ платокъ изъ нея и обтеръ лобъ и лице сильно спотѣвшіе отъ жара.

„Ну, а что, Сидорка, — началъ было опять кучеръ, но увидалъ, что отъ Лобнаго мѣста черезъ площадь переходила барыня, велѣлъ форейтору сѣсть на лошадей, а самъ, оправясь на козлахъ, стройно сѣлъ, держа въ рукахъ вожди.

Прелестное, очаровальное лице, которое какъ отъ взоровъ другихъ, такъ и отъ жара было закрыто большими полями соломенной шляпки, переходило медленно черезъ дорогу отъ рядовъ къ Спаскимъ воротамъ. Высокой лакей въ богатой ливреѣ несъ узлы покупокъ, и дама, которая шла впереди его, велѣла все положить въ карету, а сама пошла къ самымъ Спаскимъ воротамъ, гдѣ и просила отслужить молебенъ . . . . . Слезы градомъ катились по прелестному лицу дамы, когда пришедшій священникъ началъ служить молебенъ; частые земные поклоны и кротость, которая изображалась во взорахъ молящейся, внушали невольное къ ней почтеніе, не смотря на молодость лѣтъ, которые имѣла она.

Графиня *Лелева!* это была она! молила Творца о счастіи супруга своего, о сохраненіи жизни ему и въ глубинѣ души своей таила какую-то ненависть къ дерзновенному врагу Россіи. Во все время служенія молебна глаза плѣнительной Ольги были наполнены слезами и она, печальная, не обращала ни малѣйшаго вниманія ни на проходящихъ, ни на проѣзжающихъ, изъ которыхъ другія пристально смотрѣли на нее. —

По отслуженіи молебна Графиня раздала милостыню стоящимъ близь кареты ея нищимъ, потомъ сѣла въ оную и велѣла ѣхать домой.

На Поварской, противъ трехъ-этажнаго во вкусѣ выстроеннаго дома остановилась четверка вороныхъ лошадей. Швейцаръ отворилъ двери подъѣзднаго крыльца, и Графиня въ минуту очутилася на верху лѣстницы верхняго этажа, слуги и служанки встрѣчали пріѣха-

вшую госпожу свою, покупки были внесены во внутренія комнаты и Графиня уставшая, растревоженная, сѣла на мягкое конопе въ малой боскетной и съ замѣтною печалью на лицѣ хранила молчаніе. —

Пара Вятскихъ маленькихъ лошадей запряженная въ легкіе дрожки борзо мчалась по Поварской улицѣ; стройной, высокой, черноватой мущина, одѣтый по послѣдней модѣ сидѣлъ въ дрожкахъ и быстрымъ взоромъ окидывалъ проходящихъ. Дрожки остановились у подъѣзда дома, занимаемаго Графомъ Лелевымъ; въ одно мгновеніе сидящій соскочилъ съ нихъ и очутился въ пространныхъ сѣняхъ, такъ что даже Швейцаръ не успѣлъ отворить стеклянныхъ дверей.

—У себя ли Ея Сіятельство, Графиня? скоро спросилъ Г-нъ Лярскій (это былъ онъ) у вытянувшагося передъ нимъ Швейцара. Сей часъ-съ только изволила

пріѣхать изъ города, отвѣчалъ Швейцаръ съ поклономъ.

Лярскій скоро вбѣжалъ по лѣстницѣ въ переднюю, гдѣ двое лакеевъ съ какимъто особеннымъ уваженіемъ сняли съ него шинель и отворили двери въ залу. Одинъ изъ нихъ побѣжалъ доложить Графинѣ о пріѣздѣ Лярскаго.

Александръ Васильевичь (такъ звали Лярскаго) ходилъ взадъ и впередъ по паркетной залѣ, поправляя воротнички свои и приглаживая шляпу.

Изъ боковыхъ дверей въ бѣлой Турецкой шали, въ бѣломъ линобатистовомъ платьѣ явилась Графиня. Она съ врожденною ласковостію встрѣтила Лярскаго, который осыпалъ ее привѣтственными комплементами. Ольга просила его въ гостиную. Лярскій со всею ловкостію этикетнаго щеголя принялъ приглашеніе ея и съ наклоненіемъ головы слѣдовалъ за нею. Графиня при входѣ въ гостинную сѣла на диванъ, Лярскій на креслахъ, стоящихъ противъ онаго, и первый началъ разговоръ.

«Графъ долго пробудетъ въ Зимогорьѣ? спросилъ онъ Графиню.»

— До моего пріѣзда туда, отвѣчала Ольга, тихо вздохнувъ.

«А вы, Ваше Сіятельство, скоро намѣрены отправиться въ Нижегородское помѣстье свое?»

— Да, я думаю, что дня черезъ два или черезъ три непремѣнно поѣду.

Лярскій вздохнулъ, Ольга потупила глаза, не говорила ни слова. Лярскій первый прервалъ минутное молчаніе.

«Вы, Ольга Николаевна, долго намѣрены пробыть въ *скучномъ* Зимогорьѣ?»

— Все время, сказала Графиня, тяжко вздохнувъ, покуда возвратится изъ арміи Графъ, и Зимогорье никогда не можетъ быть для меня скучнымъ, потому что я проводила тамъ первыя лѣта юности моей, тамъ, обласканная покойною Графинею, матерью мужа моего, была я призрѣна отъ угрожающей мнѣ бѣдно-

сти, короче сказать, въ прелестномъ Зимогорьѣ нахожу я всѣ пріятности, всѣ наслажденія, которыя могутъ разсѣять скуку мою.

»Помилуйте, Графиня, можно ли сравнять столичное препровожденіе времени съ скучною сельскою жизнію? Здѣсь балы, театры, вечера, гулянья: тамъ прогулка по рощамъ, по садамъ; здѣсь ежедневные пріѣзды, развлеченія, новости: тамъ тишина, уединеніе, скука и только два раза въ недѣлю полученіе газетъ; здѣсь все можетъ развлечь разсѣять: тамъ болѣе прибавить скуки, увеличить огорченія!«

—Такъ, я согласна съ вами, Александръ Васильевичь, что столичная жизнь болѣе можетъ доставить разсѣянности, болѣе имѣетъ пріятностей: но всѣ веселости могутъ только быть пріятны для того, кто не имѣетъ душевныхъ безпокойствъ, а я такъ разстроена, что право для меня веселыя общества наводятъ болѣе скуки, нежели уединенная жизнь въ Зимогорьѣ.

„По крайней мѣрѣ, Ваше Сіятельство, вы можете быть украшеніемъ большихъ обществъ столицъ, и . . . . . и *многимъ* доставлять ту пріятность, которой *они* быть могутъ лишены безъ вашего присутствія.“

— Вы, Г-нъ Лярскій, привыкли кстати и не кстати разсыпать комплементы передъ дамами, такъ это неудивительно, что я, по словамъ вашимъ, служу украшеніемъ обществъ.

„Увѣряю васъ честію, Ваше Сіятельство, что я не привыкъ расточать тамъ мадригалы, гдѣ и безъ нихъ всякой невольно выскажетъ истину.“

Графиня улыбнулась. Лярскій, въ лицѣ котораго была видна какая-то нерѣшимость, поправилъ оба виска волосъ своихъ, вынулъ бѣлый напрысканный духами платокъ и какъ бы невольно обтерся онымъ, дабы рѣшиться высказать то, что таилъ онъ на душѣ своей. Проницательность Графини ясно дала замѣтить ей положеніе Лярскаго, но

она не могла совершенно постигнуть причины, заставившей его так перемѣниться. Ольга хранила молчаніе. Лярскій, примѣтно измѣнившійся въ лицѣ, искалъ въ умѣ своемъ предмета, дабы начать прерванный разговоръ; наконецъ мысль о знакомыхъ вывела его изъ смущенія и подала ему предметъ для разговора. Онъ переспросилъ о всѣхъ, кто только былъ знакомъ съ нимъ по дому Графа Лелева и даже чуть чуть не коснулся было до умершихъ, которыхъ души давно покоились на лонѣ Авраама, дабы только продлить разговоръ. Отъ проницательности Ольги не скрылось ни смущеніе Лярскаго, ни его частыя перемѣны въ лицѣ, ни взгляды, которые онъ украдкою бросалъ на нее, а она какъ женщина съ строгой нравственностію, (каковыхъ въ вѣкѣ нашемъ очень, очень мало) не хотѣла принимать и считать ихъ за взгляды, относимыя собственно къ ней, и не думала, чтобъ *какая нибудь особая причина* заставляла этаго молодаго человѣка дѣлать оныя,—что еще болѣе принуждало Лярскаго скрывать въ глубинѣ

души своей тайну, которую онъ давно хотѣлъ высказать прелестной Графинѣ.

Какое уваженіе къ себѣ поселить должна та женщина, которая налагаетъ скромность даже на дерзкаго мущину! Какъ пріятно видѣть въ женщинѣ нѣжное обращеніе, соединенное съ строгимъ почтеніемъ къ себѣ. Но жаль, что мы въ вѣкъ нашъ въ женщинахъ мало видимъ существъ нравственныхъ . . . . Но Ольга воспитанная въ правилахъ добродѣтели, и видя съ самыхъ пылкихъ лѣтъ опасной юности одни нравственные примѣры, была женщина со всѣми правилами скромности, добродѣтели и истины. Для нея не былъ опасенъ ни влюбленный юноша, ни краснорѣчивый волокита, ни плаксивый вздыхатель; она умѣла заставить каждаго оказывать себѣ уваженіе и почтеніе. Самолюбіе, сродное болѣе женщинамъ, было чуждо для Ольги, она не восхищалась тѣмъ, что на балу, въ собраніи, толпы мущинъ окружали ее и другъ передъ другомъ старались наперерывъ осыпать ее комплиментами ,

предлагать услуги свои; она не заставляла ихъ, подобно многимъ женщинамъ блестящихъ обществъ, восхищаться будущимъ, очаровываться надеждою, что прелестная Графиня Лелева подарила взглядомъ, отпривѣтствовала улыбкою. —

Пробило два часа, Лярскій начиналъ уже прощаться, въ это время вошелъ человѣкъ и доложилъ, что пріѣхала Княгиня *Этикетова.* Ольга съ свойственнымъ ей радушіемъ поспѣшила въ залу встрѣтить гостью, прося Лярскаго слѣдовать за собою.

Этикетова во всѣхъ отношеніяхъ была дама нынѣшняго свѣта: ловка, не дурна собой, охотница до комплементовъ, которыя ей въ обществахъ расточали мущины, всегдашняя посѣтительница баловъ, гдѣ своею привѣтливостію и пышностію нарядовъ обращала на себя особенное вниманіе молодыхъ людей, которые толпами вились около прекрасной Этикетовой.

Графиня Лелева, хотя и не принадлежала къ классу свѣтскихъ дамъ *нынѣшняго тона*, однако знакомство съ Этикетовою и съ другими подобными ей *Прелестами* пышныхъ обществъ не наводило ей скуки, и характеръ ея, всегда ласковый, былъ одинаковъ для каждаго; она умѣла пріятностію разговоровъ своихъ плѣнять всякаго и внушать къ себѣ невольное уваженіе. Не была кокеткой, но умѣла и самую кокетку заставить хотя съ притворною скромностію обходиться съ собою, —такъ вела себя Ольга, таковы слѣдствія нравственности.

Этикетова со всею учтивостію и ласкою была встрѣчена въ залѣ Лелевою, за которой слѣдовалъ Лярскій и потомъ всѣ трое отправились въ гостиную. Время приближалось къ обѣду. Лярскій, какъ хорошій знакомецъ Графа, былъ Ольгой оставленъ обѣдать. Этикетова видѣла въ Лярскомъ человѣка *нынѣшняго тона*, почему въ душѣ своей благодарила Лелеву за приглашеніе

Лярскаго остаться обѣдать, и во все время, покуда накрывали столъ, Этикетова не преставала относиться съ вопросами своими о разныхъ предметахъ къ Лярскому, а какъ ловкая и тонкая дама, то умѣла нечувствительно завлечь Лярскаго въ разговоръ съ собою и заставить его болѣе говорить съ нею, нежели съ Графинею.

Человѣкъ доложилъ, что было уже подано кушанье и Ольга съ двумя гостями пошла къ столу. Лярскій сидѣлъ противъ Княгини Этикетовой, Лелева между ихъ. Въ продолженіи обѣда Этикетова кидала иногда на Лярскаго привѣтливые взгляды, что однако для Лярскаго не приносило особеннаго удовольствія. Мысли его были заняты другимъ. Онъ думалъ объ Ольгѣ, а присутствіе Этикетовой еще болѣе дѣлало его робкимъ. Онъ даже не смѣлъ взглянуть на очаровательницу души своей, и всѣ отвѣты его Графинѣ Лелевой въ разговорѣ были довольно несвязны. Ольга въ таковыхъ случаяхъ

была незамѣчательна, но отъ Этикетовой это не могло укрыться; впрочемъ она смущеніе Лярскаго приписывала своему присутствію и гордилась уже, что могла его (по мнѣнію свойственному самолюбивой женщинѣ) сдѣлать поклонникомъ своимъ.

Обѣдъ кончился. Графиня и гости опять отправились въ гостиную. Этикетова не переставала взглядами своими слѣдить Лярскаго, отъ чего смущеніе его болѣе и болѣе увеличивалось. Онъ негодовалъ даже на Этикетову, но приличіе заставляло скрывать то, что происходило въ душѣ его. Былъ поданъ кофей, вскорѣ послѣ котораго уѣхалъ разтревоженный Лярскій. Этикетова при прощаніи звала Лярскаго на балъ, который дѣлала она по случаю имянинъ своихъ и даже наградила его столь пріятною улыбкою, что другой, бывши на мѣстѣ Лярскаго, отъ подобной улыбки былъ бы безъ ума; — но Лярскій, сердце котораго было заражено прелестною Графинею Лелевой

былъ нечувствителенъ къ нѣжностямъ Этикетовой, былъ холоденъ къ ней. —

По отъѣздѣ Лярскаго Этикетова была въ восхищеніи. Она думала, что Лярскій былъ очарованъ ею, его смущеніе приписывала порывамъ любви, и только негодовала на Лярскаго за то, что онъ скоро уѣхалъ, однако все это скрывала отъ Ольги.

Этикетова уѣхала. Ольга удалилась въ кабинетъ свой, гдѣ наединѣ предалась мыслямъ о любезномъ супругѣ своемъ, о скорой разлукѣ съ нимъ, забывая все окружающее ее. —

Глава третья.

Пробило 7 часовъ утра. Черныя, густыя тучи покрывали небосклонъ Москвы, отдаленные раскаты грома и ежеминутная молнія предвѣщали скорое приближеніе бури; ни одна птица, изключая хищнаго коршуна, не вилась въ воздухѣ, вѣтеръ поднималъ страшную пыль съ улицъ и ревомъ своимъ ужасалъ многихъ. Мало народа видно было на пространныхъ улицахъ Московской столицы, и то развѣ только какой нибудь бѣднякъ, или невольно посланный, бодрствовали и противились усиліямъ природы. Наконецъ сильный дождь ливмя полилъ изъ густыхъ тучь и заставилъ укрываться ходящихъ по улицамъ. Менѣе нежели въ четверть часа никого не было видно на оныхъ.

Лярскій растревоженный и опечаленный давно проснулся уже и, подойдя къ окну, смотрѣлъ на мрачную погоду, гармонировавшую чувствомъ души его. Тоска, какъ вѣрный другъ, не покидала его ни на минуту. Мрачное и печальное лице Лярскаго ясно показывало внутреннія чувства встревоженной души его, и онъ, какъ путникъ заблудившійся въ пространной пустынѣ и томимый жаждою искалъ, средствъ, дабы утушить оную: такъ въ душѣ его печаль и надежда, сладкое воспоминаніе прошедшаго спокойствія и ужасъ будущаго попеременно волновали ее и еще болѣе увеличивали горесть его, которая ни на минуту не давала покоя ему. —

Вѣтеръ утихалъ, дождь становился меньше, раскаты грома стали быть слышимы только въ отдаленіи, яркая молнія блистала рѣже, тучи покрывавшія небосклонъ проходили къ западу и небо становилось яснѣе, толпы пѣшеходцевъ потянулись по улицамъ, экипажи и

дрожки стали мелькать мимо оконъ домовъ и, казалось, все приходило въ движеніе. Дворянинъ и служащій чиновникъ, купецъ и крестьянинъ спѣшили каждый къ должности своей. Звонъ позднихъ обѣденъ призывалъ богомольныхъ Христіанъ въ храмы Господни, и тихая, ясная погода слѣдовала за страшною утреннею бурею. — Пріятность погоды и свѣжесть воздуха, очищеннаго прохладнымъ дождемъ, не вызывали Лярскаго изъ душныхъ стѣнъ комнаты; какая-то невнимательность и равнодушіе ко всему овладѣли характеромъ его и онъ, въ мечтахъ съ самимъ собою не находилъ предмета, который могъ бы развлечь задумчивость, и уменьшить тоску его. Книги, знакомые, театры, однимъ словомъ: все, что только можетъ развлекать насъ, на Лярскаго не дѣлало ни малѣйшаго вліянія; одинъ предметъ, одна мысль — мечта о Графинѣ Лелевой, занимала и ежеминутно мучила душу, тревожила сердце. Холодность Графини, ея вѣрность къ мужу, и

строгія правила отнимали у Лярскаго всю смѣлость и заставляли его не рѣшаться открыться ей въ любви своей. Отъѣздъ Графа рѣшительно увѣрилъ его, что Ольга считаетъ единымъ счастіемъ въ жизни питать любовь къ нему и быть вѣрною; всѣ исканія влюбленнаго Лярскаго должны были оставаться тщетными и онъ, въ послѣдній разъ, когда былъ въ домѣ Графа Лелева, видѣлъ ясно, что Графиня была одинакова въ обращеніи съ нимъ, и что отъѣздъ Графа болѣе увеличилъ ея привязанность къ нему. Намѣреніе Графини остаться въ Зимогорьѣ до возвращенія супруга изъ арміи показывало сильную ея любовь къ нему и лишало Лярскаго всей надежды въ полученіи взаимной любви. Онъ хотя и хотѣлъ было въ послѣднее свиданіе открыть Графинѣ тайну, которую скрывалъ на душѣ своей: но холодная учтивость обращенія ея отняла всю смѣлость и разрушила всѣ предпріятія его. Съ сильною тоскою на душѣ простился онъ съ Ольгою и еще пе-

чальнѣе возвратился домой, гдѣ наединѣ сильнѣе чувствовалъ печаль свою, а любовь, какъ злой духъ, ни на минуту не давала покоя ему.

Лярскій съ пріѣзда отъ Графини сидѣлъ дома. Петръ, слуга его, отъ котораго узналъ онъ, что Лелева ѣздила въ городъ и намѣрена скоро уѣхать изъ Москвы, хотя и зналъ сердечную тайну господина своего однако не мало удивлялся перемѣнѣ характера Лярскаго и по логикѣ своей разсуждалъ, что было бы гораздо лучше, еслибъ баринъ его началъ проводить время по старому, то есть, ѣздить на гулянье, въ театры, и не думать о Графинѣ. Онъ въ кругу собратовъ своихъ лакѣевъ слылъ большимъ грамотѣемъ, велъ себя довольно хорошо, былъ скроменъ, за что и заслужилъ довѣренность господина своего, отъ чего и былъ въ нѣкоторомъ уваженіи отъ прочихъ

слугъ. Петръ иногда думалъ самъ съ собою, что еще было бы лучше еслибъ баринъ его женился на какой нибудь богатой помѣщицѣ, которая могла бы любить его также, какъ и Графиня Лелева мужа своего. Сужденія Петра были справедливы: Лярскій точно могъ быть хорошимъ и интереснымъ женихомъ для богатой невѣсты, и исканія его никакъ не были бы тщетными. Онъ, имѣя послѣ смерти отца во владѣніи двѣ тысячи душъ крестьянъ, которые принадлежали собственно ему, и служивши въ довольно хорошемъ мѣстѣ, могъ всегда надѣяться, что еслибъ вздумалъ онъ у какого нибудь богатаго старика просить руку дочери его, то вѣрно бы тотъ съ радостію принялъ предложеніе Лярскаго и даже не спрашивая дочери о ея расположеніи далъ бы честное слово ему, а къ тому-жъ Лярскій, бывши въ молодыхъ лѣтахъ на своей волѣ, ибо и мать его давно скончалась, и, имѣя такое огромное состояніе, въ поведеніи могъ служить примѣромъ для мно-

гихъ молодыхъ людей, изъ которыхъ иные и при маломъ состояніи стараются жить открыто, расточаютъ отцовское имѣніе и наконецъ, все проживая, начинаютъ сѣтовать на судьбу, которая виновата столько же, сколько науки и художества предъ невѣждою и безсмысленнымъ. —

Прошло четыре дня, какъ Лярскій не былъ у Лелевой и въ продолженіи этаго времени онъ не сдѣлалъ ни одного шагу изъ дома, тоска еще болѣе наполняла изгибы сердца его: ибо онъ, судя по времени, зналъ, что Графиня Лелева должна была уѣхать въ Зимогорье. Мысль, что онъ долго не увидитъ ту, которая такъ сильно могла очаровать его, ужасала Лярскаго и онъ, въ тишинѣ кабинета своего, предавался отчаянію. Какъ жаль, что мы не слѣдуемъ правиламъ разсудка, онѣ должны быть закономъ для каждаго человѣка, и еслибъ люди волю сердца подчиняли всегда волѣ разсудка, то вѣрно бы многіе не *сумазбродствовали* и покой былъ ихъ

удѣломъ. Такъ и Лярскій, котораго сердце завлекло въ сѣти любви, далъ полную волю ему, не стараясь подчинить оное разсудку; а къ тому, одинъ, безъ друга, (котораго хотя и имѣлъ, но тотъ былъ въ деревнѣ,) предавался мучительной тоскѣ, рисуя въ мечтахъ своихъ образъ несравненной Ольги. —

Прошла недѣля, Лярскій не переставалъ мечтать объ Ольгѣ и предаваться снѣдающей печали его. Въ одно утро, когда онъ въ уединеніи кабинета своего разсуждалъ самъ съ собою о прелестяхъ Ольги, о ея вѣрности къ Графу, вошелъ слуга къ нему и доложилъ, что пріѣхалъ *Валентинъ Ивановичъ Люблинъ*. Лярскій, какъ нечаянно пробудившійся отъ сна, вскочилъ съ креселъ, приказывая слугѣ просить Люблина въ кабинетъ къ нему. Слуга вышелъ. Лярскій съ нетерпѣніемъ смотрѣлъ на дверь кабинета, дожидаясь пока отворится она, и онъ увидитъ входящаго къ нему Валентина; это былъ другъ Лярскаго, съ которымъ онъ провелъ

первыя лѣта молодости своей, и которому были открыты всѣ тайны души его. —

Люблинъ вошелъ и Лярскій былъ въ объятіяхъ его. Долго двое друзей разспрашивали друга друга о препровожденіи времени, о новыхъ знакомствахъ; долго разговаривали они о политическихъ новостяхъ, наконецъ Люблинъ, зная сердечныя тайны Лярскаго, спросилъ его о Графинѣ Лелевой.

Прежде нежели читатель услышитъ разговоръ двухъ друзей о предметѣ семъ, я познакомлю его покороче съ Люблинымъ. Валентинъ, воспитанный съ малолѣтства въ правилахъ чести, добродѣтели и нравственности, росъ подъ присмотромъ строгихъ Русскихъ учителей, родители его не отдавали его въ пансіонъ; тамъ, говорили они, можетъ подъ присмотромъ надзирателя — Француза ослабѣвать любовь къ отечественному. Иностранецъ, воспитывая юношу, старается болѣе внушать ему любовь къ иностранному, чѣмъ любовь къ родинѣ

своей и повиновеніе властямъ. Такъ судили добрые и попечительные родители Валентина. Развѣ, часто говорили они, Русской Дворянинъ не можетъ знать иностраннаго языка, обучаясь оному у Русскаго же; мы видимъ попеченія Монарха о просвѣщеніи заведеніемъ казенныхъ училищь, Гимназій, гдѣ большею частію учители Русскіе и языкамъ иностраннымъ сколько въ пространной Россіи можно найти хорошихъ учителей, которые могутъ быть достойны чтобъ ввѣрить имъ воспитаніе юношества! Они Русскіе, по сердцу строго чтутъ повиновеніе, и рачительно пекутся о нравственности ввѣреннаго имъ юноши. Какъ *многіе* молодые люди были бы счастливы въ жизни, еслибъ родители судили и пеклись о воспитаніи ихъ подобно родителямъ Валентина! . . . . Каждый бы изъ нихъ, любя Царя и Отечество свое, былъ доблестный гражданинъ, и умъ его не заразился бы философіею, созданною въ XVIII столѣтіи, опасною философіею Волтера, Дидерота, Даламберта. . . . .

Валентинъ на 22 году отъ рожденія поступилъ въ высшее учебное заведеніе въ Россіи — въ Московской Университетъ, гдѣ попеченіе начальства объ образованіи и просвѣщеніи юношества превосходитъ описаніе. Русскіе ученые Профессора тщательно пекутся о юношествѣ чрезъ чтеніе лекцій, гдѣ сущность— нравственность и польза даютъ слушателямъ ясное и чистое понятіе о всѣхъ предметахъ, отъ чего умъ и сердце юноши стремятся къ истинѣ, чести и добродѣтели. Валентинъ и во время продолженія курса въ Университетѣ былъ подъ строгимъ присмотромъ родителей; повиновеніе и исполненіе воли ихъ считалъ онъ первымъ долгомъ своимъ, то и не удивительно, что молодой Люблинъ по окончаніи въ Университетѣ курса на поприщѣ жизни былъ человѣкъ со всѣми строгими правилами нравственности, и каждый, кто только былъ знакомъ съ нимъ, видѣлъ въ немъ человѣка чуждаго всякаго порока. Онъ не любилъ ни лжи, ни притворства, ни обмановъ, говорилъ всегда то, что было на душѣ

его и душею страстно обожалъ святую истину.—Таковъ былъ Валентинъ, таковы были правила его! . . . Читатель вѣрно извинитъ мою словоохотливость на щетъ Люблина и проститъ меня за длинный эпизодъ этотъ, въ которомъ говорилъ я о нравственности его, а чрезъ что ознакомилъ съ характеромъ и правилами Валентина. —

Когда Валентинъ спросилъ у друга своего о Графинѣ Лелевой, то лице Лярскаго сдѣлалось печально и ясно выражало состояніе души влюбленнаго. Люблинъ, замѣтя это, улыбнулся, наконецъ онъ взялъ руку Лярскаго, крѣпко сжалъ ее и съ видомъ сожалѣнія сказалъ ему:

»Александръ! мы были знакомы съ тобою съ самаго дѣтства, родители наши одинаково пеклись о воспитаніи нашемъ, въ одно время были мы въ святилищѣ наукъ, въ разсадникѣ чистой нравственности, гдѣ умъ и сердце юно-

шей просвѣщаются, образовываются и собираютъ сѣмена однѣхъ добродѣтелей, — въ одно время вступили мы на поприще жизни, гдѣ поклялись быть друзьями. Погрѣшность одного должна оскорбить чувства другаго, и такъ я долженъ, какъ другъ твой, говорить съ тобою откровенно.

— Говори, говори! милый Валентинъ, скоро перебилъ его Лярскій, я готовъ слушать тебя, готовъ слѣдовать совѣтамъ твоимъ — они для меня священны! . . . . .

„И такъ, слушай, началъ опять Люблинъ, я давно хотѣлъ сказать тебѣ то, что теперь ты услышишь отъ меня, но мои отъѣзды были препятствіемъ тому, сердце мое жалѣло о слабостяхъ друга моего и я нетерпѣливо жаждалъ свиданія съ тобою, желаніе исполнилось, я дождался дня этаго и долженъ, какъ вѣрный другъ, подать совѣтъ тебѣ. Ты любишь Графиню Лелеву, сердце твое страстно привязано къ ней, ты далъ волю ему овладѣть собою, ты не

хочешъ слѣдовать правиламъ разсудка, или лучше сказать, онъ слабъ теперь, чтобъ удержать стремленіе страстей твоихъ, ты забываешь законы чести, добродѣтели, хочешь расторгнуть священные законы супружества, вовлечь женщину въ пагубныя сѣти свои, замарать ее, обезславить, довести до ненависти супруга, до презрѣнія другихъ, — ты, дерзкій, но жалкій для меня другъ мой, вспомни слѣдствія, вспомни ту пропасть злощастія, къ которой влекутъ тебя страсти твои, знай, что въ послѣдствіи самая та, которую вовлечешь ты въ преступленіе, будетъ ежеминутно укорять тебя, ненавидѣть, проклинать имя твое, будетъ мстить тебѣ, и собственная совѣсть твоя не будетъ давать тебѣ ни минуты покою.«

—Во время разговора строгаго въ правилахъ Валентина, на глазахъ Лярскаго примѣтно навертывались слезы, онъ сжалъ руку друга своего и наконецъ сказалъ ему:

— Валентинъ, другъ мой, знай, что сама Ольга равнодушна ко мнѣ, она болѣе всего въ жизни сей любитъ супруга своего, ничто въ мірѣ не можетъ поколебать правилъ ея, поколебать вѣрности къ нему, и я одинъ виноватъ противъ совѣсти, одинъ обреченъ судьбой на страданія.

Лярскій подробно разсказалъ Валентину объ отношеніяхъ своихъ къ Графинѣ, разсказалъ о послѣднемъ свиданіи съ нею, и о томъ что онъ по сю пору не рѣшился открыться ей въ любви своей, онъ сказалъ ему объ отъѣздѣ ея въ Зимогорье, не утаилъ даже и о знакомствѣ своемъ съ Этикетовою, о ея приглашеніи на балъ. Люблинъ со вниманіемъ слушалъ разсказы друга своего, старался не упустить изъ нихъ ни одного слова, и когда Лярскій окончилъ разговоръ свой то Валентинъ съ свойственнымъ ему доброжелательствомъ наконецъ сказалъ ему:

„Слава Богу, любезный другъ мой, что страсти еще не совсѣмъ увлекли

тебя, совѣсть твоя предъ Графинею и мужемъ ея часто, ты не содѣлался въявѣ преступникомъ, руководитель разсудокъ не допустилъ тебя обнаружить предъ Ольгою порывовъ любви твоей, быть можетъ, она бы наградила тебя презрѣніемъ за необузданность поступковъ твоихъ, и тогда вѣчное мученіе совѣсти было бы удѣломъ твоимъ. Благодари Всевышнаго, что онъ въ минуту заблужденія твоего еще удержалъ тебя отъ будущихъ злосчастій. Это всегда будетъ служить тебѣ урокомъ въ жизни сей, а время — властелинъ всего, излѣчитъ раны сердца твоего, самый отъѣздъ Графини, ты долженъ считать счастливымъ случаемъ для себя — онъ много способствуетъ къ будущему благополучію твоему.«

Валентинъ много подобнаго говорилъ для спокойствія друга своего, котораго онъ любилъ душевно, и наконецъ довелъ его до того, что тотъ рѣшился дать ему честное слово, что никогда не осмѣлится онъ открыть порочныхъ

чувствъ своихъ, предъ добродѣтельною Ольгою и даже будетъ стараться исстребить изъ мыслей своихъ необузданную страсть, которая могла овладѣть имъ и которая вела его къ погибели.

Какъ лестно и какое счастіе въ жизни сей, если кто имѣетъ истиннаго друга! Его совѣты, его попеченія, его любовь къ намъ проистекаютъ отъ сердца, мы должны дорожить ими, должны цѣнить чувства и расположеніе дружества. Жаль только, что въ просвѣщенный вѣкъ нашъ мало видимъ мы примѣровъ истинной дружбы. Одинъ примѣръ представленный мною вѣрно не сыщетъ послѣдователей себѣ, и еще, быть можетъ, какой нибудь эгоистъ, которыхъ довольно сыскать можно, улыбнется дружеской морали строгаго Валентина, а характеръ Лярскаго назоветъ непостояннымъ.

Двое друзей разстались совершенно довольными другъ другомъ, Валентинъ раскаяніемъ Лярскаго, а этотъ совѣ-

тами его и Лярскій далъ Люблину честное слово, что онъ перемѣнитъ образъ жизни своей и скучное одиночество промѣняетъ на пріятное *иногда* разнообразіе. —

Глава четвертая.

Пыль клубилась по большой Нижегородской дорогѣ, купеческіе обозы съ различными товарами медленно тащились по оной, толпы здоровыхъ Русскихъ ямщиковъ шли въ концѣ обозовъ, дружелюбно разговаривая между собою, вдругъ въ отдаленіи облако пыли стало густѣе, шестерка ямскихъ лошадей мчала скоро четвероместную дорожную карету. Двое рослыхъ лакѣевъ сидѣли позади кареты на привязанныхъ туго чемоданахъ. Стеклы кареты были опущены, но въ нихъ видно было, что въ каретѣ сидѣли дамы. Съ большей Нижегородской дороги карета своротила въ

сторону на право и неслась борзыми здоровыми ямскими лошадьми по дорогѣ въ село Зимогорье, при въѣздѣ въ которое стеклы кареты были подняты. Толпы усталыхъ крестьянъ и молодыхъ крестьянокъ шли съ полевой работы въ село свое, маленькія дѣти ихъ резвились предъ окнами домовъ и нестройный крикъ ихъ разносился въ воздухѣ. Лишь только карета въѣхала въ село Зимогорье, выстроенное по обѣимъ сторонамъ дороги, и шедшіе крестьяне замѣтили оную, то какая-то тишина водворилась между ими и на лицахъ ихъ была примѣтна радость. Многіе изъ нихъ побѣжали на встрѣчу къ ѣдущей каретѣ, снявъ съ головъ шапки свои, другіе примѣтно спѣшили въ дома свои, какъ будто бы съ какою новостью. Одна изъ дамъ сидящихъ въ каретѣ съ улыбкою кланялась крестьянамъ, которые стояли по обѣимъ сторонамъ дороги. Въ одинъ мигъ карета промчалась по селу и очутилась на дворѣ господскаго дома. Графъ Лелевъ, въ это время, когда карета ѣхала по

селу стоялъ на балконѣ, и лишь только увидалъ поднимающуюся по дорогѣ пыль и бѣжащихъ крестьянъ, то въ тужъ минуту кликнулъ слугъ, велѣлъ оттереть большое подъѣздное крыльцо и самъ съ примѣтнымъ нетерпѣніемъ стоялъ на ономъ, дожидаясь скоро ѣдущую карету. Карета подъѣхала къ крыльцу, нѣсколько слугъ и самъ Графъ Лелевъ бросились отпирать дверь оной и съ неизъяснимой радостію Графъ принялъ за руку выходящую изъ кареты супругу свою. Прежде нежели другая дама сидящая въ каретѣ съ Графинею и дѣвушка, которую Ольга очень любила вышли изъ кареты, Графиня была уже въ объятіяхъ обрадованнаго супруга своего; многіе изъ слугъ, видя сцену сію, едва не плакали.—Напрасно, иногда говоримъ мы, что въ этомъ классѣ людей нѣтъ чувствительности, мало возвышенныхъ душъ, но только то, чтобъ заставить ихъ быть таковыми, чтобъ облагородить чувства души ихъ — зависитъ собственно отъ господина. Дворянинъ, которому у насъ въ Рос-

сіи дана власть управлять малымъ или большимъ числомъ народа и распоряжать онымъ (не вдаваясь въ прихотливыя требованія желаній своихъ) долженъ имѣть попеченіе объ ономъ, какъ о собственномъ семействѣ своемъ. —

Графъ подъ-руку ввелъ Ольгу въ покои дома, разспросы, разсказы, ласки сыпались одинаково съ обѣихъ сторонъ и, кажется, что съ одинакимъ желаніемъ, съ одинаковою словоохотливостію отвѣчали они другъ другу. Ни одинъ не хотѣлъ кончить, или быть послѣднимъ. Графиня разсказывала о Москвѣ и оставленныхъ знакомыхъ, о дорогѣ; Графъ — о жителяхъ Зимогорья, о добродѣтельномъ отцѣ Василіѣ и женѣ его, о милой Лизѣ, — однимъ словомъ, ничто и никто ими позабытъ не былъ. Такъ провели первыя минуты свиданія обрадованные супруги. Дама, пріѣхавшая съ Графинею ласково была принята Графомъ, которой, какъ благодарный и признательный супругъ отблагодарилъ ее за компанію, которую она

могла доставить супругѣ его во время дороги и просилъ ее быть въ домѣ у нихъ, какъ въ собственномъ своемъ. *Г-жа Радугина*, (такъ была фамилія пріѣхавшей дамы) съ одинаковою вѣжливостію отблагодарила Графа и отправилась въ комнаты Графини, которая поспѣшила туда, дабы раздѣться. —

Графъ, восхищенный пріѣздомъ супруги былъ внѣ себя отъ радости. Люди, которые за доброту души любили госпожу свою, наперерывъ одинъ другому твердили о пріѣздѣ ея и менѣе нежели въ часъ все село узнало объ этомъ. Радостная вѣсть сія вскорѣ достигла и благочестиваго отца Василія, доброй жены его и маленькой Лизы, которая съ нетерпѣніемъ просила его отвести ее къ Графинѣ. —

Напрасно бы я сталъ описывать теперь радость простодушныхъ Русскихъ крестьянъ, которые душею привязаны къ добрымъ помѣщикамъ своимъ. Они цѣлымъ селомъ спѣшили на пространный дворъ господскаго дома, дабы увидать

пріѣхавшую госпожу свою; каждый изъ нихъ въ простотѣ души своей тверділъ о пріѣздѣ доброй помѣщицы, каждый старался стать напереди и съ низкимъ поклономъ поздравить Графиню съ пріѣздомъ, всѣ тѣснились, всѣ были въ движеніи. Графиня, увидавъ изъ оконъ собравшихся крестьянъ и женъ ихъ, вышла на балконъ и ласково отблагодарила ихъ за любовь къ ней. Читатели! пусть воображеніе ваше представитъ вамъ восхищеніе Графини и радость крестьянъ, ихъ нестройные крики; перо мое слабо начертитъ вамъ и легкій образъ чувствъ восхищеннаго Русскаго крестьянина.

Часа черезъ два по пріѣздѣ Графини пришелъ къ ней престарѣлый отецъ Василій съ милою Лизою, внучкой своей. Графиня обрадованная приходомъ священника ласково приняла его, разцѣловала Лизу и не позабыла разспросить о престарѣлой женѣ его. Добрая бабушка Лизы также за первый бы долгъ сочла себѣ быть тотчасъ у Графини,

но нездоровье ея принудило лишиться радости въ день пріѣзда увидать добросердечную Ольгу. — Графиня очень жалѣла, узнавъ о болѣзни жены священника, и даже предлагала, чтобъ послать въ городъ за докторомъ; но отецъ Василій отказался отъ предложенія попечительной Графини, говоря, что болѣзнь эта часто случается съ женой его и что, Богъ милостивъ, она продетъ и безъ врача тѣлеснаго.

Благочестивый старецъ не долго оставался у Графа, онъ поспѣшилъ къ больной женѣ своей, оставя Лизу у Графини по усердной просьбѣ ея.

На другой день пріѣзда своего въ Зимогорье Графиня рѣшилась сама посѣтить больную жену священника. Ласка оказанная ею семейству этому принесла столько радости, что больная и престарѣлый священникъ были отъ онаго внѣ себя. Г-жа Радугина, которая сопровождала Графиню, удивлялась всему видимому, но болѣе всего ласкамъ, которыя Ольга и мужъ ея оказывали ма-

ленькой Лизѣ. Она хотя и давно была знакома съ домомъ Лелевыхъ, но однако не знала тайны, связывающей семейство отца Василія съ Графомъ, она не знала, что Лиза была дочь племянница Графа Александра и дочь брата его Владиміра, который давно скончался.

Прошло три дни, какъ Графиня пріѣхала въ Зимогорье и во все продолженіе этаго времени Графъ Александръ ни на минуту не оставлялъ обожаемой имъ супруги. Это время было послѣднее, въ которое могъ онъ, какъ страстный супругъ, видѣть ту, которую считалъ дороже всего въ мірѣ. Всѣ домашніе, видя взаимную любовь супруговъ и согласіе, (которымъ немногіе могутъ похвалиться въ вѣкъ нашъ) восхищались онымъ и молили Творца о продолженіи жизни добрыхъ господъ своихъ. Радугина, старая знакомица покойной Графини Лелевой, матери Графа, также ра-

довалась оному и только жалѣла, что смерть пресѣкла дни старой Графини и не дала ей утѣшиться любовію дѣтей ея. —

Время, такъ какъ тѣнь, которую видимъ мы, но не видимъ когда она уменьшается, проходило. Графъ Лелевъ и супруга его дѣлались скучнѣе. Они хотя и не говорили другъ другу о разлукѣ, но сердца ихъ живо чувствовали оную и наполнялись печалію. —

Глава пятая.

25 Мая, по утру, у Графа Лелева много собралось гостей, близкихъ окрестныхъ сосѣдей. Жители Зимогорья — крестьяне были одѣты въ праздничные платья, и переходили изъ дома въ домъ. Экипажи и дорожныя брички стояли въ разныхъ мѣстахъ въ ближней отъ села рощицѣ, множество слугъ видно было на дворѣ и у крылецъ господскаго дома и, казалось, что все Зимогорье было въ движеніи. Графъ и Графиня были заняты гостями, слуги и служанки различными работами, изъ гостей иные прогулкою по саду и рощѣ, осматриваніемъ прелестныхъ живописныхъ мѣстоположеній села Зимогорья, другіе разговаривали о политикѣ или о сельскомъ хозяйствѣ, о выгодахъ деревенской жизни, однимъ словомъ, всѣ и каждый думалъ, говорилъ, дѣлалъ различное. —

Время приближалось къ обѣду, всѣ гости собрались въ покои дома, нѣсколько искусныхъ поваровъ пригошовляли вкусныя кушанья, лакѣи поспѣшно накрывали столъ, наконецъ Графъ и Графиня пригласили гостей къ обѣду. — Во все продолженіе онаго разговоры о различныхъ предметахъ попеременно были возобновляемы гостями и предъ окончаніемъ обѣда были питы тосты за здоровье Графа и Ольги. Обѣдъ кончился. Начались различныя упражненія гостей: нѣкоторые изъ мущинъ отправились во флигель дома играть на билліартѣ, другіе сѣли играть въ бостонъ, дамы въ вистъ, молодыя барышни отправились гулять въ садъ, гдѣ давно знакомыя занялись между собою *разговорами* о гостяхъ, сообщали откровенно другъ другу тайны свои, жалѣли о столичной жизни, о собраніяхъ и каждая въ очередь свою дѣлала рѣшительный приговоръ какому нибудь молодому мущинѣ.

Графъ Лелевъ будучи развлеченъ гостями былъ довольно веселъ. Ольга,

видя мужа своего въ таковомъ располо-
женіи духа, внутренно радовалась этому
и сама забывала минуту, въ которую
она должна была проститься съ Гра-
фомъ. Но это напомнило ей, когда нѣ-
которые изъ гостей, собирались ѣхать
домой, стали прощаться съ Графомъ и
съ дружескимъ расположеніемъ желать
ему благополучія; на глазахъ Ольги на-
вернулись слезы, лице Графа, который
также вспомнилъ о прощаніи съ суп-
ругой, покрылось блѣдностію; многіе го-
сти замѣтя это, просили ихъ успоко-
иться, утѣшая надеждою и вѣрой въ
Провидѣніе.

Вечеръ, какъ и день, былъ проведенъ
довольно весело, оставшіеся гости го-
ворили много въ утѣшеніе разлучаю-
щихся супруговъ, каждый въ очередь
свою хотѣлъ утѣшать, совѣтовать, и
каждый, кажется, говорилъ отъ души.
Добродѣтельная Ольга хотя и слушала,
но въ душѣ ея было другое. Она пред-
ставляла себѣ разлуку, опасности, ко-
торымъ могъ подвергнуться супругъ ея,

плѣнъ непріятеля и если, что нибудь могло утѣшать ее, то утѣшала ее мысль, что Графъ будетъ сражаться за Отечество. Восхищеніе свойственное каждому Русскому!... 1812 годъ показалъ намъ примѣры любви къ Царю и Отечеству. Исторія отличительно украсится произшествіями времени этаго, и потомство должно будетъ благоговѣть предъ предками, которые ознаменовали себя въ эту эпоху достопамятную для Россіи!....

Уже поздно вечеромъ разъѣхалась большая часть гостей, но немногіе, какъ по дальности помѣстьевъ своихъ отъ Зимогорья, такъ и по усерднымъ просьбамъ Графа и Графини принуждены были остаться ночевать.

Такъ проведенъ былъ день наканунѣ отъѣзда Графа Лелева въ корпусъ Графа Витгенштейна. Радушіе хозяевъ, сердечное расположеніе гостей, откровенность, веселость, простота, все это вмѣстѣ приносило для каждаго неизъяснимую пріятность и удовольст-

віе. Благочестивый старецъ Василій, какъ любимецъ семейства Графовъ Левыхъ, набожными и кроткими разговорами своими еще болѣе увеличивалъ пріятность компаніи; добрая и почтенная жена его, уважаемая всѣми, кто только зналъ ея, и въ кругу свѣтскихъ дамъ могла доставлять удовольствіе; долговременная жизнь ея, знаніе людей, счастливая память дѣлали ее занимательною; каждый, кто дѣлилъ время съ ней, могъ забывать скуку, анекдоты о старинѣ и правдоподобно ею разсказываемыя могли плѣнять всякаго. Прелестная Графиня, какъ Россіянка по сердцу, восхищалась всемъ, что только слышала о Россіи или соотечественникахъ своихъ, она рѣдко говорила по Французски и то развѣ въ пышныхъ обществахъ изъ одного приличія, но не изъ желанія, и даже въ душѣ своей негодовала на тѣхъ Русскихъ дворянъ, которые отдавали преимущество чему нибудь иностранному, хвалили съ энтузіазмомъ не отечественное, и для удовольствій жизни избирали жительст-

вомъ *душной* Парижъ, или какую нибудь провинцію за границей. Какъ отличителенъ во всемъ духъ Русскаго народа, духъ того, которой въ юности своей не былъ воспитанъ забредшимъ въ Россію для выгодъ своихъ иностранцемъ. Какъ жаль, что мы Русскіе, еще мало имѣемъ той народной гордости, которая бы болѣе могла возвеличить насъ! Вѣкъ нашъ ясно доказалъ, что Россія есть та держава въ Европѣ, которой другія должны слѣдовать во всемъ, и что геній просвѣщенія оной долженъ плѣнять собою другіе народы. —

Мысли Графини и одинаковыя съ ней сужденія Графа обо всемъ отечественномъ, ихъ предубѣжденія къ иностранцамъ разительно *отличали ихъ* въ кругу *блестящихъ обществъ*, гдѣ *вкусъ* болѣе подчиненъ уставамъ моды, и гдѣ *каждый* съ уваженіемъ относится о чужеземномъ.— Быть можетъ, другіе въ душѣ смѣялись надъ Лелевыми, и они замѣчали это, но чувства ихъ не оскорблялись, они болѣе сожалѣли о тѣхъ,

которые, будучи Русскими, такъ унижали себя въ глазахъ соотечественниковъ своихъ. —

Глава шестая.

Наступило утро. Кто проводилъ плѣнительный Май въ деревнѣ, тотъ живо безъ описанія можетъ чувствовать всю пріятность, каковою даритъ насъ этотъ питомецъ природы. Перо каждаго слабо выразить, какъ чувства, которыя вливаетъ онъ въ насъ прелестью красотъ своихъ, дышущихъ новой жизнію, такъ и изчислить всѣ дары природы, всю разнообразность, каковую только видимъ мы въ очаровательномъ Маѣ. Свѣжесть и пріятность воздуха, зелень луговъ, распускающіяся почки деревьевъ, цвѣты, пѣніе птицъ этихъ свободныхъ жителей величественной природы, все, все плѣняетъ, нѣжитъ чувства, очаровываетъ, веселитъ насъ. —

Графъ Лелевъ проснулся ранѣе всѣхъ. Онъ не будилъ супруги своей и радовался, что Морфей еще не отлеталъ отъ нея. Александръ разбудилъ одного изъ слугъ своихъ и велѣлъ ему приготовить умыться, а самъ пошелъ въ кабинетъ свой, дабы собрать разныя бумаги, которыя онъ долженъ былъ взять съ собою. Спустя малое время встала Графиня, а наконецъ и гости. Въ саду въ пространной, хорошо убранной бесѣдкѣ былъ приготовленъ чай, гдѣ всѣ собрались къ оному. Чай продолжался довольно долго, послѣ онаго Графъ Лелевъ приглашалъ всѣхъ гостей отправиться въ церковь, (превосходный обыкай Русскаго! . . .) гдѣ отецъ Василій совершалъ литургію, послѣ которой, Графъ Александръ и Ольга просили его отслужить молебенъ. Въ продолженіи онаго Ольга очень плакала. Церковь была полна народа, всѣ крестьяне и крестьянки собрались въ оную, дабы молить Всевышняго о здравіи добраго своего господина, а когда нѣкоторыя изъ нихъ увидали на глазахъ Ольги слезы,

то всеобщее уныніе видно было на лицахъ приверженныхъ крестьянъ и многіе изъ нихъ также плакали, даже у самаго добродѣтельнаго Василія навертывались на глазахъ слезы. У кого не тронется сердце, видя плачущаго крестьянина объ господинѣ его, и кто не будетъ душевно уважать такихъ Русскихъ господъ, къ которымъ такъ привержены крестьяне ихъ. Дай Богъ, чтобъ мы *болѣе* видѣли помѣщиковъ похожихъ на Графа Лелева. Хорошій примѣръ одного долженъ служить для каждаго. —

Молебенъ кончился. Графъ съ супругою и гостями отправился изъ церкви въ домъ свой. Всѣ крестьяне и крестьянки почтительно въ отдаленіи слѣдовали также къ дому за добрыми господами своими. Вкусной завтракъ былъ уже готовъ, и только дожидались отца Василія, которой однако не заставилъ долго ждать себя. Когда пришелъ онъ, то сказалъ Графу, что всѣ жители Зимогорья собрались около дома и непер-

пѣливо ждутъ появленія его, дабы каждый изъ нихъ лично могъ видѣть отъѣзжающаго Господина своего, а вмѣстѣ съ этимъ проститься съ нимъ. Сердце Графа вполнѣ чувствовало любовь и привязанность данныхъ во власть ему, онъ не гордился этимъ, но восхищался простотою и приверженностію миролюбивыхъ жителей села Зимогорья. Въ этомъ расположеніи духа онъ побѣжалъ къ Графинѣ объявить о пришедшихъ крестьянахъ, которая также съ своей стороны была обрадована этимъ и вполнѣ цѣнила приверженность ихъ; ей еще болѣе была пріятна она потому, что они вмѣстѣ съ ней чувствовали ту печаль, каковую наносилъ отъѣздъ Графа.

По окончаніи завтрака Графъ вмѣстѣ съ гостями и супругою своею отправился на дворъ дома, куда были позваны и добродушные крестьяне. При появленіи Графа всѣ они поклонились ему, и, называя его кормильцемъ своимъ, желали ему всего, что только бы могла желать родная мать, отпуская сына

своего. Слезы крестьянъ, гостей, Графа и Графини дѣлали картину эту еще величественнѣе, еще восхитительнѣе! Сердца и нравы Русскихъ видны во всемъ!... Кто изъ васъ теперь, читатели, и при слабомъ очеркѣ всего происходившаго въ Зимогорьѣ, не чувствуетъ въ душѣ своей того сладкаго трепета, каковымъ должны наполняться сердца наши въ то время, когда слышимъ мы о благородныхъ поступкахъ добрыхъ соотечественниковъ нашихъ! Духъ Русскаго народа великъ, чувства доброты неизъяснимы! Пускай иностранцы — сіи завистливые и невѣрные представители характера великихъ Россіянъ говорятъ противное; каждый Русскій долженъ ясно видѣть это и жалѣть объ нихъ, не питая впрочемъ въ душѣ своей ненависти къ нимъ, потому что одна презрѣнная зависть заставляетъ ихъ клеветать на насъ. Пускай Наполеонъ—сей гордый Корсиканецъ и приверженцы его называли насъ грубыми, злодѣями, Скиѳами. Дѣла Великаго, благословеннаго Александра и 1815 годъ,

когда войска Русскіе были въ Парижѣ, уличили ихъ ясно въ клеветѣ, а въ добротѣ всегдашнихъ поступковъ оправдали этихъ Скиѳовъ! . . . Имя и славныя дѣла миролюбиваго Монарха Россіянъ Александра, возстановителя тишины, спокойствія и благоденствія цѣлой Европы изъ вѣка въ вѣкъ передастъ скрижаль Исторіи и позднее потомство съ нѣмымъ благоговѣніемъ будетъ высоко цѣнить славныя дѣла предковъ своихъ!

Добрый Графъ поцѣловался съ каждымъ изъ крестьянъ своихъ, безмолвная и продолжительная сцена эта разтрогала сердца гостей стоящихъ вмѣстѣ съ Графомъ, по окончаніи которой всѣ возвратилися въ покои. Разтроганная Ольга была внѣ себя и представляла безмолвное подобіе горести. Она не плакала, но въ сердцѣ своемъ живо чувствовала скорую разлуку съ другомъ души своей—съ обожаемымъ супругомъ. Отданы были приготовленія къ сбору,

слуги суетились, каждый бросался исполнять порученное ему и менѣе нежели въ полчаса было готово все. Лошади стояли у крыльца, лакеи выносили изъ комнатъ чемоданы и клали оные въ брички, другіе экипажи, въ которыхъ Графиня и гости собирались ѣхать провожать Графа, были также заложены, наконецъ Графиня, Графъ и гости въ большей гостинной сѣли по мѣстамъ и, по древнему обычаю Русскихъ, священникъ, присутствовавшій тутъ, первый всталъ съ мѣста своего, а за нимъ и сидящіе. Онъ прочелъ молитву и Графъ началъ прощаться. Отъѣзжающій Графъ прежде простился съ гостями, потомъ съ обожаемою супругою и когда онъ обнялъ ее, то казалось, что эти два существа въ эту минуту лишились всѣхъ признаковъ существованія своего. Однѣ слезы, катившіяся градомъ изъ глазъ ихъ, доказывали признаки жизни. Болѣе четверти часа находились они въ таковомъ положеніи и были выведены изъ онаго благочестивымъ отцемъ Василіемъ, которой съ свойственною ему

набожностію подошелъ къ нимъ и, положа руку свою на плечо Графа, сказалъ ему: „*возверзи печаль твою на Господа!*" Графъ, услыша голосъ отца Василія, пришелъ въ себя, разтревоженная и опечаленная Ольга также опомнилась, а мысль о врагѣ Отечества и упованіе на Всевышняго подкрѣпили душу ея. —

Всѣ вышли изъ покоевъ. Графъ на крыльцѣ простился со всѣми слугами и служанками, Графиня поддерживаемая Г-жею Радугиною горько плакала, даже и у самаго Графа выкатывались изъ глазъ крупныя слезы, но онъ старался скрывать слабость свою, дабы еще болѣе не огорчить супруги. — Экипажи подъѣхали къ крыльцу. Графъ, Графиня, Г-жа Радугина и маленькая Лиза сѣли въ одну карету, гости въ другіе экипажи и всѣ длинной вереницею потянулись по селу Зимогорью къ большей Нижегородской дорогѣ. Повозка Графа ѣхала сзади. Священникъ стоя на крыльцѣ благословилъ въ слѣдъ поѣхавшихъ. Крестьяне стояли толпами по обѣимъ

сторонамъ дороги села своего и покуда Графъ ѣхалъ чрезъ оное, они не переставали кланяться ему, и до тѣхъ поръ глядѣли въ слѣдъ, пока пыль и отдаленность скрыли изъ виду всѣ экипажи. — Такъ мирные крестьяне Зимогорья провожали добраго господина своего, таковую Графъ Лелевъ добротою характера заслужилъ привязанность отъ нихъ. Какъ было бы утѣшительно, если въ пространной Россіи есть много помѣщиковъ подобныхъ добротою Графу Лелеву, и какія могутъ быть благодѣтельныя слѣдствія отъ этаго. —

Когда уѣхалъ добрый Графъ, то священникъ и жена его возвратились домой, вспоминая дорогою объ уѣхавшемъ, и молили Всевышняго о сохраненіи жизни его,—и кто бы вмѣстѣ съ ними не пожелалъ ему тогоже? Доброта характера Александра, его расположеніе ко всѣмъ, его страстная любовь къ супругѣ своей, приверженность къ Отечеству, желаніе сразиться съ дерзостнымъ врагомъ, презирая собственную опасность — все

это располагаетъ къ нему каждаго, заставляетъ уважать его и восхищаться ревностнымъ патріотизмомъ, который оказали многіе въ знаменитую войну 1812 года!

Глава седьмая.

Война 1812 года и честолюбивые замыслы Императора Французовъ—дерзновеннаго Наполеона уже доказали всей Европѣ, что не слава, не честолюбіе, не собственныя выгоды пробудили духъ патріотизма Россіянъ на приверженность къ законному и миролюбивому Монарху. Любовь къ Отечеству руководила ими, а ненависть и народная гордость побуждала ихъ оставлять семейства свои, жертвовать послѣднимъ имуществомъ, не щадить жизни и тѣсными рядами стать противъ непріяте-

ля, которой каждый шагъ родной земли нашей кропилъ кровію своею и терялъ силы свои. Кто въ это время, когда гордый Корсиканецъ вступилъ въ предѣлы Россіи, думалъ о выгодахъ своихъ? Кто съ сожалѣніемъ отпускалъ дѣтей, братьевъ, мужей, отцовъ на поле брани противъ врага Отечества? Всѣ и каждый съ радостію спѣшили оказывать другъ передъ другомъ ревность свою къ защитѣ любезнаго Отечества. Всѣ и каждый хотѣлъ быть Мининымъ и Пожарскимъ, имена которыхъ вѣчно останутся въ памяти благодарнаго потомства : . . Слабая и болѣзненная мать собирала послѣднія слова свои и благословляла сына шедшаго разить враговъ Россіи; супруга, страстно любящая мужа своего, безъ малѣйшаго сожалѣнія отпускала его въ ряды соотечественниковъ, которые день отъ дня увеличивались ревностными сподвижниками за Царя своего. Голодъ, плѣнъ, смерть, все было забыто, все было презрѣно. Дворяне и Духовенство, купцы и жители селъ, бѣдные и богатые жертвовали

имуществомъ своимъ, отдавали послѣднее и спѣшили брать оружія. Духовные пастыри въ Господнихъ храмахъ молились за спасеніе Отечества, старцы поощряли внучатъ своихъ сражаться храбро противъ враговъ; заслуженные воины, презирая раны и забывая понесенные прежде труды, спѣшили снова стать въ рядахъ, учили неопытныхъ, одушевляли ихъ примѣрами своими и побуждали болѣе и болѣе къ ревности.

Имя Александра Перваго и выраженіе: „*за Царя и Отечество!*" — слышимо было въ устахъ каждаго. „*Месть врагу, освобожденіе Россіи и спокойствіе нашему Монарху!*" — повторялъ классъ Дворянъ и спѣшилъ оказывать неограниченную приверженность свою, однимъ словомъ, вся Россія, всѣ классы гражданъ думали и предпринимали одно; цѣлыя деревни, города казались однимъ семействомъ, ничто не отдѣляло ихъ другъ отъ друга, забыты были семейственные раздоры, брани, гордость,—и всѣ казались братьями, всѣ спѣшили по-

могать одинъ другому, всѣ наперерывъ утѣшали, совѣтовали другъ другу, всѣ соглашались съ опытностію старцевъ, съ ихъ совѣтами и никто не старался выставлять себя на видъ предъ другими—одно согласіе во всемъ, одно единодушіе видны были!...

Отдѣльный корпусъ Графа Витгенштейна, равно и вся армія Санктпетербургскаго и въ послѣдствіи времени Московскаго ополченія не доказали ли ясно приверженности Русскихъ къ Отечеству своему? Не видѣли ли мы въ дѣйствіяхъ оныхъ ополченій настоящаго духа предковъ нашихъ, защищавшихъ также отечество свое отъ Татаръ и Поляковъ? Не одинаковая ли ревность и желаніе губить враговъ видны были въ дѣйствіяхъ этихъ неопытныхъ воиновъ?.... Греція гордится Θемистокломъ, Мильціадомъ, Леонидомъ и нѣкоторыми другими сподвижниками ихъ, имена которыхъ передала намъ Исторія. Россія можетъ гордиться каждымъ гражданиномъ своимъ, и еслибъ Исторія

вздумала передавать имена ихъ потомству, то вѣрно бы оно изощрило всю память свою и не моглобъ заучить всѣхъ именъ предковъ своихъ внесенныхъ въ Исторію. Быть можетъ, потомство удивилось бы множеству и не знало бы, кому изъ всѣхъ дать болѣе преимущества. Оно осталось бы безмолвнымъ!....

Такъ и Графъ Лелевъ, какъ Дворянинъ Русскій, побуждаемый общимъ духомъ патріотизма и ревностію рѣшился вступить въ военную службу. Въ 1812 году въ Бѣлоруссіи въ мѣстечкѣ *Кейданахъ* собирался отдѣльный корпусъ подъ предводительствомъ Графа Витгенштейна, и когда извѣстія объ ономъ разнеслись по Россіи, то Графъ Лелевъ рѣшился вступить въ корпусъ оный. Когда узналъ о сборѣ корпуса, то жилъ онъ въ Москвѣ, и въ самое короткое время былъ принятъ въ N.... гусарской полкъ. Но прежде нежели долженъ онъ былъ прибыть въ *Кейданы*, начальство дозволило ему по надобностямъ его

на нѣсколько времени остаться въ Москвѣ. Въ это время Графъ ѣздилъ въ Зимогорье, гдѣ, какъ видѣли мы, отецъ Василій, встрѣчая его, крайне удивленъ былъ, увидавъ на немъ гусарскій мундиръ. —

Сама Ольга, которая страстно любила супруга своего и въ другое время ни за что въ мірѣ не рѣшилась бы разстаться съ нимъ, была одушевлена тѣмъ же духомъ, той же любовію къ Отечеству и ненавистію къ врагу, каковымъ энтузіазмомъ было наполнено сердце Графа. Ольга, какъ женщина, иногда плакала, вспоминая разлуку, но въ тужъ минуту приходила въ себя и утѣшалась мыслію: *въ Отечествѣ враги, Отечество можетъ погибнуть, должно спасти его.* Такъ 1812 годъ доказалъ намъ, что Россіяне никогда не ослабѣвали духомъ, и что въ самыхъ несчастіяхъ были велики. Самъ Наполеонъ, предпріятіямъ котораго, быть можетъ, будутъ удивляться грядущіе вѣки, говорилъ иногда: « *Что еслибъ я владѣлъ народомъ*

этимъ (Россіянами), *то покорилъ бы весь свѣтъ.*« — Онъ поздно уже раскаялся въ дерзости своей; Россія доказала ему, что она должна быть была для него камнемъ преткновенія. Мы видѣли и помнимъ живо, какъ Французы и иноплеменные съ ними народы оставляли Державу Великаго Александра, какъ проклинали они того, которой, обольстя ихъ, велъ на явную смерть; мы видѣли, какъ самъ онъ—этотъ ужасъ другихъ Государствъ, этотъ хищникъ престола — Наполеонъ, съ стыдомъ и поношеніемъ бѣжалъ изъ нашей пространной Россіи, оставляя вездѣ, или плѣнными, или на мѣстѣ обольщенныхъ сподвижниковъ своихъ.

Герои повѣсти моей, Александръ и Ольга Лелевы, какъ доблестные Россіяне, съ духомъ, одушевляемымъ любовію къ Отечеству и приверженностію къ Монарху, въ знаменитую эпоху 1812 года дѣйствовали если не подобно тѣмъ, которыхъ имена будутъ вписаны въ Исторіи, то по крайней мѣрѣ они одина-

ково со всѣми думали о спасеніи Отечества, не щадили ни имущества, ни денегъ, ни самой жизни, одинаковую питали ненависть къ общему врагу всей Россіи и съ тѣмъ же рвеніемъ желали свободы Отечеству и униженія предпріимчивому Наполеону.

Послѣднее прощаніе Графа Лелева на станціи съ супругою своею было ужаснымъ контрастомъ тому, какое видѣли мы прежде. Ни одна слеза не выкатилась изъ глазъ ихъ, ни одинъ тяжкій вздохъ не вылетѣлъ изъ груди прелестной Ольги, надежда на Всевышняго и презрѣніе къ врагу наполняли мысли ихъ. Они только страстно обняли другъ друга, крѣпко поцѣловались, сжавъ одинъ другаго въ объятіяхъ своихъ и потомъ, устремивъ глаза на небо, ввѣрили себя оному. Графъ былъ уже въ повозкѣ, добродѣтельная супруга его спокойно глядѣла, какъ лихой ямщикъ сидѣлъ на

облукѣ своемъ, и, снявъ шляпу, крестился на небо, потомъ натянулъ рукавицы, ударилъ по лошадямъ, свиснулъ — и добрыя кони быстро помчались по гладкой дорогѣ, поднимая копытами пыль, а звонкой колокольчикъ рѣзко визжалъ подъ дугой. Графиня во все время это стояла на улицѣ противъ дома станціоннаго смотрителя, толпа знакомыхъ окружала ее и она охотно глядѣла на дорогу, по которой поѣхалъ обожаемый супругъ ея, до тѣхъ поръ пока и самая пыль поднятая повозкой его мало по малу улеглась на дорогѣ. Г-жа Радугина стояла возлѣ Графини, которая правою рукою оперлась на плечо Лизы. Прелестная Ольга, уже въ отдаленіи не видя болѣе мчащейся повозки съ залогомъ души ея и даже не слыша унылаго звона колокольчика, съ стѣсненнымъ сердцемъ и съ страшною тоскою на душѣ возвратилась со всѣми знакомыми своими въ покои смотрителя. Тамъ, печальная, съ примѣтною блѣдностію на лицѣ сѣла она подъ окно и хранила молчаніе. Ми-

лая Лиза сидѣла возлѣ нея и также, видя печаль Графини, ничего не лепетала. Г-жа Радугина и всѣ бывшіе тутъ сидѣли, видѣли что произходило въ душѣ Ольги, старались развлечь ее и первая Г-жа Радугина прервала скучное молчаніе.

„Помилуйте, Ваше Сіятельство, начала она, неужели надежда на Промыслъ Всевышняго могла оставить васъ? Обратитесь къ Нему и тогда вѣрно спокойствіе возвратится душѣ вашей.„

— Ахъ! Анна Петровна, отвѣчала Графиня, надежда на Творца не оставляла меня, но я думаю о томъ, что, быть можетъ, Графъ, теперь убивается тоскою и некому развлечь его.

„Два, три дня, Ваше Сіятельство, начали нѣкоторые изъ сопутствовавшихъ гостей, тяжкая печаль будетъ окружать Графа, а тамъ, увѣряемъ васъ, что въ кругу многолюднаго общества Офицеровъ, Графъ можетъ раз-

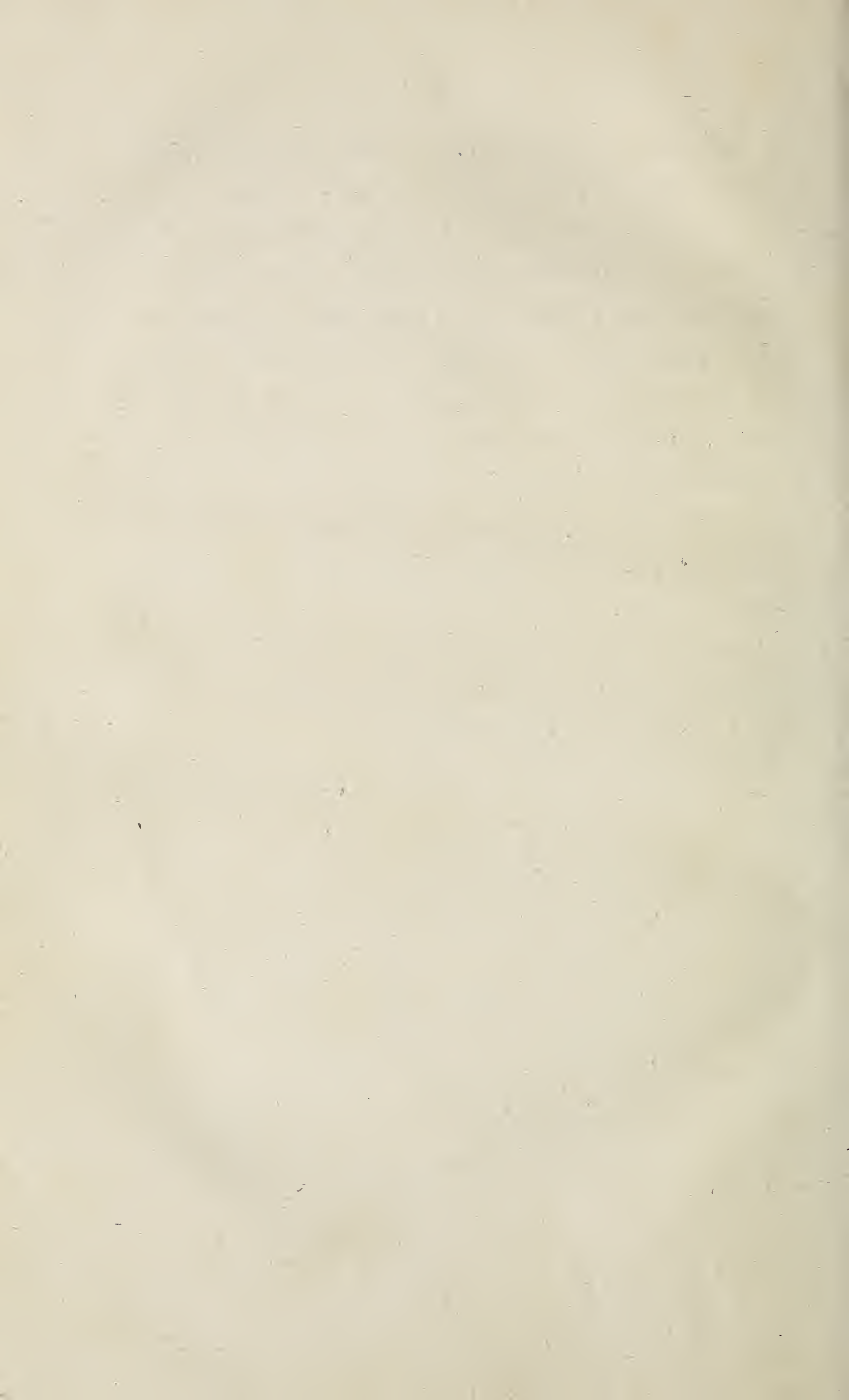
сѣять себя, или по крайней мѣрѣ военныя занятія развлекутъ грустныя мечты супруга вашего.“

Графиня тяжко вздохнула и взглянула на образъ Спасителя, стоящій противъ нея въ углу комнаты, потомъ отерла слезу выкатившуюся изъ глазъ ея. Маленькая Лиза, замѣтя, что Графиня плакала, схватила руку ея и нѣжнымъ, невиннымъ лепетомъ просила болѣе не плакать. Ольга, тронутая просьбою Лизы, обѣщала ей не плакать, но на душѣ своей таила тяжкую грусть, которую однако отъ окружающихъ ее не могла скрыть она.

Когда Ольга примѣтно успокоилась, то сопутствовавшіе напомнили ей о возвращеніи. Съ тоскою въ душѣ, съ однимъ воспоминавшіемъ прошедшаго Ольга возвратилась въ Зимогорье. Она не хотя ѣхала туда: ибо безъ Графа и самое прелестное Зимогорье казалось для нея скучною, печальною пустынею.

По пріѣздѣ въ Зимогорье гости провожавшіе Графа разъѣхались. Они просили Графиню быть спокойнѣе и вмѣстѣ съ онымъ обѣщались часто навѣщать ее. Г-жа Радугина, изъ любви къ Графинѣ осталась въ Зимогорѣ и даже рѣшилась провести съ нею все то время, покуда Ольга будетъ одна и не возвратится Графъ.

Конецъ первой части.

ГРАФИНЯ РОСЛАВЛЕВА,

или

СУПРУГА-ГЕРОИНЯ,

ОТЛИЧИВШАЯСЯ

ВЪ ЗНАМЕНИТУЮ ВОЙНУ 1812 ГОДА.

Историко-описательная

повѣсть XIX столѣтія.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ С. СЕЛИВАНОВСКАГО.

1832.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва. 1831 года, Декабря 14 дня. *Ценсоръ С. Аксаковъ.*

ГРАФИНЯ РОСЛАВЛЕВА.

Глава осьмая.

„Помилуй другъ мой, можно ли такъ спать долго! вообрази, вѣдь одинадцать часовъ, а ты не думалъ еще вставать съ постели. Не хорошо, не хорошо; нынче лѣто, надобно вставать раньше.„ Такъ привѣтствовалъ Валентинъ Ивановичь Люблинъ друга своего Лярскаго, войдя въ спальню къ нему.

Лярскій полусонными глазами глядѣлъ на вошедшаго Люблина, и, протянувъ къ нему руку свою, улыбаясь сказалъ: я вчера былъ на балу.

„Все такъ, пускай вчера ты былъ на балу, да нынче надобно было встать раньше.

Лярскій кликнулъ слугу и велѣлъ ему

подать одѣться себѣ. Чрезъ полчаса подали чай, а Люблинъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, спросилъ Лярскаго «у кого былъ онъ на балу.»

—Отгадай самъ, отвѣчалъ Лярскій, смѣяся.

«Да помилуй братецъ, это было бы довольно странно, еслибъ я сказалъ тебѣ, что ты вчерашній день дѣлалъ, и когда бы я зналъ, то вѣрно не сталъ бы спрашивать у тебя.»

—Это такъ, я согласенъ съ тобою, да это-то можешь угадать ты. Кто хотѣлъ скоро балъ дѣлать и кто звалъ меня? вспомни.

«Я, вспомнилъ. Ты вѣрно былъ у Княгини Этикетовой?»

Лярскій засмѣялся, какая-то самодовольность видна была на лицѣ его и все доказывало, что онъ очень доволенъ былъ баломъ этимъ.

—Да, да, любезный Валентинъ, я былъ у Княгини Этикетовой и признаюсь тебѣ, что балъ былъ великолѣпный, почти вся

столичная знать была на немъ и вѣрно недовольнымъ не остался никто. Пышность, вкусъ, разнообразіе, мода, — это все было соединено вмѣстѣ, а ласковость Княгини, ея ловкость и пріятность обращенія еще болѣе доставляли каждому удовольствія.

„Ну, а въ обращеніи Княгини съ тобою, спросилъ Люблинъ друга своего, что могъ замѣтить ты?„

— Въ обращеніи со мною! сказалъ Ларскій съ примѣтнымъ восторгомъ, она была довольно ласкова, и даже при встрѣчѣ, сказала мнѣ: я думала, Александръ Ивановичь, что вы не будете на балъ ко мнѣ. Слова эти произнесены были такимъ тономъ, что, кажется, должно понимать ея расположеніе ко мнѣ.

„И ты, я думаю, сказалъ строгой въ правилахъ своихъ Люблинъ, былъ на верху блаженства, забылъ все прочее, что окружало тебя, забылъ даже и Графиню Лелеву? Жаль, жаль, любезный другъ, что ты самолюбивъ такъ!„

— Помилуй Валентинъ, въ чемъ ты замѣчаешь тутъ самолюбіе? Если я сказалъ тебѣ, что Этикетова ласковѣе обошлась со мною, нежели съ другими молодыми людьми, то это можно видѣть было, и я никакъ не смотрѣлъ въ увеличительное стекло, а видѣлъ ясно все и безъ онаго, да къ томужъ, если бы не ты, то я даже не былъ бы и на балѣ у нея; ты принудилъ меня ѣхать туда.

« Этого я хотѣлъ для разсѣянности твоей и очень радъ, что вижу тебя въ совершенно другомъ расположеніи духа, и, какъ кажется, ты сдержалъ слово свое мысли о добродѣтельной Графинѣ Лелевой болѣе не тревожатъ тебя, и если это случилось собственно отъ свиданія твоего съ Княгинею Этикетовою, то совѣтую тебѣ чаще бывать тамъ. Ты даже можешь питать любовь къ ней: она вдова, свободна располагать рукой своею и со стороны обоихъ васъ не можетъ быть ни малѣйшаго препятствія. »

— Если бы ты, Валентинъ, не доказалъ мнѣ прежде дружбы своей, то клянусь тебѣ, что я счелъ бы тебя колкимъ насмѣшникомъ, или низкимъ лицемѣромъ.

«Скажи пожалуста, что заставило бы тебя думать такъ обо мнѣ? Это удивительно!»

— Ни мало!... Говорить рѣшительно о любви Этикетовой, о ея свободѣ располагать собою, кто бы на моемъ мѣстѣ не счелъ это за насмѣшку или лесть?

«Помилуй, что за странный образъ мыслей! Питать любовь къ Этикетовой, если только она достойна того, очень возможно; а располагать ей рукой своею кто также препятствовать можетъ? слѣдовательно тутъ нѣтъ ни насмѣшки, ни лести; а я съ своей стороны, какъ другъ твой, говорю истину тебѣ и про случаи слишкомъ возможныя въ жизни нашей.»

— Все такъ, милый Валентинъ, все возможно въ жизни нашей, и мы *свободны* каждый по своему *думать* обо всемъ;

но чтобъ Княгиня Этикетова могла любить меня, могла когда нибудь принадлежать мнѣ — этой пріятной мечтой я не долженъ питать душу свою, не долженъ вѣрить обольстительной надеждѣ....

«Ты Александръ день ото дня кажешься мнѣ страннѣе: давно ли говорилъ ты, что Княгиня благосклонна къ тебѣ, что она съ особой ласковостію приняла тебя, и вмѣстѣ съ этимъ боишься думать о сердечномъ расположеніи ея! Не ужели Этикетова не можетъ любить никого? Не ужели сердце ея разочаровано? Ты слышалъ, что она была выдана замужъ за человѣка, къ которому не имѣла ни малѣйшаго расположенія, къ томужъ за старика, котораго только знатность и богатство прельстили отца ея и онъ изъ одной страсти къ онымъ жертвовалъ спокойствіемъ дочери своей. Теперь престарѣлый Этикетовъ и обольщенный знатностью отецъ ея умерли, она осталась одна владѣтельницею богатаго имѣнія, а къ тому жъ въ цвѣтѣ лѣтъ, ни отъ кого независима: то что можетъ препятствовать ей вступить

во вторичный бракъ, повинуясь выбору сердца своего?«

— Повинуясь выбору сердца! говоришь ты, милый Валентинъ, сказалъ Лярскій тономъ человѣка, которой бы потерялъ надежду на все. Быть можетъ, сердце Этикетовой избрало кого нибудь, и тотъ счастливецъ скоро назоветъ ее *своею*, и . . . . . .

»Этотъ счастливецъ, скоро прервалъ его Люблинъ, я думаю — есь ты.«

— Ахъ! Валентинъ, перестань смѣяться надо мною, перестань душу мою очаровывать надеждою; я не вѣрю ей.

»Ты знаешь, Александръ, что я не люблю смѣяться надъ слабостію другаго когда, быть можетъ, имѣю собственныя; но если такъ рѣшительно думаю объ расположеніи къ тебѣ Этикетовой, то это заключаю я по разсказамъ твоимъ.«

— Мои разсказы слишкомъ неясны, чтобъ можно было заключить по онымъ о любви Этикетовой.

»Это правда твоя, но думаю, что

врядъ-ли я ошибаюсь въ этомъ. Время откроетъ все.»

— Да, время откроетъ все, объ этомъ не спорю я, и ты, другъ мой, увидишь, что заключенія твои на щетъ душевнаго расположенія ко мнѣ Княгини слишкомъ несправедливы.

«Ну, если и такъ, то ты чрезъ это ничего не теряешь.»

— Кромѣ спокойствія, сказалъ Лярскій, тяжело вздохнувъ.

«Какъ! не ужели ты точно влюбленъ въ нее? помилуй Александръ, ты крайне удивляешь меня: давно ли ты тосковалъ объ Лелевой, давно ли душа твоя страдала отъ нея, и наконецъ—что-жъ? ты любишь Княгиню, думаешь объ ней, теряешь спокойствіе и безнадежностью наполняешь мысли свои!»

— Ахъ! Валентинъ, моя любовь къ добродѣтельной Ольгѣ была одно заблужденіе и, какъ видишь ты, минутное мгновеніе; разсудокъ и совѣты друга взяли верхъ надъ ней и она прошла: но

любовь къ Княгинѣ — есть страсть, которая совершенно овладѣла душой моею, отъ которой ничто не излѣчитъ меня, кромѣ взаимной любви Этикетовой; быть можетъ, ты удивляешься этому, не вѣришь, считаешь все за минутный порывъ страстей,—нѣтъ, другъ мой, не думай такъ рѣшительно: эти порывы долговременны, ничто не сильно въ мірѣ истребить ихъ, они все: любовь, печаль, отчаяніе, страданіе.

» Жаль, Александръ, жаль, что ты не имѣешь твердости характера, что ты такъ слабъ и легкомысленъ, и если бы я не былъ расположенъ къ тебѣ, какъ другъ, то, быть можетъ, не сожалѣніе, но однѣ насмѣшки видѣлъ бы ты отъ Валентина.»

— Ты воленъ и теперь сдѣлать тоже.

» Нѣтъ, одно сожалѣніе и участіе дружбы должны руководить мною. Теперь скажи мнѣ, что̀ если бы Княгиня Этикетова точно была расположена къ тебѣ какъ къ человѣку, которой можетъ нравиться женщинамъ, и вмѣстѣ съ онымъ

сама желала бы нравиться другому, то тогда одинаково ли бы ты любилъ ее, и рѣшился ли бы навсегда потерять спокойствіе свое?«

— Нѣтъ, добрый Валентинъ, ты не думай такъ объ Этикетовой. Если иногда въ собраніяхъ толпы мущинъ и окружаютъ ее, если она на комплементы каждаго готова отвѣчать, то это не можетъ еще служить доказательствомъ качества ея: каждая женщина, одаренная отъ природы милою прелестью лица, одинаково обращаетъ на себя вниманіе, и также заставляетъ многихъ увиваться около себя, но она еще не кокетка? . . . .

»Я согласенъ съ тобой и въ этомъ, и если Этикетова не рождена съ характеромъ плѣнять умышленно мущинъ, то ея расположеніе къ тебѣ, какъ могъ замѣтить ты, есть не что иное, какъ одна любовь.«

— Опять очарованіе, опять надеждою хочешь обольщать меня; — оставь это, я сказалъ тебѣ, что не вѣрю ей.

Долго еще двое друзей говорили о о предметѣ этомъ. Лярскій, разочарованный Княгинею, не вѣрилъ увѣреніямъ друга своего, что Этикетова любитъ его; строгой и постоянный во всемъ Люблинъ старался увѣрять его, наконецъ положили они, чтобъ Лярскій началъ чаще ѣздить къ Этикетовой и замѣчать поступки ея.

Было около двухъ часовъ, время приближалось къ обѣду и Лярскій, расположенный до вечера быть дома, просилъ друга своего остаться у него обѣдать. За столомъ продолжался между двумя друзьями тотъже разговоръ о Княгинѣ. Лярскій одинаково противорѣчилъ Валентину и хотя очарованный Этикетовою, однако не вѣрилъ надеждѣ, не вѣрилъ тому, чтобъ Княгиня могла взаимно любить его.

Какъ бываетъ робка и недовѣрчива любовь въ сердцѣ юноши! Сколько потребно времени и доказательствъ, чтобъ вполнѣ увѣрить его въ истинѣ! Дѣвы, дѣвы! ваше непостоянство сдѣлало му-

щинъ таковыми! . . . . . А въ вѣкъ нашъ вѣрно не сыщутся подражатели мечтательнымъ рыцарямъ среднихъ вѣковъ, и каждый захочетъ лучше остаться безъ награды отъ милой дамы, нежели пуститься странствовать за тридевять земель . . . . . Время идеально-романтическихъ мечтаній прошло, женщины стали *жалостливы* и *благосклонны*, умы очистились отъ предразсудковъ, и существенность стала быть цѣлью каждаго. Такъ проходитъ все, такъ перемѣняется панорама свѣта, такъ изчезаютъ цѣлыя поколѣнія людей и на мѣсто оныхъ являются новыя . . . . .

Люблинъ весь этотъ день провелъ у Лярскаго и въ вечеру двое друзей вмѣстѣ отправились гулять. Наконецъ послѣ довольно долгой прогулки они разстались, обѣщавъ другъ другу скоро видѣться опять.

Глава девятая.

Кто изъ смертныхъ не говорилъ въ жизнь свою: *я любилъ, я люблю!* Но только рѣдко слышимъ, чтобъ кто нибудь любилъ счастливо. Измѣна—спутница каждаго; и каждый, не смотря на это, любитъ или ищетъ такое существо, которое бы могъ любить онъ. Любовь—удѣлъ всѣхъ людей, или по крайней мѣрѣ большей части оныхъ, и кто изъ влюбленныхъ не мечталъ о предметѣ любви своей! Кого не услаждали мечты сіи! Чьи чувства не были подчинены имъ! Чье сердце не было во власти ихъ!.....

Молодая, прелестная Княгиня Этикетова, вышедшая за мужъ по волѣ и желанію стараго отца своего, который въ жизнь свою любилъ одно золото, хотя и уважала человѣка, съ которымъ соединила участь свою, однако не любила его. Ея сердце было свободно, но она во все время двухлѣтняго замужства своего ста-

ралась, сколько можно, оказывать почтеніе и даже ласки старому супругу своему, дѣлила съ нимъ время, отказалась отъ всѣхъ баловъ и ни мало не скучала жизнію этой. Выдержанный ею терпѣливо двухъ-годичный курсъ скуки кончился. Старый Князь Этикетовъ умеръ и она осталась на своей свободѣ располагать сердцемъ и рукой своею. Прошло полтора года, какъ Княгиня вдовѣла, но сердце ея было одинаково спокойно. Она иногда въ собраніяхъ хотя заставляла толпы молодыхъ людей собираться вокругъ себя, но строгое приличіе, соблюдаемое ею въ обращеніи, заставляло каждаго быть скромнымъ. Иногда случалось, что невыгодные *толки* разносились на щетъ молодой Княгини, но она не старалась вникать въ нихъ и продолжала одинаково вести себя. Клевѣта, пристыженная молчаніемъ и равнодушіемъ ея, умолкала, и имя Княгини одинаково уважали. Сердце ея ждало предмета, которой бы могъ вполнѣ очаровать его и наконецъ она дождалась. Первое свиданіе Этикетовой съ Ляр-

скимъ въ домѣ Графини Лелевой рѣшило все. Она, увидавъ Лярскаго, видѣла въ немъ человѣка, котораго долго искало сердце ея, и хотя сама еще не понимала этого, но предатель — взоръ невольно обращался на Лярскаго, и когда она пріѣхала домой, то Лярскій ни на минуту не оставлялъ мечты ея. Все, что она ни дѣлала, все, что ни говорила, Лярскій, какъ сновидѣніе, не выходилъ изъ мыслей ея, и Этикетова не знала, какъ дождаться скорѣе имянинъ своихъ; ибо она думала, что Лярскій, какъ человѣкъ живущій въ большомъ свѣтѣ, вѣрно непремѣнно пріѣдетъ на балъ къ ней. Такъ думала Княгиня о другѣ Люблина; таково было слѣдствіе перваго свиданія съ нимъ. Вотъ какъ скоро страсть любви можетъ овладѣть сердцемъ человѣка! Вотъ какъ неожиданно встрѣчаемъ мы иногда предметъ, которому посвящаемъ всю жизнь нашу! Любовь, любовь! ты опасная чародѣйка для смертныхъ! . . . . .

Когда Этикетова встрѣтила Лярскаго на балу у себя, когда онъ подходилъ къ

рукѣ къ ней, то она была внѣ себя, и съ пріѣзда его сдѣлалась веселѣе; во все время бала взоръ поминутно обращался на Лярскаго, этотъ счастливецъ хотя и замѣтилъ это, но въ эту минуту мысль, что Княгиня была точно расположена къ нему душевно, не приходила въ голову ему и онъ уже по пріѣздѣ домой началъ мечтать о прелестной Княгинѣ.

Этикетова, также какъ и Лярскій, не вѣрила тому, чтобъ могла быть любима взаимно. Неизвѣстность и безнадежность терзала сердце ея, и къ томужъ она думала, что Лярскій рѣшится скорѣе взять за себя молодую дѣвицу, нежели вдову. Перемѣна характера Княгини была замѣчена нѣкоторыми знакомыми ея, но она не рѣшилась никому изъ нихъ повѣрить тайны своей. — Лярскій въ этомъ случаѣ былъ счастливѣе; онъ имѣлъ друга, которому могъ открыть всю душу свою; Этикетова, хотя также имѣла милую подругу, которой повѣряла чувства души своей, но та была отъ нея далеко.

Лярскій и Этикетова одинаково любили другъ друга и одинаково таили чувства свои, одинаково страдали. Спустя недѣлю послѣ бала, влюбленный Александръ по совѣту друга своего Люблина рѣшился заѣхать къ Этикетовой. Когда доложили ей, что пріѣхалъ Александръ Васильевичь Лярскій, то она была очень обрадована пріѣздомъ его. При встрѣчѣ Лярскій молча подошелъ къ рукѣ. Этикетова что-то невнятно проговорила ему, наконецъ просила садиться и скучное молчаніе продолжалось между ими болѣе десяти минутъ. Какъ иногда бываетъ смѣшно положеніе двухъ влюбленныхъ! робость, смущеніе, застѣнчивость окружаютъ ихъ, и они кажутся существами совершенно безмолвными — и это все творитъ любовь! . . . . .

Александръ Васильевичь, стараясь выдти изъ таковаго положенія, первый прервалъ молчаніе и началъ съ Княгинею разговоръ. Этикетова, выведенная онымъ изъ замѣшательства, быть можетъ, въ душѣ своей благодарила за это Лярскаго;

она чувствовала, что сама была бы не въ состояніи сдѣлать этого. Послѣ разговоровъ о различныхъ предметахъ влюбленный Лярскій при всей врожденной нерѣшимости какъ-то невольно началъ говорить о чувствахъ своихъ, не относясь впрочемъ къ лицу Княгини. Этикетова съ примѣтнымъ удовольствіемъ слушала его и наконецъ рѣшилась спросить объ особѣ, къ которой Лярскій питалъ нѣжныя чувства. Положеніе Лярскаго было неизъяснимо: онъ не зналъ что отвѣчать на вопросъ этотъ, а молчаніе его въ такое привело смущеніе Этикетову, что она въ душѣ своей начинала обвинять себя за любопытство, предполагая, что Лярскій обидѣлся вопросомъ ея.

«Ахъ! Княгиня, началъ наконецъ Лярскій послѣ продолжительнаго молчанія, еслибъ я осмѣлился только произнести предъ вами имя той особы, которая владѣетъ сердцемъ моимъ, то эту минуту счелъ бы блаженнѣйшею въ жизни моей.»

— Если только, Александръ Василье-

вичъ, сказала Княгиня, хотите вы удостоить меня довѣренностію своею, то это для меня будетъ слишкомъ лестно, и будьте увѣрены, что все сказанное вами останется для всѣхъ тайною.

Лярскій тяжело вздохнулъ, робость и нерѣшимость выражались на лицѣ его и онъ не зналъ совершенно, на что рѣшиться ему: сказать ли Княгинѣ прямо о чувствахъ своихъ, или сдѣлаться невольнымъ лжецомъ. Наконецъ онъ рѣшился спросить ее:

„Княгиня! если та особа, которою полны чувства мои, знакома вамъ, то останется ли также тайною все сказанное мною?"

— Будьте увѣрены, что никто въ мірѣ не узнаетъ этого, а къ тому жъ развѣ запрещено питать благородныя чувства любви къ кому нибудь изъ знакомыхъ моихъ, сказала Этикетова, улыбнувшись.

Положеніе Лярскаго было одинаково, онъ видѣлъ, что вопросъ сдѣланный имъ не могъ освободить его отъ того

чтобъ не сказывать требуемаго имени и онъ уже проклиналъ самъ себя, что рѣшился начать таковой разговоръ. Да и кто на мѣстѣ Лярскаго рѣшился бы скоро открыть совершенно чувства свои тому предмету, которой любитъ? истинная страсть любви робка, — но Лярскій теперь невольно находился принужденнымъ или открыть все, что таилъ онъ на душѣ своей, или сказать неправду. Ложь была незнакома ему, онъ рѣшился лучше слышать рѣшительный отказъ въ любви, чѣмъ сказать обманъ; честь и благородство взяли верхъ и принуждали его сказать то, что чувствовалъ онъ, а рѣшительность побѣдила робость—и Лярскій въ эту минуту, упоенный надеждою, со всемъ жаромъ страстнаго любовника произнесъ предъ Этикетовою признаніе.

Удивленная и вмѣстѣ обрадованная Княгиня не знала, что̀ отвѣчать. Она даже не вѣрила еще тому, что происходило вокругъ нея, считая это за одинъ пріятный сонъ. Лярскій, ободренный молча-

ніемъ, или, быть можетъ, считая его за знакъ согласія, повторилъ ей признаніе свое, подтверждая оное новыми клятвами и осмѣлился даже взять руку ея и напечатлѣть на ней горячій поцѣлуй. Это для Княгини было электричествомъ: сердце ея забилось сильнѣе, и она не старалась освободить руки своей изъ рукъ Лярскаго; ея душа была въ восторгѣ. Ахъ! Какъ очаровательно первое упоеніе любви! Какъ сладостна душѣ минута эта! Въ это мгновеніе жизни все прочее забыто, презрѣно и какъ будто бы не существуетъ! . . . . .

Этикетова послѣ долгаго молчанія, хранимаго ею отъ избытка чувствъ, рѣшилась наконецъ сдѣлать Лярскому вопросъ, которой однакожъ вынудило не любопытство, но страсть любви.

«Не ужели, Александръ Васильевичь, все то, что теперь отъ васъ слышала, я должна считать истиною? Не ужели точно вы любите меня? Скажите правду, не обманывайте меня; сердце женщины довѣрчиво къ увѣреніямъ мущинъ,

оно слабо, оно вѣритъ клятвамъ ихъ, но слѣдствія довѣрчивости бываютъ ужасны . . . . . «

— Ахъ, Княгиня! Могу ли я обманывать васъ? нѣтъ, я не рожденъ для низкой лжи и увѣряю, что никогда не былъ знакомъ съ нею. Одна любовь заставила меня быть столько дерзкимъ, чтобъ сказать вамъ это. Довершите счастіе мое, скажите мнѣ чувства ваши, быть можетъ, сердце ваше чувствуетъ противное, и тогда пусть все это, что происходило между ними, останется тайною и я, несчастный, удалюсь навсегда отъ мѣстъ этихъ и съ тоскою въ сердцѣ, въ тиши буду проводить дни свои.

Лярскій послѣднія слова произнесъ такимъ тономъ, что если бы Княгиня и точно не была душею расположена къ нему, то и тогда бы онъ заставилъ ее сожалѣть о себѣ. Но Этикетова любила взаимно и любила въ первые, сердце ея не было знакомо съ кокетствомъ, а душа съ презрѣннымъ обманомъ; она, слыша отъ Лярскаго о намѣреніи его, если

онъ не любимъ ею, рѣшилась тутъ же сказать ему чувства свои, и признаться во взаимной любви къ нему.

„Ахъ, Александръ Васильевичъ, сказала Этикетова, лице которой пылало какъ пламень, я не могу уже теперь скрывать предъ вами чувства души своей, я должна сказать истину. Первое свиданіе мое съ вами въ домѣ Графини Лелевой рѣшило *все*, вы невольно обратили вниманіе мое и я не знаю что-то таинственное шепнуло душѣ моей — „это *тотъ, кого* ты любить должна!„ Я не вѣрила этому, считала за одно мгновеніе въ жизни моей, но слѣды этого мгновенія остались на душѣ, и я видѣла ясно, что сердце мое любило васъ. Неизвѣстность—могу ли я быть любима взаимно, мучила меня. Положеніе мое было ужасно: тоска, отчаяніе, любовь терзали душу мою; я даже перемѣнила образъ жизни, полюбила уединеніе, но душа моя не находила покою себѣ и въ ономъ однѣ мечты: могу ли я быть любима вами или, быть можетъ, вы уже любите, ежеминутно наполняли

мысли мои, ежеминутно не давали покоя мнѣ. Наконецъ я вижу васъ вторично въ домѣ у себя, и что жъ?.... Я счастлива, я любима вами; воображеніе — дитя любви, невольно заставило васъ забыться и вы сказали чувства свои. Ахъ, Александръ, въ первые въ жизни моей я рѣшилась перваго изъ мущинъ назвать такъ, и въ первые въ жизни моей душа моя упоена сладкою любовію!.....«

Лярскій, услышавъ взаимное признаніе въ любви, былъ восхищенъ этимъ, чувства души его въ эту минуту были неизъяснимы и онъ, упоенный, обрадованный, вторично поцѣловалъ руку Княгини и, наконецъ напечатлѣлъ горячій поцѣлуй на розовыхъ устахъ очаровательнаго предмета любви своей. Пусть воображеніе читателя представитъ себѣ эту минуту, когда двое влюбленныхъ открыли взаимно чувства свои; перо слабо изъяснить это, одна душа въ состояніи чувствовать и оцѣнять это сладостное упоеніе въ жизни нашей; иногда однѣ мечты поэта постигаютъ то, что чув-

ствуетъ сердце и живо оное представляютъ намъ.

Лярскій и Этикетова самодвольные судьбой своею наконецъ разстались. Обрадованный и влюбленный Александръ спѣшилъ пересказать все другу своему, отъ котораго ничего не таилъ онъ, а Княгиня въ избыткѣ чувствъ любви и въ восторгахъ радости осталась одна, предаваясь сладостнымъ мечтаніямъ.

Глава десятая.

Прошло двѣ недѣли, какъ уѣхалъ Графъ Лелевъ, но Ольга не переставала грустить; печаль, какъ вѣрный спутникъ, почти ни на минуту не оставляла сердца ея и она ни въ чемъ не находила удовольствія себѣ. Бесѣды священника и жены его, разговоры Радугиной, гости пріѣзжающіе навѣщать ее, все это совершенно не могло развлекать скучную

Ольгу и заставить ее быть спокойною. Графиня если иногда и казалась веселою, то это была одна принужденность, которую замѣчали всѣ. Она и сама никакъ не могла долго принимать видъ этотъ: таже прежняя скука являлась на лицѣ, таже печаль терзала сердце ея.

Письмо отъ Графа Лелева полученное Ольгою возвратило ей на нѣсколько времени прежнее спокойствіе. Онъ писалъ, что благополучно прибылъ въ мѣстечко *Кейданы* въ Н. Гусарской полкъ, гдѣ дружелюбное общество Офицеровъ ласково встрѣтило его, какъ новаго товарища и самъ Полковникъ отрекомендовалъ его. Графъ хвалилъ новую жизнь свою и, какъ Русской, восхищался уже, что онъ, быть можетъ, скоро будетъ стоять въ рядахъ противъ дерзкаго непріятеля.

Корпусъ Графа Витгенштейна въ это время былъ занятъ дѣлами арріергардными и потому Графъ Лелевъ ни о чемъ болѣе не могъ увѣдомить супругу свою, которая впрочемъ нетерпѣливо ждала

отъ него увѣдомленія на щетъ дѣйствія корпуса, въ которомъ служилъ онъ.

Графиня Лелева, чрезмѣрно обрадованная полученнымъ письмомъ, каждому изъ знакомыхъ показывала оное, читала его и подобно дитяти, котораго долго занимаетъ купленная игрушка, ему радовалась она, а если только оставалась одна, то по нѣскольку разъ старалась перечитывать его. Такъ Графиню занимало письмо это, таковую любовь питала она въ душѣ своей къ обожаемому ею супругу!

Вскорѣ за первымъ письмомъ Графиня получила еще извѣстіе отъ мужа своего, чрезъ которое узнала, что корпусъ Графа Витгенштейна изъ *Кейданъ* выступилъ и остановился въ деревнѣ *Катериновѣ,* перейдя Двину въ мѣстахъ самыхъ болотныхъ и лѣсистыхъ. Графъ писалъ: »мы узнали здѣсь, что Французы прошли Полоцкъ и шли къ Смоленску, а Маршалъ Удино остался въ Полоцкѣ съ 40,000 войска и вступилъ на Петербургъ по дорогѣ Себежской. Рвеніе, которымъ исполнена душа моя, безъ

границъ, и я, подобно храбрымъ товарищамъ моимъ, жду съ нетерпѣніемъ того дня, въ которой буду сражаться съ врагомъ отечества. Молись милая Ольга, молись о супругѣ твоемъ, быть можетъ, онъ скоро защищать будетъ любезное отечество свое и дорого отдавать каждый шагъ родной земли своей! . . . . .“ При чтеніи письма этого слезы ручьями лились изъ глазъ прелестной Ольги, но слезы эти были слезы радости; она въ душѣ своей, какъ ревностная Россіянка, радовалась тому, что супругъ ея нетерпѣливо жаждетъ въ крови непріятеля обагрить мечь свой. Радугина и другіе короткіе знакомые Графини удивлялись характеру ея и тому энтузіазму, въ каковомъ всегда находилась она. При чтеніи письма Графа Ольга часто говорила; какъ жаль, что я не могу съ мужемъ моимъ раздѣлять всѣ опасности и труды которые онъ теперь несетъ одинъ. Я бы терпѣливо сносила все, презирала бы суровость самой жизни и близь Графа была бы покойна. Я могла бы видѣть, какъ храбрые Русскіе воины, вос-

пламеняемые одною любовію къ отечеству, ревностно и мужественно поражаютъ дерзкихъ враговъ; какъ сіи Леониды и Минины временъ нашихъ оправдываютъ надежду предковъ, и какъ они стараются подражать имъ. — Такъ думала Графиня Лелева, таковыя чувства питала она въ душѣ своей. Добрый отецъ Василій также радовался мужеству Графа и въ душѣ своей молилъ Всевышняго о сохраненіи добраго помѣщика своего и о успѣхахъ Русскаго оружія.

Рѣдкой въ то время не думалъ одинаково съ Графинею и мало было таковыхъ, которые бы пеклись болѣе о выгодахъ своихъ, нежели о выгодахъ общихъ; 1812 годъ представлялъ изъ цѣлой обширной Россіи какъ будто бы одно семейство: пособія другъ другу, старанія какъ о себѣ, такъ и о другомъ, всѣ классы гражданъ, всѣ состоянія, возрасты, полы, безъ различія лѣтъ, званій спѣшили наперерывъ служить другъ другу, помогать, раздѣлять пищу, одежду, жилища и за все это не требовать ни малѣйшаго возмездія: таковы Россіяне

въ минуту общаго бѣдствія, таковъ характеръ имѣли и предки наши. „*Заложимъ женъ и дѣтей и выкупимъ отечество!*" Эти слова Минина всегда останутся краснорѣчивыми, всегда будутъ вѣрными и великолѣпными памятниками, какъ для насъ соотечественниковъ его, такъ и для всѣхъ, кто имѣетъ отечество.

Графиня Лелева мало занималась новостями изъ столицы и даже иногда не обращала ни малѣйшаго вниманія на оныя; она была болѣе устремлена на кругъ дѣйствій арміи, на положеніе и на ожиданіе отъ оной лучшихъ успѣховъ. Препровожденія времени Графини состояло въ чтеніи разныхъ военныхъ анекдотовъ, которые, какъ живые и вѣрные снимки съ произшествій, чрезвычайно занимали ее. Дѣла Задунайскаго, Потемкина, воинскаго исполина - генія Суворова восхищали душу прекрасной Ольги, возвышали духъ ея и радовали сердце, которое билось въ груди ея любовію къ своему отечеству и къ супругу.

Сколько Графиня Лелева думала о мужѣ своемъ, сколько она любила его, столько теперь Этикетова обожала Лярскаго. Минуты, часы, дни были посвящены ему, всѣ мечты были о немъ, и прекрасная Княгиня рѣшилась наконецъ написать письмо къ подругѣ дѣтства своего, въ которомъ открывала ей всѣ чувства души своей.

Письмо Княгини Этикетовой къ Марiѣ Обриной подругѣ дѣтства ея.

Москва 1812 года, Iюня дня.

«Я теперь только, милая Марья, вполнѣ наслаждаюсь жизнiю, я теперь только поняла ее, оцѣнила и дорожу ею. Все прошедшее мое въ сравненiи теперь съ настоящимъ было ничто. Моя жизнь съ родителемъ, мое замужество по волѣ его не по желанiю собственнаго сердца были, такъ сказать, предзнаменованiемъ лучшаго будущаго . . . . Ты, какъ подруга юности моей, какъ другъ, которому открыта вся душа моя, должна знать

все, что теперь всего болѣе въ мірѣ занимаетъ меня, что теперь дорого мнѣ и что могло привлечь все вниманіе мое. Ахъ, Марія, сердце мое въ избыткѣ чувствъ, душа если такъ могу выразиться, плаваетъ въ восторгахъ и я вся не своя! Я предчувствую, что ты удивляешься нѣкоторымъ выраженіямъ въ письмѣ моемъ, считаешь ихъ странными, непонятными и, быть можетъ, начинаешь смѣяться. Смѣйся, другъ мой, смѣйся; дружбѣ позволительно все, я не буду сердиться за это, но прежде нежели произнесешь мнѣ рѣшительный приговоръ, должна прочесть до конца письмо это и тогда уже властна ты осуждать, обвинять меня, или быть снисходительною. И такъ, слушай: я люблю и люблю страстно, ничто въ мірѣ не властно принудить сердце мое забыть тотъ предметъ, для котораго теперь бьется оно, и человѣкъ избранный онымъ достоинъ того: онъ одинаково любитъ меня, одинаково душа упоена страстію этою; бракъ, который есть цѣль любви нашей, долженъ связать

сердца наши вѣчно, и священный союзъ этотъ будетъ для насъ ненарушимымъ символомъ вѣрности, любви и согласія. Марія, другъ мой, пожелай счастія подругѣ твоей, она и при миломъ ей Александрѣ никогда не забудетъ тебя. Я давно уже сказала ему, что ты единственный другъ мой, что одной тебѣ открыты всѣ тайны мои, что одна ты принимала участіе въ судьбѣ моей во время замужества и онъ благодаритъ тебя.

Прости меня, милая Марія, что я до сихъ поръ ничего подробно не сказала тебѣ о человѣкѣ, котораго люблю я, не сказала даже и самой фамиліи его. Это есть Александръ Васильевичь Лярскій; быть можетъ, ты слыхала фамилію эту, она довольно извѣстна, отецъ его служилъ при Дворѣ, а самъ онъ служитъ теперь въ Н . . . . . Коллегіи. Впрочемъ я не буду, другъ мой, описывать тебѣ подробной исторіи любви нашей, боюсь, чтобъ не нанесть чрезъ это скуки тебѣ. Ты писала, что намѣрена быть скоро

въ Москву — тѣмъ лучше; при первомъ свиданіи, котораго нетерпѣливо желаю я, услышишь ты все, что только должна знать истинная дружба.

Прощай добрая Марія, прощай другъ мой. *Твоя и проч.* . . . .

PS. Когда ты будешь въ Москвѣ, то увидишь моего Александра.

Влюбленный Лярскій также съ своей стороны открылъ другу своему Валентину какъ о признаніи своемъ Княгинѣ, такъ и о взаимной любви ея. Люблинъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказъ друга своего, и съ примѣтнымъ удовольствіемъ ободрялъ любовь ихъ, говоря, не правду ли, Александръ, я говорилъ тебѣ ? Не угадалъ ли, что Княгиня точно любитъ тебя ? . . . . Ну, теперь, вѣрно совсѣмъ не будешь думать о Графинѣ Лелевой и даже неопасно для тебя самое свиданіе съ нею.

Будь увѣренъ, Валентинъ, говорилъ

Лярскій, что Лелева ни мало теперь не опасна для сердца моего и что кромѣ однѣхъ чувствъ уваженія и признательности никакихъ болѣе не могу питать къ ней, и стыжусь самаго себя, что могъ прежде быть столько дерзкимъ и позволилъ страсти овладѣть сердцемъ моимъ.

„Собственное раскаяніе избавитъ отъ мученія совѣсти, сказалъ Люблинъ, взявъ руку Лярскаго и крѣпко сжалъ ее. Ты самъ видишь теперь, что любовь твоя къ Лелевой была какое-то заблужденіе, но это заблужденіе было минутное, ты призвалъ на помощь разсудокъ, онъ ясно показалъ тебѣ оное и ты опомнился. Любовь же къ Этикетовой, какъ къ женщинѣ, которая хотя и дала обѣтъ быть вѣрною, но смерть мужа разрѣшила ее отъ онаго и сдѣлала свободною, позволительна. Она снова можетъ избрать предметъ, которому произнесетъ предъ престоломъ Всевышняго новыя клятвы въ вѣрности, и любовь ея будетъ увѣнчана брачнымъ союзомъ. Ты, любезный другъ мой, тотъ предметъ, которой тронулъ чув-

ства Этикетовой, ты также, какъ и она, свободенъ въ выборѣ подруги сердца и вы взаимно уже любите другъ друга, взаимно открыли любовь свою, теперь остается одно, при посредникѣ Всевышняго подтвердить любовь свою.»

—Ахъ, Валентинъ, какъ я тогда былъ бы счастливъ, и кто въ мірѣ могъ бы сравниться въ благополучіи со мной!... Кто.....

«Александръ, добрый Александръ! скоро перебилъ его Валентинъ, я другъ твой, я могу говорить тебѣ все, не суди такъ рѣшительно, ты долженъ испытать себя, долженъ повѣрить чувства сердца своего,—увѣриться, точно ли можетъ быть постояннымъ оно и тогда уже можешь назвать себя счастливымъ. Быть можетъ, новый предметъ съ большими прелестями природы взволнуетъ душу твою, тогда ты будешь несчастнѣе, тогда священныя узы брака будутъ казаться тебѣ тягостными, самая жизнь несносною и нигдѣ въ мірѣ не обрѣтешь спокойствія.»

—Валентинъ, другъ мой, будь увѣренъ, что никакая краса не въ состояніи поколебать сердца моего, оно вѣчно останется вѣрнымъ, постояннымъ въ любви къ прелестной Княгинѣ. Я чувствую всю силу страсти этой, я люблю въ первые, и первая любовь не знакома съ измѣною; она сильна, нѣтъ власти, которая бы могла заставить перемѣниться.—Но ты, другъ мой, скоро ѣдешь, безъ тебя кому буду открывать чувства души моей, кто будетъ принимать такое участіе во мнѣ, какое принимаешь ты?... Ахъ, Валентинъ, прошу тебя объ одномъ: пріѣзжай скорѣе.

Строгой и дальновидный Люблинъ еще долго совѣтовалъ другу своему испытывать себя и влюбленный Лярскій съ удивленіемъ слушалъ совѣты его. Онъ находилъ ихъ полезными и никакъ не противорѣчилъ имъ, отъ души благодарилъ Валентина за его участіе и за дружбу, и былъ чрезмѣрно радъ, что имѣлъ такого друга. Лярскій даже гордился дружбою его, потому что находилъ въ

немъ человѣка достойнаго носить наименованіе истиннаго друга. Ахъ, какъ счастливъ тотъ, кто въ жизнь свою нашелъ человѣка, котораго онъ можетъ назвать истиннымъ другомъ! Пиллады и Оресты извѣстны намъ по одной исторіи, а вѣкъ *нашъ* и *прошедшій* едва ли могутъ похвалиться и однимъ Орестомъ! „Они богаты *Лукуллами!* „ .....

Глава одиннадцатая.

Пріятный лѣтній вечеръ вызывалъ къ прогулкѣ, тишина царствующая въ природѣ могла услаждать чувства встревоженной души, ни малѣйшее дуновеніе зефира не колыхало листочковъ деревъ, лазоревое безоблачное небо очаровывало милою прелестью своею, величественное захожденіе солнца плѣняло собой грустнаго мечтателя, баль-

замическій воздухъ нѣжилъ чувства, но вся эта прелесть разнообразной въ видахъ своихъ природы не могла развлекать печальной Графини Лелевой; ея душа, ея мечты были наполнены думами о супругѣ. Она сидѣла въ бесѣдкѣ сада, гдѣ портретъ Графа висѣлъ противъ нея на стѣнѣ. Грустная Ольга пристально смотрѣла на него и, вспоминая прошедшее, вспоминала то время, когда не портретъ, но тотъ, кто изображенъ на немъ, былъ неразлучно съ нею. Ольга была одна. Маленькая Лиза, любимица ея, бѣгала по саду и беззаботно занималась игрою. Мечты Графини были наполнены предпріятіемъ, которое она желала привести въ исполненіе; она думала, какъ бы ей быть вмѣстѣ съ Графомъ, и непремѣнно хотѣла исполнить желаніе это. Г-жа Радугина, священникъ и жена его хотя дѣлили съ Графинею печаль ея, и она была во всемъ откровенна съ ними, однако этого намѣренія Ольга не открывала никому, предполагая, что они будутъ отговаривать ей и даже препятствовать. Но какъ могла она безъ по-

мощи сторонней, одна предпринять намѣреніе это и исполнить его? Тутъ необходимо долженъ былъ находиться человѣкъ, которой бы стараніями своими привелъ все это въ дѣйствіе. Иногда неожиданные, совершенно нечаянные случаи благопріятствуютъ намѣреніямъ нашимъ. Такъ случилось и съ Графинею Лелевой.

Въ селѣ Зимогорьѣ въ домѣ отца Василія кто-то остановился проѣздомъ; жена священника, почти каждый день бывавшая у Графини, объ этомъ увѣдомила ее. Ольга по какому-то любопытству захотѣла узнать подробно о пріѣхавшемъ, и на другой день ее увѣдомили, что незнакомецъ, остановившійся въ домѣ священника, былъ богатый помѣщикъ Люблинъ. Ольга часто слыхала фамилію эту отъ Лярскаго, и даже знала, что какой-то Люблинъ былъ другомъ ему, почему и велѣла узнать объ имени. Когда объ ономъ доложили ей, то Графиня, въ умѣ которой родились тотчасъ планы къ исполненію намѣреній своихъ, не медля послала къ Люблину (это былъ Вален-

тинъ Ивановичь, читатель давно знакомъ съ нимъ) проситъ его въ домъ къ себѣ. Люблинъ крайне былъ удивленъ этимъ, онъ не постигалъ, что могло заставить Графиню сдѣлать ему приглашеніе, и, разсуждая объ этомъ, ни мало не медля явился къ ней. Графиня весьма ласково приняла его, и много разспрашивала о Москвѣ, о столичныхъ новостяхъ и проч. и проч. Послѣ таковаго разговора она рѣшилась спросить, куда былъ намѣренъ ѣхать Люблинъ, и когда узнала, что ему надобно было ѣхать въ помѣстья свои, находящіяся въ Смоленской губерніи, то лице Графини вдругъ примѣтно перемѣнилось, что даже могъ замѣтить и скромный Валентинъ; Лелева же съ своей стороны не могла долго таить того, что въ эту минуту было на душѣ у ней, она рѣшилась откровенно разсказать все удивленному Люблину.

»Ахъ, Валентинъ Ивановичь, начала Ольга, вы, быть можетъ, крайне удивитесь тому, о чемъ при первомъ случайномъ знакомствѣ нашемъ намѣрена я про-

сить васъ и я чувствую сама, что слишкомъ неучтиво дѣлаю это, но то, что побуждаетъ меня, извинитъ въ глазахъ вашихъ. Сдѣлайте одолженіе, не откажите въ просьбѣ моей, вы крайне обяжете меня и даже мужъ мой будетъ благодаренъ вамъ.“

—Съ большимъ удовольствіемъ, ваше Сіятельство, отвѣчалъ Люблинъ, радъ служить вамъ, если только могу хотя что нибудь сдѣлать для васъ, и никакъ не осмѣлюсь считать это за трудъ себѣ.

„Прежде нежели я рѣшусь вамъ открыть то, о чемъ намѣрена просить васъ, позвольте мнѣ быть увѣренной что прозба моя останется отъ всѣхъ тайною.“

—Если только вы требуете это, то я готовъ исполнить.

„Это необходимо. Но скажите мнѣ, Валентинъ Ивановичь, долго ли вы намѣрены прожить въ Зимогорьѣ?“

—Я думаю, что обстоятельства должны задержать меня въ селѣ вашемъ еще около трехъ или четырехъ дней, потому

что я по дѣламъ своимъ послалъ въ уѣздъ повѣреннаго, гдѣ, я думаю, онъ долженъ пробыть сутокъ двое, и эта самая причина заставитъ меня остаться въ Зимогорьѣ. Чтожь касается до вашего требованія на щетъ сохраненія тайны, то будьте увѣрены, что ваши приказанія будутъ для меня закономъ.

«Благодарю васъ за комплементъ. Теперь, Валентинъ Ивановичь, позвольте мнѣ открыть то, что заставило меня обратиться къ вамъ съ просьбою моею: я намѣрена оставить Зимогорье и ѣхать къ мужу моему въ армію. Онъ служитъ въ отдѣльномъ корпусѣ Графа Витгенштейна въ Н. Гусарскомъ полку, а теперь стоятъ они въ Бѣлоруссіи, въ деревнѣ Катериновѣ на рѣкѣ Двинѣ: то не откажитесь принять на себя трудъ и помочь мнѣ въ этомъ предпріятіи. Желаніе видѣть моего Александра, раздѣлять съ нимъ всѣ труды, всѣ опасности военной жизни побуждаетъ меня предпринять это; но одной, вы знаете, не возможно сдѣлать этого, мнѣ нужна помощь

сторонняя, вы пріѣхали въ Зимогорье, я узнала, что вы тотъ Г-нъ Люблинъ, о которомъ нѣсколько разъ слышала отъ Александра Васильевича Лярскаго и, предполагая, что вы вѣрно не откажетесь хотя что нибудь малѣйшее сдѣлать для меня, это самое заставило меня рѣшиться открыть вамъ намѣреніе мое и вмѣстѣ съ этимъ неотступно просить о содѣйствіи вашемъ къ приведенію въ исполненіе предпріятія моего.«

—Очень радъ, ваше Сіятельство, отвѣчалъ Люблинъ , служить вамъ , и для меня очень лестно, что вы удостоили меня довѣренностію своею, и въ чемъ только будете имѣть нужду, то можете безъ всякихъ просьбъ сказать мнѣ, и я готовъ безъ малѣйшихъ отговорокъ служить особѣ вашего Сіятельства.

»Чувствительно благодарю за вашу готовность и въ полной мѣрѣ цѣню оную. Мнѣ только, Валентинъ Ивановичъ, нужно, чтобъ были готовы лошади, а тамъ уже я могу сама распорядиться на каждой станціи.«

—Помилуйте, Графиня, возможно ли будетъ вамъ ѣхать однимъ въ такую дальную дорогу? . . .

„Чтожъ дѣлать! я уже рѣшилась и, презирая всѣ труды и непріятности, которые бы могли случиться въ дорогѣ, хочу только непремѣнно достичь цѣли своей.“

—Если только! ваше Сіятельство, я могу льстить себя надеждою, что услуги мои могутъ быть приняты вами, то я готовъ сопровождать васъ до того самаго мѣста, которое будетъ цѣлью вашего путешествія.

„Благодарю покорнѣйше за желаніе ваше; но могу ли я, Г-нъ Люблинъ, этого требовать отъ васъ? и безъ того уже не нахожусь чѣмъ быть благодарной вамъ.“

—Позвольте также и мнѣ отблагодарить васъ за этотъ лестной комплементъ; но впрочемъ все то, что рѣшаюсь сдѣлать я для вашего Сіятельства, вѣрно также былъ бы готовъ сдѣлать всякой.

Услужливый Люблинъ и Графиня Лелева долго продолжали разговоръ о приведеніи въ дѣйствіе тайныхъ намѣреній своихъ, положивъ между собою до тѣхъ поръ никому не объявлять объ этомъ, пока будетъ все готово къ отъѣзду ихъ. Таковую Ольга имѣла привязанность къ супругу своему. Она была готова жертвовать всемъ, чтобъ только находиться съ нимъ вмѣстѣ и Люблинъ ясно видѣлъ теперь справедливость словъ друга своего, которой такъ часто говорилъ ему о любви Ольги къ Графу, и хотя Валентинъ и безъ опыта вѣрилъ этому, но самый опытъ, которому сдѣлался онъ нечаяннымъ свидѣтелемъ, еще болѣе увѣрилъ его въ слышанномъ и еще болѣе въ глазахъ его облагороживалъ характеръ Графини Лелевой.

Въ продолженіи двухъ дней стараніями Люблина было все приготовлено къ отъѣзду Графини и, Валентину оставалось только дождаться изъ уѣзда повѣреннаго своего. Ольга объ этомъ была увѣдомлена. Нельзя вообразить себѣ, въ какомъ

она находилась восхищеніи; ей уже представлялось, что она близь своего обожаемаго Александра, раздѣляетъ съ нимъ опасности, переноситъ съ удовольствіемъ труды, слышитъ стоны раненыхъ, крики побѣжденныхъ и восхищенія побѣждающихъ. Мечты Ольги живо писали ей картину военныхъ дѣйствій, она восхищалась побѣдами соотечественниковъ, видѣла супруга своего въ рядахъ побѣждающихъ, и молила Творца о поданіи успѣховъ Русскимъ на пораженіе дерзкаго Галла.

Повѣренный Валентина возвратился. Люблинъ не имѣлъ причинъ оставаться долѣе въ Зимогорьѣ; Графиня была чрезмѣрно рада этому и въ слѣдующій же день рѣшилась она отправиться въ путешествіе свое. Ольга наканунѣ этого дня послала нарочно за отцемъ Василіемъ и женой его, дабы увѣдомить ихъ о предпринятомъ намѣреніи. Люблинъ написалъ письмо къ другу своему, въ которомъ обо всемъ подробно увѣдомлялъ его и на долго прощался съ нимъ по случаю

отъѣзда съ Графинею. Валентинъ писалъ еще, что Ольга есть совершенный образецъ чистой нравственности; доброта души ея, откровенность и простота характера, привязанность къ супругу и ласковость превосходятъ всякое описаніе. Она невольно заставляетъ имѣть уваженіе къ себѣ и, бывая съ ней, забываешь, что это простая смертная, думаешь, что это сама оживотворенная добродѣтель. Валентинъ былъ правъ. Ольга точно была такова; а если рѣшилась она ѣхать съ молодымъ человѣкомъ, то этотъ поступокъ доказываетъ, что она страстно любила мужа своего, и въ глазахъ другихъ никакъ не могъ марать ее.

По приглашеніи Графини отецъ Василій и жена его пришли къ ней; Г-жа Радугина находилась также тутъ. Послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ въ какое были они приведены удивленіе, когда Ольга объявила имъ, что она завтра оставитъ Зимогорье. Добрая старушка, жена священника, съ крайнимъ прискор-

біемъ спросила ее, куда намѣрена была отправиться она, и когда услышала, что въ армію къ Графу, то слезы градомъ полились изъ глазъ у ней, а набожный отецъ Василій и Г-жа Радугина были приведены въ такое удивленіе, что даже не вѣрили этому. Графиня долго принуждена была увѣрять ихъ и наконецъ объявила имъ, что она ѣдетъ съ Валентиномъ Ивановичемъ Люблинымъ, который рѣшился принять на себя трудъ изготовить все къ отъѣзду и проводить до того мѣста, гдѣ находился Н. Гусарской полкъ, въ которомъ служилъ Графъ Лелевъ.

Приходъ Люблина къ Графинѣ совершенно увѣрилъ Радугину и священника о намѣреніи ѣхать съ нимъ и увѣренный отецъ Василій хотя и совѣтовалъ ей оставить предпріятіе это, но непремѣнное желаніе Ольги принудило его оставить совѣты и пожелать отправляющимся счастливаго пути. Ольга просила Г-жу Радугину принять на себя управленіе домомъ ея, а смотрѣніе за милой Лизой препоручила доброй бабушкѣ. Объ отъ-

ѣздѣ Ольги къ Графу вскорѣ узнало все село, и новость эта была предметомъ разговоровъ между крестьянъ, которые были душевно преданы добрымъ помѣщикамъ своимъ.

Наступилъ наконецъ день отъѣзда Графини Лелевой и Люблина. Ольга радушно прощалась со всѣми и какая-то радость примѣтна была на лицѣ ея. Люблинъ просилъ священника, чтобъ онъ отправилъ на почту письмо, которое онъ оставлялъ ему. Набожный отецъ Василій благословилъ отъѣзжающихъ и они, принявъ благословеніе, простились со всѣми провожавшими ихъ, желая имъ счастія.

Ольга съ замѣтнымъ спокойствіемъ выѣхала изъ Зимогорья; на лицѣ ея были примѣты слѣды какого-то нетерпѣнія, и она, забывая все прошедшее, жила теперь однимъ будущимъ.

Лелева, начиная съ первой станціи, перемѣнила фамилію свою, она назвалась Графинею *Рославлевою.* Такимъ образомъ Героиня - Ольга подъ чужею фами-

лiею начала путешествiе свое къ обожаемому супругу своему.

Глава двѣнадцатая.

Письмо Марiи Обриной къ Княгинѣ Этикетовой.

Пенза, 1812 года.

»Чувствительно благодарю тебя, милая Евгенiя, за письмо твое. Оно много принесло мнѣ радости и я цѣню вполнѣ дружбу твою и твою довѣренность. Ты вступаешь въ новые узы брака съ человѣкомъ, котораго любишь ты и который одинаково привязанъ къ тебѣ. Для подруги дѣтства твоего слишкомъ прiятно слышать новость эту, и я упросила маминьку отпустить меня въ Москву, объявивъ ей о намѣренiи твоемъ. Она очень рада этому и желаетъ тебѣ того

же счастія, какого могла бы желать мнѣ, и я съ нетерпѣніемъ, другъ мой, жду того дня, когда увижусь съ тобою. Прости меня добрая Евгенія за то, что я такъ мало пишу къ тебѣ. Я внѣ себя отъ радости, ибо скоро буду въ Москвѣ и увижу мою неоцѣненную Евгенію. Твоя . . . . .

Марія Обрина.»

Письмо это много обрадовало Этикетову и она при первомъ же свиданіи показала его Лярскому, восхищаясь, что подруга ея пріѣдетъ скоро въ Москву. Лярскій, любя Княгиню, одинаково былъ радъ письму этому, потому болѣе, что оно было пріятно для его Евгеніи. Частыя свиданія Лярскаго и Этикетовой подали поводъ пустой молвѣ къ разнымъ толкамъ объ этомъ: но когда Княгиня объявила нѣкоторымъ изъ короткихъ знакомыхъ своихъ о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ съ Лярскимъ, и новость эта мало по малу стала разноситься, то всѣ непріятные толки

прекратились и Ларскаго начали уже считать женихомъ Этикетовой.

Такъ все бываетъ въ свѣтѣ этомъ. Молва, разносимая вѣстовщиками бываетъ часто несправедлива, а любители ея и новостей судятъ обо всемъ по однимъ толкамъ, не стараясь узнавать справедливы ли оныя, и какъ жаль, что люди вѣрятъ болѣе слухамъ, отъ чего многіе бываютъ очерняемы, и хотя время и случаи оправдываютъ, но клевета и несправедливые толки долго заставляютъ ихъ сносить отъ многихъ презрѣніе. Если сего послѣдняго и не было съ Княгинею и Ларскимъ, однако нѣкоторые много говорили уже не выгоднаго на щетъ обоихъ ихъ, что оскорбляло молодую Княгиню. Это заставило Ларскаго, просить нареченную невѣсту свою фармально объявить роднѣ и знакомымъ о намѣреніи ея — что Этикетова скоро и сдѣлала. Любительницы разносить по домамъ подобныя вѣсти скоро заговорили объ этомъ съ своими прибавленіями и переходили изъ дома въ домъ сообщать новость эту. Не прошло двухъ недѣль,

какъ Княгиня сказала роднѣ своей о желаніи вступить въ замужство съ Лярскимъ, и рѣдкіе изъ жителей Замоскворѣчья, (гдѣ жилъ Лярскій и Этикетова) не знали о скорой свадьбѣ ихъ. Такъ въ Столицахъ, какъ и въ малыхъ городахъ, происшествіе дѣлается скоро извѣстнымъ, а любители новостей благодарны за это словохотливымъ старухамъ, которыя у насъ подобны живымъ биллюстенямъ и ихъ отыскать можно въ каждомъ классѣ гражданъ.

Въ одно утро, когда Лярскій сбирался ѣхать къ невѣстѣ своей, Петръ камердинеръ его подалъ ему запечатанное письмо. По почерку на адресѣ Лярскій тотчасъ узналъ, что оно было отъ друга его Люблина. Александръ съ нетерпѣніемъ разпечаталъ его и когда прочелъ, то какъ удивленъ былъ увѣдомленіемъ Валентина о знакомствѣ его съ Графинею Лелевою, и его отъѣздѣ съ нею. Онъ вторично прочелъ письмо и крайне жалѣлъ, что долго не увидится съ другомъ своимъ, жалѣлъ о томъ, что любезный для него Валентинъ, быть мо-

жетъ, не будетъ и на свадьбѣ, которая должна была скоро назначиться. Когда Лярскій отправился къ Княгинѣ, то взялъ съ собою и полученное имъ письмо, гдѣ читалъ его съ большею радостію. — Этикетовой очень пріятно было слышать о знакомыхъ своихъ и она душевно радовалась привязанности Ольги къ мужу своему и даже хвалила поступокъ Лелевой въ разсужденіи отъѣзда ея къ Графу. Евгенія говорила, что знакомство Лелевой приносило ей столько удовольствія, что она того не въ состояніи выразить. Такъ Этикетова цѣнила Ольгу. Она ясно видѣла въ ней примѣры истинной добродѣтели—и восхищалась. Евгенія желала даже подражать ей. Вотъ какъ нравственные примѣры могутъ дѣйствовать на другихъ, и какъ добродѣтельная женщина можетъ играть большую ролю въ обществахъ! Ея скромность, благородство поступковъ, обращеніе соединенное съ самымъ строгимъ приличіемъ, — все это можетъ разительно дѣйствовать на другихъ, пренебрегающихъ нравственностію, и если не

совершенно исправлять ихъ, то по крайней мѣрѣ налагать на нихъ невольную скромность, заставлять стыдиться другихъ и не давать воли языку, *глазамъ*, и проч. и проч. Tempora mutantur, mutamur et nos quoque in ipsis — (времена перемѣняются, и мы перемѣняемся) — говоритъ Овидій, быть можетъ, и мы дождемся того, что нравственные примѣры немногихъ заставятъ каждаго изъ насъ слѣдовать имъ, тогда (чего съ радостію всякой ожидать долженъ) не будемъ опасаться заразы *иностранныхъ привычекъ* . . . . . .

Когда Лярскій, обрадованный полученнымъ письмомъ отъ друга своего, говорилъ съ Княгинею объ Валентинѣ, хвалилъ его достоинства, характеръ, поведеніе, то въ эту минуту вошелъ слуга и доложилъ Евгеніѣ, что пріѣхала Марія Дмитріевна Обрина. «Не ужели!» съ восторгомъ сказала Этикетова, потомъ, обратясь къ жениху своему, просила его выдти съ нею вмѣстѣ встрѣтить подругу дѣтства, о которой она давно го-

ворила ему. Для Лярскаго также не меньше было пріятно видѣть и познакомиться съ Обриной, и потому болѣе, что она любила душевно его Евгенію. Встрѣча двухъ друзей, которые давно не видались, бываетъ разительна. Между ими забыто все прочее, они только видятъ и слышатъ однихъ себя, предаются чувствамъ своимъ, и ни на что другое не стараются обращать вниманія своего. Быть можетъ, это было бы и между Обриной и Этикетовою, но какъ послѣдняя, бывъ вмѣстѣ съ Александромъ помнила и его, а Обрина, занятая будущимъ счастіемъ подруги своей, также съ своей стороны обратила вниманіе свое на того человѣка, которому ввѣряла себя и судьбу свою милая подруга дѣтства ея, добрая Евгенія, которую страстно любила она, то при свиданіи семъ и на глазахъ Маріи блистали слезы, какъ утренняя роса не распустившейся лилеѣ. Въ душѣ Княгини чувства дружбы спорили съ чувствами любви, сіи послѣднія старались взять верхъ надъ ними—и она, если не старалась побѣдить сего, то по крайней мѣрѣ

была непринужденно привѣтлива къ Обриной. — Этикетотва послѣ первыхъ дружескихъ привѣтствій наконецъ отрекомендовала подругѣ своей Ларскаго, говоря: «я писала къ тебѣ, другъ мой, о намѣреніи моемъ, тебѣ первой открыла тайну души моей, и такъ вотъ тотъ Александръ, которому вѣчно ввѣряю себя.» Лярскій со всею учтивостію свойственною человѣку большихъ обществъ, отпривѣтствовалъ Обрину, и благодарилъ ее за расположеніе къ Евгеніѣ. Обрина равно съ своей стороны обошлась съ нимъ—и не прошло часа, Лярскій и Марія разговаривали уже между собою, какъ старые знакомые. Евгенія была очень рада, видя между ими какое-то дружество, она даже старалась еще болѣе увеличить оное, — что, быть можетъ, для мучительной ревности покажется страннымъ; но душа моей Евгеніи была чужда страсти этой, слѣдствія которой бываютъ слишкомъ пагубны, и Княгиня всегда жалѣла тѣхъ женщинъ - женъ, которыя дозволили низкой ревности овладѣть душей своею. Она говорила: «ревность—

врагъ супружескаго согласія; должно стараться преодолѣвать страсть эту, питать сердце свое возвышенными чувствами дружбы и никакъ не думать, чтобъ человѣкъ, которой истинно любитъ, могъ когда нибудь сдѣлаться вѣроломнымъ клятвопреступникомъ, потому что истинная любовь чужда всякой измѣны.« Всякой будетъ согласенъ съ мнѣніемъ Княгини, она права: ибо пламенная и чистая любовь не можетъ быть знакома съ обманомъ, а если мы часто и видимъ противное истинѣ, то это случается отъ того, что въ нашъ вѣкъ любятъ болѣе *по расчетамъ*. Оставимъ теперь Княгиню, восхищенную пріѣздомъ молодой Обриной, влюбленнаго Лярскаго и самую Обрину дѣлить между собою въ пріятно-дружескихъ разговорахъ и разскажемъ читателю хотя что-нибудь о Марьѣ Дмитріевнѣ.

Обрина была дочь одного дворянина. Покойной отецъ ея былъ коротко знакомъ съ старымъ Талинымъ отцемъ Княгини Этикетовой, и Марія почти съ

самаго малолѣтства воспитывалась съ его дочерью. Одинакія лѣта, привычки, сходство характеровъ сдѣлали ихъ друзьями. По смерти Обрина мать Маріи оставила столицу и переселилась съ нею въ одну изъ Пензенскихъ деревень. Марія была принуждена проститься съ Евгеніею, давъ обѣщаніе писать къ ней почти каждую почту. Вскорѣ по отъѣздѣ Обриныхъ, отецъ Евгеній, обольщенный знатностію и богатствомъ стараго Князя Этикетова, принудилъ дочь свою выдти за него замужъ, и Евгенія, считая повелѣнія родителя священными, безпрекословно повиновалась ему. Одна, безъ подруги, которой открыта была вся душа ея, предавалась она печали и оплакивала жребій свой. Она если и находила утѣшеніе въ чемъ, то находила его въ письмахъ Маріи и въ своихъ отвѣтахъ къ ней, гдѣ изливала всѣ чувства души своей. Кроткая Марія жалѣла подругу свою, но чѣмъ инымъ могла она пособить ей, какъ только одними совѣтами: безъ роптанія переносить

жребій свой и повиноваться престарѣлому родителю.

Евгенія Талина, вскорѣ послѣ увѣдомленія подруги своей о желаніи родителя на щетъ ея замужства, вышла за Князя Этикетова. Читатель уже знаетъ, какъ Евгенія терпѣливо сносила судьбу свою, и какъ обходилась съ престарѣлымъ супругомъ своимъ. Она если не страстно любила его , то по крайнѣй мѣрѣ уважала, дѣлила съ нимъ безропотно время и даже отказалась отъ всѣхъ веселостей большаго свѣта. Обрина, зная все, хвалила поступки Евгеніи, старалась еще болѣе принуждать ее одинаково вести себя и всегда стараться уважать супруга своего. Теперь Марія , увѣдомленная Этикетовою о выборѣ собственнаго сердца ея, находилась съ ней, дѣлила радости ея и въ Лярскомъ видѣла человѣка достойнаго того, чтобы Евгенія ему ввѣрила себя.

Чрезъ недѣлю по пріѣздѣ Обриной было обрученіе Евгеніи съ Лярскимъ. Двое счастливцевъ, упоенные любовію и надеждами, были внѣ себя. Добрая Марія, ду-

шевно расположенная къ Евгеніи, радовалась счастію ея и, мечтая сама съ собой, удивлялась тому мгновенному взору, которой могъ связать сердца Евгеніи и Александра. Не уже ли, говорила она, есть взгляды, которыя рѣшаютъ судьбу цѣлой жизни нашей? . . . Неопытное сердце удивляется этому и даже не вѣритъ, чтобъ такъ сильна была страсть любви, то и не удивительно, что Марія судила такъ; ибо она не любила еще, и потому для нея страсть истинной любви, мгновенно раждающая, была тайною.

Обрина писала къ матери, что другъ ея, Евгенія, была счаслива, что она познакомилась съ Лярскимъ и нашла въ немъ человѣка со всѣми отличными достоинствами, и что я,—такъ еще писала она, имѣю большое уваженіе къ этому молодому человѣку, цѣня благородство характера его и даже, маминька, признаюсь вамъ, я завидую Евгеніѣ . . . . Она описала всю пышность обрученія и не позабыла сказать, что Княгиня одинаково, какъ и прежде, расположена къ ней.

Старая Обрина, довольная письмомъ дочери, не замедлила къ ней отвѣтомъ своимъ, въ которомъ однако между прочимъ дѣлала ей совѣтъ, чтобы она безъ зависти смотрѣла на счастіе подруги своей, а еще менѣе бы старалась узнавать характеръ молодаго Лярскаго и ни въ какомъ бы случаѣ не скрывала чувствъ своихъ, какъ отъ нея, такъ даже отъ Евгеніи. Мать Маріи была во всѣхъ отношеніяхъ женщина съ большой проницательностію, а потому и писала она въ таковомъ тонѣ къ дочери своей на щетъ Лярскаго. Обрина по дальновидности своей предполагала, что если неопытной, молодой дѣвицѣ съ какой нибудь стороны нравится мущина и она часто съ нимъ бываетъ, то рѣшительно сказать можно, что страсть любви мгновенно можетъ возродиться въ сердцѣ ея и неопытность нечувствительно сдѣлается ревностною поклонницей ея. Старая Обрина судила справедливо, а къ томужъ, зная совершенно сердце дочери своей, она могла предположить, что Марія, еще никого не любя въ жизни, могла ле-

легко плѣняться ловкимъ и стройнымъ Лярскимъ.

Марія, получа письмо матери своей, внимательно читала его, и, не скрывая ничего отъ Евгеніи, оное показала ей. Княгиня видѣла въ письмѣ этомъ совершенно отличный тонъ отъ другихъ писемъ старой Обриной, что заставило ее внимательнѣе прочесть его. — Предположенія Обриной были понятны для Евгеніи, но она не опасалась подруги своей. Она думала, что дальновидная мать Маріи писала такъ изъ одной предосторожности, и что доброта сердца Маріи и ихъ дружба вѣрно не допустятъ власть любви надъ собою первенствовать. Счастлива та женщина, которая въ любви лишена всѣхъ сомнѣній!.... — Евгенія думала справедливо. Откровенность Маріи къ ней не имѣла предѣловъ, а это самое заставляло ее ни мало не бояться совмѣстничества въ любви къ Лярскому, къ томужъ сама Марія, понявъ совершенный смыслъ послѣдняго письма матери своей, иногда говорила Евгеніѣ, что предположенія маминьки моей напра-

сны, но я, какъ дочь уважающая совѣты ея, весьма благодарна ей. Я вижу, что ея попеченія обо мнѣ неизъяснимы. Марія думала, какъ покорная дочь, и Евгенія оставалась спокойною.

Лярскій въ короткое знакомство съ подругою Евгеніи былъ душевно расположенъ къ ней и если бы Эшикетова уже не владѣла сердцемъ его, то, быть можетъ, эту власть надъ нимъ взяла бы Марія. Александръ даже думалъ самъ, что молодая Обрина по кротости и скромности характера своего можетъ составить хорошую партію, и тотъ, кто рѣшится взять ее, будетъ очень счастливъ. Онъ даже однажды, улыбаясь, сказалъ Евгеніѣ: „Ахъ! милая Евгенія, если бы вы не жили для меня въ жизни сей, или я не зналъ бы васъ, то, чистосердечно говорю, что кроткая Марія, достойная подруга юности вашей, была бы избрана сердцемъ моимъ. Для Эшикетовой было пріятно слышать это, ибо она гордилась тѣмъ, что имѣла такую подругу, которую ея Александръ уважалъ столько.

„Я желала бы, говорила она Лярскому, чтобъ добрая Марія была бы столькожъ счастлива въ выборѣ супруга своего, какъ и я. „Довольный Александръ поцѣловалъ руку Евгеніи за комплементъ этотъ, который ею былъ сказанъ единственно отъ души. Евгенія! говорилъ Александръ, еслибъ только еще исполнилось одно желаніе мое, то, клянусь вамъ, ничего бы болѣе не сталъ желать въ жизни сей съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ одного этого, что теперь на душѣ у меня. „

„Вѣрно это желаніе ваше, Александръ, не можетъ быть особенною тайною, которую бы не могла знать я. „

—Что вы говорите, прелестная Евгенія? Могу ли я хотя что нибудь скрыть отъ васъ? Какое намѣреніе или желаніе сердца моего можетъ быть тайною для той, которой открыта вся душа моя? . . . . И если бы даже вы не спрашивали меня, то и тогдабъ я открывалъ вамъ мои намѣренія.

„Александръ! за вашу откровенность,

я буду одинаково платить вамъ и вполнѣ оцѣнять оную.«

Лярскій напечатлѣлъ страстный поцѣлуй на рукѣ очаровательной Евгеніи, которая съ своей стороны съ свойственною ей скромностію поцѣловала своего Александра.

— Я желаю, милая Евгенія, опять началъ Лярскій прерванный разговоръ, чтобъ скромная Марія понравилась моему другу Валентину и чтобъ она рѣшилась отдать ему свою руку и сердце.

»Желаніе ваше, Александръ, столько пріятно для меня, что даже не могу изъяснить того и хотя я не знаю лично Г. Люблина, но слыша о немъ отъ васъ, и зная, что онъ другъ вашъ, должна думать, что Валентинъ Ивановичь можетъ быть достойнымъ супругомъ прекрасной Маріи.«

Александръ и Евгенія, довольные намѣреніемъ своимъ, долго разговаривали о Люблинѣ. Лярскій съ своей стороны старался, какъ истинный другъ его, хвалить отъ души характеръ и поведе-

ніе Валентина и Этикетова видѣла привязанность Лярскаго къ другу его. Истинные друзья должны быть таковыми и во время разлуки! .... Прямая дружба должна быть безсрочна, для нея нѣтъ причинъ, которыя бы могли уменьшить ее. Какъ лестно для всякаго имѣть истиннаго друга, и какъ счастливъ тотъ, кто имѣетъ онаго съ самаго малолѣтства! Впрочемъ теперь оставимъ самодовольныхъ Евгенію и Лярскаго предположеніямъ своимъ и вспомнимъ забытаго нами друга его Валентина и Графиню Лелеву, нетерпѣливо спѣшившую къ возлюбленному супругу своему въ лагерь Русскихъ, подобно старому храброму воину на поле кровопролитной битвы.

Глава тринадцатая.

Читатель вѣрно проститъ меня, если я не буду описывать ему съ статистическою точностію путешествія Ольги Лелевой подъ именемъ Графини Рославлевой и Люблина въ лагерь Русскихъ воиновъ, находящійся въ деревнѣ Катериновѣ, и не буду описывать всѣхъ трудностей ѣзды ихъ, за что если любопытство инаго изъ читателей и не проститъ автора, то авторъ какъ не географъ, а романистъ, предполагаетъ, что читатели не должны требовать отъ него описанія путешествія географическаго, даже не должны строго взыскивать за самую мѣстность чего нибудь, если оная имъ извѣстна лучше; потому что авторъ - романистъ опысываетъ оную большею частію по разсказамъ другихъ но не по обозрѣнію собственному: такъ и я, описывая произшествія сіи, не могъ бы ручаться за точную вѣрность мѣстностей и вѣрнаго описанія

путешествія; почему и рѣшился пропустить оное, и это не можетъ портить планъ романа и читатели ни за что строго обвинять автора да и въ законахъ Русскихъ сказано: «*Собственное признаніе лучше доказательствъ всего свѣта.*»

Начало этой главы *для немногихъ*. . . Графиня Лелева, рѣшась презирать опасностями, какія только могли бы встрѣтиться ей во время дороги и не взирая на трудности путешествія, она достигла цѣли своей. Читатель уже знаетъ, что Ольга отправилась въ сопровожденіи Люблина, она благополучно и безъ особенныхъ романическихъ произшествій достигла той части Бѣлоруссіи, въ которой находилась деревня Катериново, и остановилась на полдня ѣзды отъ оной въ мѣстечкѣ, принадлежавшемъ *Г-жѣ Эржинской;* здѣсь узнала она, что пребываніе въ арміи женщины невозможно. По этому случаю Графиня Лелева рѣшилась перемѣнить платье пола своего. Старательный Люблинъ досталъ ей муж-

ское платье деньщика, и Ольга, изъ любви къ супругу своему, согласилась одѣться въ оное, дабы только быть съ нимъ вмѣстѣ. Этотъ поступокъ крайне удивлялъ Валентина и въ глазахъ его дѣлалъ Ольгу совершенной героиней, а разительный примѣръ привязанности къ ея супругу поставлялъ онъ образцемъ для каждой женщины.

Лелева пріѣхала въ мѣстечко Г-жи Эржинской въ началѣ Іюля мѣсяца, и, пробывъ въономъ около четырехъ дней, она отправилась въ деревню Катериново, въ стоящій тамъ корпусъ Графа Виттгенштейна, отблагодаря услуживаго Люблина за всѣ старанія его и безпокойства понесенныя имъ во время дороги. Она при прощаніи просила его увѣдомить священника села Зимогорья о благополучномъ пріѣздѣ ихъ въ Бѣлоруссію и отправленіи ея въ лагерь къ супругу. Люблинъ далъ слово исполнить всѣ порученія ея и, простясь съ Графинею, отъ души желалъ ей и супругу ея благополучія, питая въ сердцѣ своемъ неизъясни-

мое уваженіе къ отважнымъ поступкамъ Ольги.

Люблинъ на другой же день отправился изъ помѣстья Эржинской. Онъ былъ печаленъ, присутствіе Графини Лелевой приносило ему какое-то удовольствіе; замѣчательные ея разговоры, радушіе, простота и откровенность невольно заставляли вспоминать о ней, невольно каждаго разпологали къ добродѣтельной Ольгѣ. Валентинъ ѣхалъ обратно тою же дорогою и останавливался на тѣхъ же станціяхъ, на которыхъ и съ Графинею Лелевою. Это самое еще болѣе заставляло его думать о спутницѣ своей и онъ съ самимъ собою восхищался свиданіямъ Ольги съ супругомъ. Валентинъ живо представлялъ себѣ его радость и восхищеніе Графини, видя желанія свои исполненными. Читатель также вѣрно думаетъ теперь о героинѣ моей и желаетъ лучше слѣдовать за нею, чѣмъ за Люблинымъ. И такъ послѣдуемъ за Ольгою. Ольга, переодѣтая въ платье деньщика, прибыла благополучно

въ лагерь. При свиданіи съ нею радость, восхищеніе и удивленіе супруга были неизъяснимы; онъ долго не вѣрилъ глазамъ своимъ, считалъ это одной мечтою, вымысломъ, и только ласки Графини, ея голосъ, могли привести его въ себя и увѣрить въ истинѣ. Сама Ольга не помнила себя отъ радости, видя своего Александра вмѣстѣ съ собою душа ея была въ упоеньи восторга и это мгновеніе въ жизни считала она блаженнѣйшимъ. Александръ ласкаемый супругою своею даже забылъ въ эту минуту всѣ ужасныя войны, забылъ самую смерть; сердце его, самыя мечты были наполнены одной прелестною Ольгою, этимъ свиданіемъ съ нею и будущимъ, ибо Ольга останется съ нимъ... Долго супруги упоенные восторгами радости предавались ей, давая волю своему воображенію; долго они, самодовольные, расточали другъ другу поцѣлуи, пересказывая одинъ другому даже самое малѣйшее во время разлуки ихъ. Графъ съ своей стороны не позабылъ разспросить ни о почтенномъ отцѣ Василій,

его супругѣ, маленькой Лизѣ, ни о жителяхъ села Зимогорья, о всѣхъ и каждомъ подробно разспрашивалъ онъ и наконецъ съ удовольствіемъ слушалъ разсказъ супруги своей о ея пріѣздѣ. Онъ нѣсколько разъ прерывалъ ее благодареніемъ Люблину, относясь объ немъ съ уваженіемъ. Когда Графиня подробно разсказала ему о своемъ путешествіи, о прибытіи въ лагерь, то съ нетерпѣніемъ начала разспрашивать супруга своего о дѣйствіяхъ корпуса и положеніи непріятеля; она, съ рвеніемъ достойнымъ Россіянки, восхищалась успѣхами соотечественниковъ и неудачею противной стороны. Графъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на энтузіазмъ супруги своей и на ея ревность въ покореніи враговъ отечества. Ольга въ душѣ ревностной патріотки желала скораго окончанія военныхъ дѣйствій и славы Русскимъ; она, какъ истинная Славянка ненавидѣла врага своего отечества, питая въ душѣ мщеніе и ненависть. Ей живо представлялись дѣла славныхъ предковъ, и о нихъ Ольга говорила съ

восхищенiемъ; великiе подвиги героевъ и патрiотовъ своего отечества она произносила съ какимъ-то благоговѣнiемъ, для нея Минины, Пожарскiе, Матвѣевы, Долгорукiе, Шереметевы были памятны сердцу. Полководцы временъ древнихъ и новыхъ возвышали духъ моей героини, питали чувства ея и она высоко цѣнила подвиги ихъ. Графъ удивлялся Патрiотизму супруги своей, и это еще болѣе увеличивало ревность его и желанiе сражаться съ непрiятелемъ; онъ нетерпѣливо ждалъ той минуты, когда начнутся военныя дѣйствiя.

Было около половины Iюля. Маршалъ Удино, выступившiй на Петербургъ по Собежской дорогѣ, подходилъ къ мѣстечку Клястицы. Графъ Витгенштейнъ остановилъ его у этаго мѣстечка и атаковалъ во флангъ. Желанiе Графа Лелева сбылось: цѣлыхъ три дни, то есть, 18, 19 и 20 Iюня продолжалось сраженiе, и Графъ оказалъ чудеса храбрости — что не скрылось отъ вниманiя начальниковъ его. Онъ въ рядахъ

непріятеля наносилъ всюду смерть и съ необыкновенною отважностію и счастіемъ врѣзывался въ ряды противниковъ и мужественно сражался за отечество свое. 20 Іюля былъ убитъ храбрый нашъ Генералъ Кульневъ, нанесшій смертію своею чувствительную потерю и въ этотъ же день Маршалъ Удино былъ гнатъ отъ Клястицъ 18 верстъ за рѣку Дриссу. Графъ Лелевъ былъ одинаково храбръ и съ равнымъ ожесточеніемъ поступалъ съ непріятелемъ, которой искалъ спасенія въ бѣгствѣ.

Героиня Ольга, слыша о поступкахъ Графа, восхищалась; его храбрость одушевляла ее и она, при всей любви къ нему, не думала ни о малѣйшей опасности; любовь къ Царю и приверженность къ отечеству брали верхъ надъ ней и наполняли всѣ мысли ея; она, подобно храброму тяжело раненому герою, твердила о мести врагу, о спасеніи родины своей; радовалась успѣху соотечественниковъ своихъ и молилась о умершихъ на полѣ брани, говоря: »Они умерли за спасеніе

отечества, и смерть ихъ должна восхищать каждаго!" — Таковыя чувства питала въ душѣ своей Графиня Лелева и, бывъ женщина, была тверда въ характерѣ.

Графъ Лелевъ еще съ большею храбростію отличался въ сраженіи подъ Полоцкомъ, произходившемъ 5 и 6 Августа, гдѣ Французскій Маршалъ Удино былъ тяжело раненъ, что заставило его сдать начальство надъ войскомъ Генералу Сапсиру. Послѣ сраженія 6 Августа, въ которое городъ Полоцкъ едва не былъ взятъ, наши войска отступили за Дриссу, гдѣ стали укрѣпленнымъ лагеремъ, и въ такомъ положеніи находились около шести недѣль. Въ продолженіе онаго времени прибылъ въ лагерь нашихъ войскъ отрядъ С. Петербургскаго ополченія, которымъ командовалъ Генералъ Бибиковъ.

Всѣ трудности переходовъ Графиня

Лелева сносила съ большимъ равнодушіемъ, ни опасности военныя, ни безпокойства, ни что не могло ослабить духа ея, и она не роптала на предпріятіе свое но напротивъ восхищалась тѣмъ, что Русскіе срываютъ великія побѣды, а дерзкіе непріятели получаютъ безславіе.

1-го Октября, въ день Покрова Пресвятыя Богородицы, былъ въ войскѣ молебенъ. Ольга въ полномъ изліяніи чувствъ молила Всевышняго о поданіи успѣховъ Русскому оружію, и слезы ручьями лились изъ глазъ ея. Я не стану описывать восхитительной картины, какую представляли войски наши, стоящія съ непокрытыми главами. Радость на лицахъ Русскихъ солдатъ, не принужденная готовность, и желаніе стать противъ непріятеля, все это, соединенное съ рвеніемъ высшихъ начальниковъ, дѣлало картину эту неподражаемою. Пространное поле установленное воинами по военной дисциплинѣ, готовыми идти на враговъ отечества своего, представляло разительную панораму,

а при пѣніи *многая лѣта*, и *Тебе Бога хвалимъ* слышны были рыданія воиновъ. Кто скажетъ, чтобъ это не были слезы радости и рвенія, которыми были исполнены сердца предстоящихъ, сердца Русскихъ воиновъ, идущихъ проливать кровь свою за Царя—милосердаго Александра, благодѣянія котораго заставили въ послѣдствіи самыхъ враговъ прославлять имя его? Пройдутъ столѣтія, изчезнутъ цѣлыя поколѣнія народовъ, быть можетъ, падутъ и возстанутъ снова цѣлыя государства, но имя Александра I. Возстановителя тишины, спокойствія и благоденствія цѣлой Европы, перейдетъ изъ рода въ родъ, отъ народа къ народу и даже самые Цари державъ иноплеменныхъ будутъ благоговѣть при имени Александра I. сего великаго Монарха Россіи и благодѣтеля всей Европы!

Прошелъ день, въ которой Русскіе воины принесли за успѣхи оружія своего благодареніе Всевышнему, и въ которой молили Творца о будущихъ милостяхъ

его. Съ зарей 2-го Октября выступили они къ Полоцку брать оный штурмомъ. Цѣлый день (4-го Октября) стояли они безъ дѣйствія. Кто изъяснитъ непринужденное желаніе каждаго Русскаго воина кинуться съ орудіемъ въ рукахъ на врага, стоящаго противъ него и, быть можетъ, смотрящаго съ завистію на рвеніе и успѣхи Русскихъ! Кто опишетъ эту восхитительную картину, когда войска, стоя на бивуакахъ, ждутъ тревоги, дабы выступить на поле битвы! Это должно видѣть....

Война!... Подъяты наконецъ
Шумятъ знамена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мѣсти,
Засвищетъ вкругъ меня губительный свинецъ...
И сколько сильныхъ впечатлѣній
Для жаждущей души моей!
Стремленье бурныхъ ополченій,
Тревога стана, звукъ мечей
И въ роковомъ огнѣ сраженій
Паденье ратныхъ и вождей.

Такъ игривое воображеніе нашего чародѣя, поэта знаменитаго, Пушкина описало войну; но это одинъ эскизъ.

5-го Октября и въ ночь на 6-е происходило сраженіе. Эта ночь достопамятна для Русскихъ воиновъ, которые участвовали въ этой битвѣ, ибо былъ взятъ нашими войсками городъ Полоцкъ, а въ самый день 6-го Октября перешли наши рѣку Дриссу и стали преслѣдовать непріятеля.

Мы остановимся на взятіи Полоцка. Битва была ужасная, съ обѣихъ сторонъ защищались съ равнымъ мужествомъ, громъ пушекъ, свистъ картечей, облака густаго дыму отъ огнестрѣльныхъ орудій, стоны умирающихъ, невнятные крики сражающихся, все это разносилось въ воздухѣ, ужасало и представляло величественную картину дѣйствій человѣческихъ, наконецъ Французы должны были уступить если не множеству, то по крайней мѣрѣ чрезмѣрной храбрости нашего побѣдоноснаго войска. Полоцкъ былъ взятъ. Потери съ обѣихъ

сторонъ были довольно большія, но мы имѣли болѣе раненыхъ, нежели убитыхъ; въ числѣ первыхъ былъ и Графъ Лелевъ.

Кому не будетъ пріятно изъ моихъ соотечественниковъ слышать эти хотя и простыя слова, но впрочемъ много одушевившія Руских воиновъ? Когда наши войска стояли еще безъ дѣйствія передъ Полоцкомъ, то Генералъ Лейтенантъ Гейльфрейхъ, оборотясь къ солдатамъ, сказалъ: „*Ребяты! Не забудьте, что мы штурмуемъ свой губернскій городъ!*„ Этотъ гласъ храбраго и опытнаго начальника много одушевилъ воиновъ. Отечество для Русскихъ дороже собственной жизни и въ характеристикѣ этого народа ясно отражается это; ибо каждый Русскій (по душѣ) готовъ жертвовать всемъ, лишь только бы видѣть славною родину свою. Напрасно Французы, Италіанцы и другіе народы стараются затмить славу Русскихъ, патріотическій духъ ихъ къ защитѣ родины своей, и ихъ безкорыстное рвеніе къ чести, однимъ имъ свойственное! Но мы

забыли Графа Лелева и нашу героиню; быть можетъ, читатель желаетъ болѣе знать объ нихъ, нежели читать вводимыя мною эпизоды; но впрочемъ онъ долженъ простить мнѣ ибо я говорилъ о патріотизмѣ Русскихъ, какъ о любезныхъ соотечественникахъ своихъ. Графъ Лелевъ, храбрость котораго превышала всякую возможность, былъ раненъ довольно тяжело вмѣстѣ съ другими Русскими Офицерами былъ отвезенъ въ Гошпиталь. Ольга, узнавшая объ этомъ, не лила слезъ такъ какъ женщина и супруга, которая страстно любитъ мужа своего; она, подобно истинному патріоту, которой вполнѣ преданъ отечеству своему, равнодушно приняла новость эту, радовалась въ душѣ, что милый Александръ пролилъ кровь за Царя и отечество и вмѣстѣ съ симъ молила Всевышняго о его щедротахъ низпосылаемыхъ нашему орудію и о сохраненіи жизни ея супругу.

Глава четырнадцатая.

Теперь, любезный читатель, вспомнимъ Люблина, оставленнаго нами въ деревнѣ и вмѣстѣ съ нимъ вспомнимъ о другѣ его влюбленномъ Лярскомъ и объ очаровательной имъ Княгинѣ Этикетовой. Была полночь, сильный стукъ въ вороты дома Люблина пробудилъ крѣпко спящаго дворника. Это было 2-го Августа. Василій камендиръ всталъ тихо, проснулся и спѣшилъ узнать причину онаго, но лишь только сошелъ онъ съ лѣстницы, какъ двѣ дорожныя повозки въѣхали на дворъ дома. »Баринъ баринъ!« раздавалось на крыльцѣ, и лакеи, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ Люблинымъ, спѣшили вынимать изъ повозокъ чемоданы. Василій опрометью бросился будить спящихъ слугъ, а усталый отъ ѣзды Люблинъ былъ уже въ покояхъ дома своего. Первый вопросъ Валентина при появленіи къ нему Василія былъ о Лярскомъ и о Княгинѣ Этикетовой. Словоохотный Василій сказалъ ему, что Александръ Ва-

сильевичь уже сочетался бракомъ съ Княгинею Этикетовою и что будетъ скоро балъ. Эта новость столько обрадовала Валентина, что онъ былъ отъ радости внѣ себя, забывъ даже о снѣ, которому прежде хотѣлъ предаться. Валентинъ крайне досадовалъ на медленность ѣзды своей, когда узналъ, что свадьба Лярскаго была за два дни до прiѣзда его и жалѣлъ, что не могъ быть на оной. Люблинъ, не изъ женскаго любопытства, но единственно изъ одной дружбы разспрашивалъ подробно Василiя о свадьбѣ друга своего, и дожидался нетерпѣливо утра, дабы послать къ нему съ увѣдомленiемъ о прiѣздѣ своемъ.

Медленно часовая стрѣлка двигалась на стѣнныхъ часахъ, висѣвшихъ въ кабинетѣ Люблина, еще медленнѣе и продолжительнѣе казалось для него приближенiе самаго утра; наконецъ ударило семь часовъ и обрадованный этимъ Валентинъ послалъ слугу своего къ Лярскому. Не прошло двухъ часовъ, какъ ушелъ посланный, и прежде нежели воз-

вратился онъ съ отвѣтомъ, Лярскій уже былъ въ кабинетѣ Валентина и держалъ его въ объятіяхъ своихъ. Вѣрные друзья - товарищи осыпали другъ друга вопросами и спѣшили одинъ другому пересказать о всемъ, что случилось съ ними во время разлуки, но болѣе всего предметомъ разговора ихъ была свадьба. Валентинъ съ удовольствіемъ слушалъ объ оной разсказы друга своего, упоеннаго радостію, и не старался прерывать его.

Послѣ взаимнаго другъ другу открытія, Лярскій звалъ Валентина къ себѣ и обрадованные друзья отправились вмѣстѣ. Евгенія ласково встрѣтила своего Александра, который отрекомендовалъ ей друга дѣтства своего. Вѣжливый и обходительный Валентинъ отрекомендовался супругѣ друга своего, которая, давно уже бывъ наслышана объ немъ, со всемъ радушіемъ и ласкою обошлась съ нимъ.

Послѣ взаимныхъ разговоровъ Евгенія спросила Люблина о Лелевой и Валентинъ наконецъ подробно разсказалъ ей о путешествіи своемъ съ Графинею, о

ея ежеминутномъ нетерпѣніи видѣть своего супруга, о ея мнѣніи и приверженности къ своему отечеству—и Евгенія восхищалась. Валентинъ даже признался другу своему о тѣхъ чувствахъ и скукѣ, какую онъ чувствовалъ по прощаніи съ Ольгою, и Лярскій отъ души смѣялся надъ нимъ, говоря, что Графиня Лелева есть, вѣрно, нравственный магнитъ для сердца каждаго мущины.

Люблинъ, видя Евгенію, и ея привязанность къ Александру, внутренно радовался счастію Лярскаго и если бы не былъ истиннымъ другомъ его, то вѣрно бы сталъ завидовать ему, но путь презрѣнная зависть не имѣла мѣста въ сердцѣ Валентина, онъ только восхищался этимъ, свободою каждый наслаждался; сердце Люблина давало знать ему, что, быть можетъ, оно скоро должно будетъ подчиниться законамъ любви, и душа его, скучая одиночествомъ, ждала минуты, когда явится желанный предметъ и чувства его сольются съ чувствами онаго . . . . .

Предположенія и желанія Евгеніи и Александра сбылись. Люблинъ увидалъ Обрину и добрая Марія понравилась ему. Онъ не долго таилъ это отъ друга своего, не скрылъ даже и отъ Евгеніи, ибо предполагалъ, что Александръ вѣрно скажетъ объ этомъ супругѣ своей. Евгенія съ своей стороны хотѣла узнать о чувствахъ Маріи, но Обрина, любя Евгенію и никогда ничего не скрывая отъ нея, какъ-то однажды сама сказала, что Валентинъ Ивановичь Люблинъ нравится ей. Этого было довольно для Евгеніи; она видѣла это, что̀ заставляло скромную Марію сказать это. На другой день узналъ объ этомъ Люблинъ. Читатель самъ можетъ представить себѣ положеніе его. Радость восхищеній попеременно трогала душу влюбленнаго Валентина и онъ отъ избытка чувствъ не помнилъ самаго себя.

Евгенія вызвалась отписать обо всемъ этомъ Маріиной матери, ибо Марія также узнала о чувствахъ Валентина. Съ первою же почтою послала письмо къ

старой Обриной, она увѣдомляла ее о расположеніи Маріи къ Валентину Люблину, въ которомъ столько написала хорошаго, что развѣ только одна дружба могла бы такъ отнестися, но Люблинъ своимъ характеромъ и поведеніемъ заслуживалъ это отъ каждаго.

Старая Обрина, получа письмо отъ Евгеніи, была крайне обрадована онымъ, но она не могла рѣшиться на отъѣздъ въ Москву. Ибо угрожающія бѣдствія Россіи, смутныя обстоятельства этаго времени заставляли ее отложить намѣреніе на щетъ будущей судьбы милой дочери ея. Слова Августѣйшаго Монарха Великаго Александра : Россія *не положитъ дотолѣ оружія , доколѣ ни единого врага не останется въ предѣлахъ его Царства*—заставляли каждаго болѣе пещись и думать о пользѣ общественной, нежели своей собственной. Такъ и Обрина въ настоящее время это рѣшилась отложить исполненіе намѣреній своихъ, она послала отвѣтъ на письмо Евгеніи, въ которомъ вѣжливо благодарила

ее о стараніяхъ на щепъ Маріи, и вмѣстѣ съ онымъ увѣдомляла ее, что обстоятельства этого времени препятствуютъ ей быть въ Москвѣ; это самое замедляло исполненіе желаній Валентина и Маріи, объявившихъ уже другъ другу о любви своей.

Кто въ это время, подобно старой Обриной, не думалъ одинаково съ нею? Кто не зналъ уже о воззваніи Государя къ первопрестольной Столицѣ, отправленномъ изъ Полоцка и полученномъ въ Москвѣ 11 Іюля 1812 года, въ которомъ онъ—сей миролюбивый Монархъ писалъ къ подданнымъ своимъ:

»Непріятель вошелъ съ великими силами въ предѣлы Россіи. Онъ идетъ разворить любезное наше отечество. Хотя пылающее мужествомъ ополченное Россійское воинство готово встрѣтить и низложить дерзость его и зломысліе, однакожъ по отеческому сердолюбію и попеченію Нашему о всѣхъ вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, не можемъ Мы оставить безъ предваренія ихъ о сей угро-

жающей имъ опасности. Да не возникнетъ изъ неосторожности Нашей преимуществъ врагу: того ради, имѣя въ намѣреніи, для надежнѣйшей обороны, собрать новыя внутреннія силы, наипервѣе обращаемся Мы къ древней Столицѣ предковъ нашихъ Москвѣ: она всегда была главою прочихъ городовъ Россійскихъ, она изливала всегда изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу, по примѣру ея изъ всѣхъ прочихъ окружностей текли къ ней, на подобіе крови къ сердцу, сыны отечества; для защиты онаго никогда не настояло въ томъ вящшей надобности, какъ нынѣ: спасеніе вѣры, Престола, Царства—того требуютъ. И такъ да распространится въ сердцахъ знаменитаго дворянства нашего и во всѣхъ прочихъ сословіяхъ духъ той праведной брани, каковую благословляетъ Богъ и православная наша церковь, да составитъ и нынѣ сіе общее рвеніе и усердіе новыя силы, начиная съ Москвы, во всей обширной Россіи! Мы не умедлимъ сами стать посреди народа своего въ сей Столицѣ и въ дру-

гихъ Государства нашего мѣстахъ, для совѣщанія и руководствованія всѣми Нашими ополченіями, какъ нынѣ преграждающими пути врагу, такъ и вновь устроенными на пораженіе онаго вездѣ, гдѣ только появится. Да обратится погибель, въ которую мнитъ онъ низринуть насъ, на главу его, и освобожденная отъ рабства Европа да возвеличитъ имя Россіи!«

Сіе воззваніе къ древней Столицѣ должно быть въ памяти каждаго Русскаго; въ немъ мы видимъ любовь и попеченіе миролюбиваго Монарха о своихъ подданныхъ, въ немъ одинъ гласъ истины изреченный незабвеннымъ Александромъ и одно отеческое сердоболіе.... Неудивительно теперь покажется, что старая Обрина рѣшилась отложить попеченія о дочери; быть можетъ, она, любя отечество свое, не могла оставаться покойною до тѣхъ поръ пока тишина и спокойствіе не будутъ царствовать въ ономъ.

Евгенія Лярская, получа письмо отъ Маріиной матери, послѣдовала совѣту ея. Она показала оное подругѣ своей и даже самому Люблину, которой, питаясь надеждой на будущее, рѣшился ждать всего отъ времени. Вскорѣ по полученіи письма сего Лярскій имѣлъ давно желаніе показать супругѣ своей одну изъ своихъ подмосковныхъ деревень, упросилъ ее ѣхать туда. Евгенія, исполняла желанія супруга своего, рѣшилась на оное. Добрая Марія также сопутствовала имъ. Прощаніе Люблина съ другомъ своимъ, Евгеніею и самой Маріею было трогательно; Обрина, быть можетъ, нехотя теперь оставляла Москву, но утѣшалась тѣмъ, что Валентинъ, другъ души ея, также хотѣлъ скоро пріѣхать туда. Деревня Лярскаго находилась отъ Москвы верстахъ въ шестидесяти и была по Ярославской дорогѣ.

Влюбленный Валентинъ сдѣлался мечтателемъ. Скука, по отъѣздѣ Лярскихъ, какъ тяжелый грузъ, легла на сердце его и онъ безъ друга, наединѣ думалъ поль-

ко о подругѣ сердца своего, о кроткой Маріѣ Обриной. Вотъ какъ сильна власть любви! Валентинъ, дотолѣ твердый въ характерѣ, своемъ сдѣлался теперь поклоннымъ страсти этой, сдѣлался слабымъ юношею.

Люблинъ, окончивъ дѣло, которое принудило его на нѣсколько дней оставаться въ Москвѣ, уѣхалъ наконецъ въ деревню друга своего, гдѣ обрадованные Лярскій, Евгенія, не говоря уже о Маріѣ, приняли его съ неизъяснимою радостію, приняли какъ близкаго родственника своего.

Глава пятнадцатая.

Оставимъ, любопытный читатель, на время всѣхъ героевъ романа сего и взглянемъ на намѣренія дерзкаго врага могущественной Россіи — на исполина Наполеона, который въ гордомъ самонадѣя-

нїи своемъ мнилъ наложить оковы на отечество Славянъ — мнилъ быть властителемъ вселенной!...

6-го Августа 1812 года Наполеонъ занялъ дымящіяся развалины Смоленска и въ этотъ же день Графъ Витгенштейнъ пожалъ лавры подъ Полоцкомъ.

Сраженіе при Бородинѣ останется незабвеннымъ не только въ лѣтописяхъ Европы, но даже въ лѣтописяхъ всей вселенной. Русскіе воины, вѣрные своему Государю и отечеству, оказали чудеса неизъяснимой храбрости и великаго рвенія. Пространное поле Бородинской битвы названо по справедливости *полемъ убійства и жатвою смерти*. Тамъ пало 40 тысячь жертвъ непомѣрнаго честолюбія Наполеона, пало могущество мнимаго обладателя вселенной. Изъ всѣхъ движеній непріятеля, — писалъ Кутузовъ къ Дохтурову, вижу, что онъ менѣе насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе, и потому, завязавши уже дѣло, я рѣшился севоднишнюю ночь устроить все войско въ порядокъ, снабдить артиллерію новыми за-

рядами и завтра возобновить сраженіе съ непріятелемъ, ибо всякое отступленіе при теперешнемъ безпорядкѣ повлечетъ за собою потерю всей артиллеріи.“ Непріятель не отважился вступить въ новый бой, а Русскія войска отступили къ Москвѣ. (*)

2-го Сентября передовыя войска Наполеона вступили въ Москву. Самъ Наполеонъ въѣхалъ въ оную 3-го Сентября. Онъ, увѣдомляя Европу о занятіи оставленной Москвы, писалъ: „Русскіе предъ самымъ входомъ Французовъ въ Москву узнали объ опасности, предстоявшей городу.“

Кто изъ соотечественниковъ моихъ не знаетъ, что высокомѣрный властолюбецъ былъ впущенъ въ Москву для погибели буйныхъ его полчищъ? Кто не знаетъ, что даже Наполеонъ принужденъ былъ сказать: *Французы! Я въ первый разъ васъ обманулъ! Обманулъ*

(*) См. Жизнь, знаменитыя дѣянія и достопамятнѣйшія изреченія Императора Александра 1-го час. 1-я стр. 30.

потому что Русскіе сохранили вѣру и вѣрность. . . Самъ Кутузовъ предусматривая будущую славу Россіи, говорилъ: »дѣло идетъ не о томъ, чтобы успокоить отечество, но о томъ, чтобы его спасти.« Сей дѣятельный, дальновидный и непоколебимый духомъ въ опасностяхъ воинъ доносилъ Императору о причинахъ уступленія Москвы слѣдующее:

»Послѣ столь кровопролитнаго хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны 26 Августа сраженія, долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ по причинамъ, о которыхъ имѣлъ счастіе донести Вашему Императорскому Величеству; послѣ сраженія армія была весьма ослаблена; въ такомъ положеніи приближились мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія дѣла съ авангардомъ непріятельскимъ, и на семъ недальномъ разстояніи не представилось позиціи, на которой могъ бы я съ надежностію принять непріятеля; войска, съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще придти; непріятель же пустилъ двѣ но-

выя колонны, — одну по Бородинской, а другую по Звѣнигородской дорогамъ, стараясь дѣйствовать на тылъ мой отъ Москвы, а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгода имѣла бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую битву и превращеніе въ пепелъ самой Москвы. Въ таком самомъ сомнительномъ положеніи, по совѣщанію съ первенствующими нашими Генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ я былъ рѣшиться попустить непріятелю войти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища Арсенала и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены, и ни одинъ почти житель въ ней не остался. Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что, вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи. Напротивъ того съ арміею я дѣлаю движеніе на Тульской дорогѣ: — сіе приведетъ меня въ состояніе прикрывать пособія, въ отдаленнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленныя.

Всякое другое направленіе пресѣкло бы мнѣ оныя, равно и связь съ арміями Тормасова и Чичахова. Хотя не отвергаю того, чтобы занятіе Столицы не было раною чувствительнѣйшею, но не колеблясь между симъ происшествіемъ и событіями, могущими послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операцію со всѣми силами линію, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ Тульской и Калужской, партіями моими буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ Смоленска до Москвы, и тѣмъ самымъ отвращая всякое пособіе, которое бы непріятельская армія съ тылу своего имѣть могла, и обративъ на себя вниманіе непріятеля, надѣюсь принудить его оставить Москву и перемѣнить всю свою операціонную линію. Генералу Винценгеродѣ предписано отъ меня держаться самому на Тверской дорогѣ, имѣя между тѣмъ по Ярославской казачій полкъ для охраненія жителей отъ набѣговъ непріятельскихъ партій. Теперь, въ недальнемъ разстояніи отъ Москвы, собравъ мои

войска, твердою ногою могу ожидать непріятеля, и пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростію и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря отечества. Впрочемъ Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше согласиться изволите, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска.»

Кто изъ насъ, соотечественники мои и читатели, не будетъ благодарить усмотрѣніямъ и умнѣйшимъ планамъ Свѣтлѣйшаго Князя Кутузова! Кто изъ насъ не воздастъ благодарности сему герою, посѣдѣвшему въ браняхъ воинскихъ! Кто изъ насъ не почтитъ памяти его — памяти сего великаго Полководца! . . . . Самъ Великій Александръ, спаситель нашего отечества и цѣлой Европы, одобрилъ планъ Князя Кутузова. Сей миролюбивый Монархъ, хотя и скорбѣлъ о жребіи подданныхъ своихъ, но находя распоряженіе Главнокомандующаго достойнѣйшимъ, поручалъ правоту дѣла

своего Провидѣнію и рѣшился перенести все, кромѣ безславія отечества. Какая Исторія покажетъ намъ столько добродѣтели, великодушія, милосердія въ Государѣ, какъ Исторія Россіи въ великомъ Александрѣ I! Сей отецъ народа своего рѣшился до послѣдняго дня доблестной жизни своей защищать свободу онаго: ибо когда прибылъ къ нему Флигель-адъютантъ Полковникъ Мишо съ извѣстіемъ о занятіи Москвы, то Императоръ спросилъ его: »что говорятъ въ арміи?« — Государь! отвѣчалъ присланный чиновникъ, въ арміи опасаются, чтобы обстоятельства не заставили заключить скораго мира. »Объявите, отвѣчалъ Императоръ, объявите моимъ именемъ, что тѣ ошибаются, которые думаютъ, будто бы миръ можетъ теперь воспослѣдовать. Если бы даже уничтожены были храбрыя мои арміи, еслибъ даже не осталось ни одного солдата, то и тогда не приступлю къ миру, постыдному для Россіи. Я самъ стану въ ряды ополченнаго народа, буду носить

смурый кафтанъ, буду питаться черствымъ хлѣбомъ, пойду, куда угодно Провидѣнію, но до послѣдняго дня жизни стану защищать честь и славу отечества.« — Сколько отцелюбія, твердости духа, снисхожденія и любви въ этихъ словахъ къ своему народу и отечеству! Россіяне и цѣлая Европа должна чтить память Императора Александра.

Обратимся теперь къ непріятелю, который въ древней нашей Столицѣ мнилъ о завоеваніи всей Россіи; но Провидѣніе, карающее всегда враговъ, готовило ему справедливое наказаніе. — Пожары Москвы, начинающаяся осенняя стужа, истребленіе жизненныхъ припасовъ и угрожающій голодъ, все это вмѣстѣ давало чувствовать невыгоду пребыванія его въ Столицѣ; онъ, хотя въ исходѣ Сентября и отправилъ два отдѣленія войскъ: одно въ Дмитровъ, другое, подъ начальствомъ Маршала Нея, въ Богородскъ, который распоряженіями своими изъявлялъ, что намѣренъ зимовать въ Богородскѣ, но вдругъ 1-го Октября получилъ изъ Мо-

сквы Наполеоновъ приказъ: готовиться въ обратный походъ. Одержанныя же 6-го Октября двѣ побѣды: одна подъ Тарушинымъ, другая подъ Полоцкомъ, ясно давали знать Наполеону конецъ пребыванія его въ предѣлахъ священной Россіи. Онъ 7-го Октября нашелся принужденнымъ оставить Москву, и чрезъ четыре дни (11-го Октября) былъ отраженъ и пораженъ подъ малымъ Ярославцемъ и сбитъ на опустошенную Смоленскую дорогу; оружіе Русскихъ и голодъ истребляли его армію. Подъ краснымъ были поражены Ней и Даву.

—Хотя Наполеону (говорится въ жизни великаго Александра I) удалось переправиться чрезъ Берозу и уйти чрезъ болота и ущелины, но онъ уже помышлялъ не о войскахъ своихъ, но о безопасности особы своей. Жребій, постигшій жертвы Наполеонова честолюбія, приводитъ въ сострадание человѣчество! Здѣсь скитались бѣдныя и истомленныя привидѣнія, тамъ являлись

движущіеся мертвецы, обезумѣвшіе отъ голода и зимнихъ бурь,—при семъ ужасномъ видѣ мщеніе изчезло; жалость, заступя его мѣсто, стремилась помогать страдальцамъ, гонимымъ гнѣвомъ небеснымъ. Обозрѣвая поле сраженія подъ малымъ Ярославцемъ и не внимая стону умиравшихъ жертвъ, Наполеонъ удивлялся упорству сражавшихся войскъ; вскорѣ потомъ проходилъ онъ и поле Бородинское, гдѣ трупы человѣческіе еще являлись непокрытыми землею. Казалось, Провидѣніе представило завоевателю всѣ памятники неистоваго высокомѣрія, и за всемірное обладаніе котораго отверзло послѣдователямъ его повсемѣстно преждевременную гибель.

Вотъ чѣмъ были увѣнчаны предпріятія гордаго Корсиканца! Священная Россія была для его тѣмъ лезвіемъ, объ которой сокрушилась гордыня его. И вѣрно никакая Исторія въ мірѣ не представитъ бѣдствія, подобнаго тому, какое Французы претерпѣли въ оной, и ни чья Исторія не представитъ намъ столь исполинскаго возвышенія одного и того

же человѣка и столь быстраго паденія его. — Погибель всѣхъ войскъ предшествовавшихъ столѣтій есть ничто въ сравненіи съ погибелью войскъ Наполеона; тѣ злоключенія были частными и скоротечными. Погибель войскъ Камбизовыхъ въ Африкѣ была ничто для Престола Персіи, пораженіе Клериса въ Греціи было наказаніемъ одной гордости его; Императоръ Юліанъ погибъ, по крайней мѣрѣ, со славою. Но Наполеонъ, сей счастливецъ природы, счастію котораго все покорствовало и который, достигнувъ высшей степени славы, мечталъ изрекать уставы Россіи, владѣть всей Европою и быть вторымъ Александромъ или Цесаремъ—чтожъ наконецъ сей Наполеонъ? Онъ, выѣхавши изъ Сенклу со славою предшествовавшею имени его, возвратился тихонько въ Парижъ, одинъ, лишась всей арміи своей! Вотъ трофеи гордости, пожатые Французами въ пагубномъ походѣ въ Россію! . . . . . Вотъ какъ мгновенна слава гордецовъ и на какомъ незыблемомъ основаніи должна стоять слава побѣдоносной Россіи, слава

великаго Александра, уповавшаго всегда на промыслъ Всевышняго!

Два манифеста, изданные Государемъ Императоромъ въ Вильнѣ 25 Декабря 1812 года, должны всегда оставаться какъ въ памяти нашей, такъ и въ памяти всего потомства нашего, и историки грядущихъ вѣковъ, вѣрно, внесутъ оные въ достославную жизнь Императора Александра I. Вотъ что изрекъ въ оныхъ сей Спаситель своего отечества и Европы: и первый ясно знаменуетъ участь гордаго Наполеона, а второй вѣру въ Провидѣніе мудраго Александра.

«Богъ и весь свѣтъ тому свидѣтель, съ какими желаніями и силами непріятель вступилъ въ любезное наше отечество. Ничто не могло отвратить злыхъ и упорныхъ его намѣреній. Твердо надѣющійся на свои собственныя и собранныя имъ противъ насъ почти со всѣхъ Европейскихъ державъ страшныя силы, и подвизаемый алчностію завоеванія и жаждою крови, спѣшилъ онъ ворваться въ самую грудь нашей Имперіи, дабы излить на нее ужасы и бѣдствія не случайно передепринятой, о издавна уготовленной

вянной имъ всеопустошительной войны. Предузнавая по извѣстному изъ опытовъ безпредѣльному властолюбію и наглости предпріятія его приуготовляемую отъ него намъ горькую чашу золъ, и видя уже его съ неукротимою яростію вступившаго въ наши предѣлы, принуждены мы были съ болѣзненнымъ и сокрушеннымъ сердцемъ, призвавъ Бога въ помощь, обнажить мечь свой и обѣщать Царству нашему, что мы не опустимъ оный во влагалище, доколѣ хотя одинъ изъ непріятелей оставаться будетъ вооруженъ на землѣ нашей. Мы сіе обѣщаніе положили твердо на сердцѣ своемъ, надѣясь на крѣпкую доблесть Богомъ ввѣреннаго намъ народа, въ чемъ и необманулись. Какой примѣръ храбрости, мужества, благочинія, терпѣнія и твердости показала Россія! Вломившійся въ грудь ея врагъ всѣми неслыханными средствами лютости и неистовствъ не могъ достигнуть до того, чтобъ она хотя единожды о нанесенныхъ ей глубокихъ ранахъ вздохнула; казалось, съ пролитіемъ крови ея умножился въ ней духъ

мужества, съ пожарами градовъ ея воспалялась любовь къ отечеству, съ разрушеніемъ и поруганіемъ храмовъ Божіихъ утвердилась въ ней вѣра и возникло непримиримое мщеніе. Войско, вельможи, дворянство, духовенство, купечество, народъ, словомъ: всѣ Государственные чины и состоянія, не щадя ни имуществъ своихъ, ни жизни, составляли единую душу, душу вмѣстѣ мужественную и благочестивую, толико же пылающую любовію къ отечеству, колико любовію къ Богу. Отъ сего всеобщаго согласія и усердія вскорѣ произошли слѣдствія едва ли когда слыханныя. Да представятъ себѣ собранныя съ двадцати царствъ и народовъ, подъ едино знамя соединенныя, ужасныя силы, съ какими властолюбивый, надмѣнный побѣдами, свирѣпый непріятель вошелъ въ нашу землю! Полмилліона пѣшихъ и конныхъ воиновъ и около полуторы тысячи пушекъ слѣдовало за нимъ! Съ симъ толико огромнымъ ополченіемъ проницаетъ онъ въ самую средину Россіи, распространяется и начинаетъ повсюду разливать огнь и опустошеніе. Но едва

проходитъ 6 мѣсяцевъ отъ вступленія его въ наши предѣлы—и гдѣ онъ! Здѣсь прилично сказать слова священнаго Пѣснопѣвца: »видѣхъ нечестиваго превозносящася и высящася, яко кедры Ливанскія — мимоидохъ, и се не бѣ, и взыскахъ его и не обрѣтеся мѣсто его.« — По истинѣ, сіе высокое изрѣченіе совершилось во всей силѣ смысла своего надъ гордымъ и нечестивымъ нашимъ непріятелемъ. Гдѣ войска его, подобныя тучѣ нагнанныхъ вѣтрами черныхъ облаковъ? Разсыпались какъ дождь. Великая часть ихъ, напоивъ кровію землю, лежитъ, покрывая пространство Московскихъ, Калужскихъ, Смоленскихъ, Бѣлорусскихъ и Литовскихъ полей. Другая великая часть въ разныхъ и частыхъ битвахъ взята со многими Военачальниками и Полководцами въ плѣнъ, и такимъ образомъ, послѣ многократныхъ и сильныхъ пораженій, напослѣдокъ цѣлые полки ихъ, прибѣгая къ великодушію побѣдителей, оружіе свое предъ ними преклонили; остальная, столь же великая часть, въ стремительномъ бѣгствѣ сво-

емъ гонимая побѣдоносными нашими войсками, и встрѣчаемся мразами и гладомъ, устлала путь отъ самой Москвы до предѣловъ Россіи трупами, пушками, снарядами, такъ что оставшаяся отъ всей ихъ многочисленной силы самомалѣйшая часть изнуренныхъ и обезоруженныхъ воиновъ, едва ли полумертвая можетъ придти въ страну свою, дабы къ вѣчному ужасу и трепету единоземцевъ своихъ возвѣстить имъ, коль страшная казнь постигаетъ дерзающихъ съ бранными намѣреніями вступать въ нѣдра могущественной Россіи. Нынѣ, съ сердечною радостію и горячею къ Богу благодарностію, объявляемъ Мы любезнымъ нашимъ вѣрноподданнымъ, что событіе превзошло даже самую надежду нашу, и что объявленное нами при открытіи войны сей выше мѣры исполнилось. Уже нѣтъ ни единаго врага въ мірѣ землѣ нашей, или лучше сказать, всѣ они здѣсь остались, но какъ? мертвые, раненые, плѣнные. Самъ гордый повелитель ихъ едва съ главнѣйшими чиновниками своими отселѣ ускакать

могъ, растерявъ все свое воинство и всѣ привезенныя съ собою пушки, которыхъ болѣе тысячи, не считая зарытыхъ и потопленныхъ имъ, отбиты у него и находятся въ рукахъ нашихъ. Зрѣлище погибели войскъ его невѣроятно! Едва можно собственнымъ глазамъ своимъ повѣрить. Кто могъ сіе сдѣлать? Не отнимая достойной славы ни у Главнокомандующаго надъ войсками нашими знаменитаго Полководца, оказавшаго безсмертныя отечеству заслуги (*), ни у другихъ искусныхъ и мужественныхъ вождей и военачальни-

---

(*) Какъ теперь не чтить намъ, соотечественники мои, память Свѣтлѣйшаго князя Кутузова, когда Императоръ такъ отзывается о немъ Вотъ истинная слава, которая прейдетъ изъ вѣка въ вѣкъ и никогда не затмится. Безсмертный по сочиненіямъ своимъ Державинъ, сказалъ справедливо:

И мраморъ и металлъ со временемъ падутъ,
Однѣ достоинства въ рядъ съ вѣчностью идутъ!

Примѣч. Сочинит.

ковъ, ознаменовавшихъ себя ревніемъ и усердіемъ, ни вообще у всего храбраго нашего воинства, можемъ сказать, что содѣянное ими есть превыше силъ человѣческихъ. И такъ да познаемъ въ великомъ дѣлѣ семъ Промыслъ Божій! Повергнемся предъ Святымъ Его Престоломъ, и видя ясно руку его, покорившую гордость и злочестіе, вмѣсто тщеславія и киченія о побѣдахъ нашихъ, научимся изъ сего великаго и страшнаго примѣра быть кроткими и смиренными законовъ и воли его исполнителями, не похожими на сихъ отпадшихъ отъ вѣры осквернителей храмовъ Божіихъ, враговъ нашихъ, которыхъ тѣла въ несмѣтномъ количествѣ валяются пищею псамъ и вранамъ! Великъ Господь нашъ—Богъ въ милостяхъ и во гнѣвѣ своемъ! Пойдемъ благостію дѣлъ и чистотою чувствъ и помышленій нашихъ — единственнымъ ведущимъ къ нему путемъ въ храмъ святости его и тамо, увѣнчанные отъ руки его славою, возблагодаримъ за изліянныя на насъ щедроты и припадемъ къ нему съ теплыми молитвами, да про-

длитъ милость свою надъ нами, и прекратя брани и битвы, низпошлетъ намъ побѣдъ побѣду, — желанный миръ и тишину.« —

Во второмъ Манифестѣ извѣщено о сооруженіи храма Христу Спасителю, въ окончаніи онаго манифеста сказано: »да простоитъ сей храмъ многіе вѣки, и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ!«

Императоръ Александръ сими Манифестами ясно далъ знать, что онъ болѣе всего имѣлъ надежду на Провидѣніе, нежели на успѣхи оружія. *Титулъ къ священному имени его* Благословенный *тѣмъ болѣе приличенъ, что великіе подвиги его очевидно ознаменованы покровительствомъ Вышняго Промысла.* (*)

(*) См. Жизнь, знаменитыя дѣянія и достопамятныя изрѣченія Императора Александра 1-го часть 1-я стран. 97.

Глава шестнадцатая.

Быть можетъ, какой нибудь строгой судія предъидущую главу въ романѣ этомъ назоветъ лишнею, совершенно не нужною ни для связи произшествій, ни для плана, ни для самой развязки и „напрасно,“ скажетъ онъ, „авторъ отвлекалъ читателя и оставилъ всѣхъ героевъ романа своего, разсѣя ихъ по разнымъ сторонамъ пространной Россіи.“ Согласенъ съ вами, господинъ критикъ, что пятнадцатая глава романа моего не нужна для развлеченія онаго, но она по крайнѣй мѣрѣ не лишная: читатель, видя неисполненными предпріятія дерзкаго вождя и считая важную эпоху въ Исторіи Россіи—занятіе Французами Москвы, вѣрно останется доволенъ напоминаніемъ великихъ прошедшихъ событій, хотя тутъ и не видитъ дѣйствующимъ лицемъ ни одного изъ героевъ романа моего; а къ тому жъ самой отъѣздъ Лярскихъ въ деревню свою, какъ видѣлъ читатель, былъ передъ самымъ

этимъ временемъ, что я, описывая происшествіе истинное, не хотѣлъ опустить происшествія важнѣйшаго, которое случилось тоже въ оное время. Впрочемъ отдаю все на судъ просвѣщенной публики и спокойно ожидаю приговора себѣ за слабый трудъ мой, если только стоитъ онъ пера какого журналиста . . . . . Quot capita, tot sensus.

„Долго ли будутъ эти отступленія, Господинъ Авторъ?“

—Виноватъ, виноватъ! мой любезный читатель, сей часъ услышите вы о Лелевыхъ, Ларскихъ, о священникѣ Василіѣ, о влюбленномъ Люблинѣ, короче, о всѣхъ, съ кѣмъ только ознакомились вы въ романѣ моемъ.

„Но только съ уговоромъ начинайте разсказъ свой.“

—Позвольте узнать, господинъ читатель, въ чемъ будетъ состоять оной?

„Въ малѣйшія роли не вводитъ эпизодъ, а если возможно совсѣмъ избѣжать оныхъ.“ —

—Очень радъ принять уговоръ вашъ и исполнить желаніе.

„И такъ, извольте продолжать, а я готовъ прочесть конецъ повѣсти вашей.“

—Очень радъ, благосклонный читатель, продолжать разсказъ мой, но только также съ уговоромъ и съ моей стороны.

„Долгъ красенъ платежемъ, готовъ исполнить.“

—Не будьте строги къ молодому автору, быть можетъ, время и большее познаніе людей и свѣта исправятъ недостатки мои и тогда уже не буду смѣть требовать извиненія.

„Не опасайтесь, молодой авторъ, публика всегда довольно благосклонно принимаетъ произведенія молодыхъ поэтовъ и писателей, вѣрно, вы, подобно прочимъ, заслужите снисходительность ея, но вы бойтесь приговора журналовъ.

—Журналовъ?.. Журналовъ?.. Господинъ читатель, я незнаю, что ска-

зать вамъ . . . . . Но впрочемъ „*что будетъ, то будетъ, что будетъ, то будетъ, а будетъ то, что Богъ дастъ.*“ сказалъ Богданъ Хмѣльницкій, такъ и я ожидая приговора журналистовъ, остаюсь спокойнымъ.

„И даже совѣтую вамъ безъ смущенія слушать оный; но виноватъ, я отвлекъ васъ.“

—На нѣсколько минутъ—это ничего, по крайней мѣрѣ вы ободрили меня надеждою на благосклонность публики.

„И такъ продолжайте молодой, неопытный авторъ, я прекращаю разговоръ свой. —

Графъ Лелевъ, тяжело раненый, какъ сказали мы, былъ отвезенъ въ Гошпиталь гдѣ стараніями опытныхъ Медиковъ вылѣченъ; но онъ не могъ уже служить болѣе, ибо пуля повредила ему левую руку, которою не въ состояніи былъ онъ владѣть свободно и по излѣченіи. Во все время болѣзни его Ольга на-

ходилась при немъ, вмѣстѣ съ Медикомъ перевязывала раны его, приготовляла корпіи и оказывала всѣ старанія, какія только можетъ оказывать супруга, страстно любящая супруга своего.—

Графъ Александръ пробылъ въ Гошпиталѣ до Генваря мѣсяца 1813 года — до того времени, когда непріятель былъ изгнанъ изъ родной земли нашей и оружіе Русскихъ пожало лавры побѣдъ за Неманомъ. По совершенномъ излѣченіи Графъ подалъ въ отставку за ранами. Признательное и усмотрительное во всѣхъ случаяхъ начальство не упустило съ своей стороны донести о службѣ и мужественныхъ поступкахъ Графа Лелева во время военныхъ дѣйствій. Графъ былъ произведенъ въ ротмистры и награжденъ орденомъ.

Въ послѣдствіи времени многіе изъ сослуживцевъ Графа Лелева узнали о пребываніи Ольги въ лагерѣ съ супругомъ своимъ и всѣ вмѣстѣ хвалили отважный поступокъ Графини и удивлялись чрезмѣрной любви и привязанности ея къ

мужу своему. Многія женщины завидовали похваламъ Ольги и даже нѣкоторыя желали быть на мѣстѣ ея. Вотъ какъ всегда и во всѣхъ случаяхъ велика зависть женщинъ!

Послѣ сраженій при Люценѣ и Бауцтѣ, Наполеонъ просилъ у Императора Всероссійскаго перемирія, дабы въ теченіи онаго начертать трактатъ всеобщаго въ Европѣ мира, (каковой трактатъ давно уже не существуетъ). Императоръ Александръ согласился на Наполеонову просьбу, и 23 Маія 1813 года Генералъ Россійскій Шуваловъ и Прусскій Клейстъ съ Французскимъ Министромъ Коленкуромъ подписали заключенный актъ перемирія согласный съ мыслями Императора Всероссійскаго, Короля Прусскаго и Наполеона. Вскорѣ послѣ этого времени Графъ Лелевъ получилъ отставку и возвратился съ сусупругою своею въ свое прелестное помѣстье Зимогорье. Это было около половины Іюня. —

Читатель вообразитъ себѣ радость

отца Василія, жены его, миленькой Лизы, Г-жи Радугиной, и самыхъ крестьянъ; всѣ они отъ оной не помнили самихъ себя, спѣшили попеременно то къ Графу, то къ Графинѣ узнавать о здоровьѣ, о военныхъ новостяхъ, о времени долго ли пробудутъ они въ Зимогорьѣ и въ какомъ были восхищеніѣ всѣ, когда узнали, что Графъ вышелъ въ отставку и останется жить въ помѣстьѣ своемъ. Болѣе всѣхъ разспрашивала Графиню и мужа ея жена священника, она въ самое короткое время столь надѣлала вопросовъ имъ, что если бы отвѣчать на каждый, то непремѣнно бъ должно было провести съ нею сряду нѣсколько сутокъ, Такъ была любопытна жена престарѣлаго пастыря Василія и столько неумѣренна въ желаніи своемъ узнать скорѣе все, но это любопытство происходило изъ одной любви и привязанности ея къ Графу и къ Графинѣ Лелевымъ.

На другой день пріѣзда Графа въ Зимогорье отецъ Василій былъ также у него, и Александръ много разсказывалъ

ему о военныхъ дѣйствіяхъ, не забывъ разсказать также и объ энтузіазмѣ супруги своей. Престарѣлый Василій удивлялся разсказамъ о храбрости Русскихъ воиновъ, а еще болѣе характеру Графини, ея геройству и спокойствію духа, говоря: »самъ Богъ вложилъ ей таковую твердость духа и крѣпость характера.« — Графъ съ своей стороны разспрашивалъ отца Василія о всемъ, что казалось до порядка общественнаго въ селеніи его, предполагая, что онъ, какъ пастырь церкви, не скроетъ ничего; и Графъ крайне былъ радъ, когда священникъ отнесся обо всемъ, какъ нельзя лучше, хваля поведеніе всѣхъ крестьянъ его.

Не прошло недѣли, какъ многіе сосѣди узнали о благополучномъ возвращеніи Графа и Графини и тотчасъ же спѣшили навѣстить ихъ и поздравить съ пріѣздомъ. Радушные Графъ и Графиня Лелевы крайне были рады пріѣзду блажайшихъ помѣщиковъ и Зимогорье въ продолженіи двухъ недѣль было посѣщаемо

разными гостями. Графъ вскорѣ по возвращеніи своемъ изъ вѣжливости и сердечной благодарности написалъ письмо въ Москву къ Валентину Ивановичу Люблину, въ которомъ вмѣстѣ съ этимъ увѣдомлялъ его о счастливомъ пріѣздѣ своемъ и супруги въ Зимогорье, просилъ его о знакомствѣ не оставлять, какъ истинный другъ, его. Графиня также съ своей стороны писала къ господину Люблину, напоминая ему о пріятномъ путешествіи, о его хлопотахъ для нея, и просила не замедлить отвѣтомъ къ нимъ. Письма эти застали Люблина въ Москвѣ и въ какомъ онъ былъ восхищеніи, когда получилъ ихъ! Онъ, по нѣскольку разъ перечитывалъ, какъ письмо Графини, такъ и мужа ея; радовался благополучному возвращенію ихъ въ Зимогорье и въ тотъ же день отправился къ другу своему Лярскому дабы увѣдомить его о Графѣ Лелевѣ, а Евгенію объ Ольгѣ.

Глава семнадцатая.

Читателю вѣрно пріятно будетъ увѣдомленіе объ Лярскихъ, Маріи Обриной и Люблинѣ съ того времени, какъ они отправились въ подмосковную деревню.

Лярскіе, обрадованные пріѣздомъ Люблина, въ сельской тишинѣ предавались пріятностямъ жизни; добрая Марія была вполнѣ довольна судьбой своею и ничто не возмущало спокойствія ихъ, какъ вдругъ по прошествіи нѣсколькихъ дней узнали онѣ о несчастіяхъ древней Столицы—родной Москвы. Зарево пожаровъ, тянувшіеся по дорогѣ обозы, бѣгство жителей, различные толки и сужденія, ежеминутный слухъ: *непріятель въ Москвѣ, онъ сжетъ и грабитъ Москву,*— все это вмѣстѣ нарушило, возмутило спокойствіе Лярскихъ и двухъ влюбленныхъ и превратило оное въ печаль и уныніе.

Все время пребыванія Французовъ въ Москвѣ Лярскіе жили въ деревнѣ своей,

жалѣя о гибели отечества своего, вспоминая родныхъ своихъ и знакомыхъ. Добрая и кроткая Марія Обрина, любя родительницу свою, много печалилась объ ней. Валентинъ, видя Марію скучною, дѣлался таковымъ же, и это не скрывалось отъ взоровъ Евгеніи и Александра. Старательная подруга, уговаривала Марію, а заботливый Александръ— друга своего Валентина; скука, однообразіе, быть можетъ, еще худшее — неизвѣстность будущаго царствовала въ бесѣдахъ у Лярскихъ; да и въ чьемъ пріютѣ, гдѣ въ это несчастное время была радость, гдѣ находилось спокойствіе, у кого было довольство? . . . . Въ хижинѣ земледѣльца, въ палатахъ вельможи, въ чертогахъ самого Царя—всюду и вездѣ господствовала печаль, страхъ и соболѣзнованіе. Житель жаркаго Юга и отдаленнаго Сѣвера одинаково чувствовали постигавшее несчастіе ихъ, одинаково соболѣзновали и, казалось, что былъ всемірный трауръ. Одна Франція, крушительница всеобщаго спокойствія, и Французы, непріятели нащи, были веселы и во-

схищались очаровательною надеждою, думая, что чрезъ покореніе древней Столицы Россіи будутъ они обладателями подлуннаго міра. Но долго ли были они въ этомъ очарованіи, долго ли обманчивая надежда льстила ихъ гордому предводителю и долго ли сей надменный покоритель болѣе половины Европы наслаждался плодами побѣдъ своихъ? . . . Побѣдоносная Россія была камнемъ преткновенія побѣдамъ Наполеона: онъ вошелъ въ предѣлы оной, Русскіе, предпринявъ умышленное отступленіе, завлекали его, дабы чрезъ оное отдалить отъ областей Европейскихъ, откуда могъ онъ получить свѣжія войска и все нужное для содержанія ополченія, Русскіе отступали, но, гдѣ нужно было, тамъ вездѣ сражались и поражали, наконецъ, чтожъ? Завлеченный непріятель, обольщаясь отступленіемъ войскъ нашихъ, дошелъ отъ береговъ Немана до береговъ Оки, вступилъ въ самое сердце Россіи — въ первопрестольный градъ Царей нашихъ — въ деревню Москву, откуда мечталъ преподать законы цѣлой Европѣ и,

о ужасъ! непрошло полутора мѣсяца, какъ дерзостный врагъ съ стыдомъ и посрамленіемъ бѣжалъ изъ Москвы бѣлокаменной, бѣжалъ изъ нашего отечества изнеможенный, разбитый и едва похожій на того непріятеля, которой недавно шелъ съ мужествомъ и надеждою на покореніе священной Россіи. Непріятель бѣжалъ, Москва очищена и оставашіеся обыватели опять безопасно ходили по улицамъ оной, по обгорѣлымъ пепелищамъ, узнавая мѣста, гдѣ были дома отцевъ ихъ, благодѣтелей, сосѣдей, и, проливая слезы, кляли хищника Наполеона. Но прошелъ мѣсяцъ, другой, Москва сдѣлась многолюднѣе, родные находили родныхъ, знакомые знакомыхъ, промышливые сыскивали работу, купцы заводили торговлю, различные промышленники находили способы къ пропитанію себя, изъ деревень толпами шли каменьщики и плотники въ Москву бѣлокаменную и и также, подобно прочимъ, находили работу себѣ; пила, долото, рубанокъ пришли въ движеніе, всѣ и всякой находили пищу, работу и мѣста. Манифестъ

25 Декабря 1812 года влилъ въ сердца гражданъ Москвы чувства неизъяснимой радости, ободрилъ каждаго и, если могу выразить такъ что-это переднихъ свадавшимъ спокойствіемъ.

—Къ празднику Святой Пасхи 1813 года Лярскіе пріѣхали въ Москву. На третій день пріѣзда ихъ, Обрина писала къ матери своей, а вмѣстѣ съ нею и Евгенія, которая просила ее о пріѣздѣ къ нимъ въ Москву. Старая Обрина, не имѣя причинъ быть остановленною, рѣшилась по полученіи письма ѣхать въ Москву, увѣдомя напередъ Лярскихъ письмомъ о пріѣздѣ своемъ. Валентинъ и Марія нетерпѣливо ждали ее. Влюбленный Люблинъ по пріѣздѣ въ Москву ежедневно бывалъ у Лярскихъ, видѣлсясъ Маріею и они, упоенные надеждой, были довольны этимъ. Въ началѣ Мая пріѣхала старая Обрина. На другой день пріѣзда ея былъ Евгеніи представленъ ей Валентинъ, какъ женихъ дочери ея. Обрина, наслышанная прежде о немъ много хорошаго, со всемъ душевнымъ расположеніемъ обошлась съ нимъ; проницательность

старой Обриной представила ей Люблина человѣкомъ со всѣми достоинствами, и она была крайне рада, что Марія не ошиблась въ выборѣ себѣ супруга. Лярскій, мужъ Евгеніи, также казался ей достойнымъ дружбы Люблина и супруги подруги дочери ея.

Не прошло двухъ недѣль пріѣзда старой Обриной въ Москву—какъ Марія и Валентинъ приняли благословеніе отъ нея и свадьба была отложена до Іюня мѣсяца.

Влюбленный Валентинъ столько доволенъ былъ судьбой своей, что ни начто въ мірѣ не рѣшился бы промѣнять счастія своего. Онъ говорилъ другу своему. « Ахъ! любезный Александръ, можешь ли вообразить себѣ, сколько теперь счастливъ я! Нѣтъ, сердце другаго человѣка не можетъ чувствовать этого, я самъ не въ состояніи пересказать того, что теперь на душѣ моей. Она въ избыткѣ чувствъ, она упоена любовію къ прелестной Маріи. Такъ Валентиномъ владѣла любовь, таковы поселила она чувства въ немъ! »

Не за долго до свадьбы своей Люб-

линъ получилъ письмо отъ Лелевыхъ. Онъ, не скрывая ничего отъ Лярскихъ, спѣшилъ оныя показать имъ. Евгенія, обрадованная увѣдомленіемъ симъ, спѣшила отписать къ уважаемой ею Ольгѣ, что непремѣнно сдѣлать хотѣлъ и мужъ ея.

Вѣжливый Люблинъ за первый долгъ поставлялъ себѣ отвѣчать на письма Лелевыхъ. Онъ съ первою жъ почтою рѣшился увѣдомить ихъ отвѣтомъ, и просилъ друзей своихъ, чтобъ они также вмѣстѣ съ нимъ отослали письма свои. Лярскіе въ длинныхъ письмахъ своихъ увѣдомляли обо всемъ, что только не было извѣстно Лелевымъ. Евгенія писала къ Графинѣ о счастливомъ замужствѣ своемъ, о любви къ ней Лярскаго, а этотъ увѣдомлялъ Графа о своей Евгеніи, Люблинъ увѣдомлялъ Ольгу о намѣре своемъ, описывалъ ей достоинства своей Маріи и въ заключеніи писемъ своихъ неотступно просилъ какъ Графиню, такъ и Графа пріѣхать въ Москву ко дню женидьбы его, прибавляя, что

даже готовъ онъ отложить оную, если только они скоро не могутъ пріѣхать.

Письма были отправлены. Графъ и Графиня Лелевы крайне удивились, когда при полученіи оныхъ узнали они, что Лярскій былъ женатъ на Княгинѣ Этикетовой. Ольга очень рада была новости этой и душевно желала имъ счастія. Графъ Лелевъ, бывъ всегда хорошо расположенъ къ молодому Лярскому, одинаково былъ радъ женидьбѣ его. Но письма Люблина еще болѣе обрадовали ихъ. Ольга, уважая этого человѣка, радовалась тому, что судьба наградила его достойною супругою. Графъ Александръ, хотя и не зналъ Люблина лично, однако за его услуги Ольгѣ также хранилъ къ нему въ душѣ своей должное уваженіе и благодарность. Онъ приглашеніе Люблина о пріѣздѣ въ Москву выполнить хотѣлъ непремѣнно, говоря супругѣ своей: »я радъ, милая Ольга, выполнить желаніе этаго достойнаго человѣка, поспѣшимъ, другъ мой, въ Москву къ свадьбѣ Валентина Ивановича, мы этимъ много

одолжимъ его.» Ольга всегда желанія супруга своего считала закономъ для себя, а въ этомъ случаѣ, желая и сама быть на свадьбѣ Люблина, охотно приняла приглашеніе своего Александра. Добрый старецъ Василій также узналъ о скорой свадьбѣ своего постояльца Люблина и, какъ добродѣлатель каждаго человѣка и служитель церкви, просилъ Творца о ниспосланіи ему всякаго благополучія.

Графъ Лелевъ также съ первою же почтою увѣдомилъ Люблина, что онъ и Ольга за первый долгъ сочли себѣ выполнить желаніе его, и что они непремѣнно будутъ въ Москву къ свадьбѣ его. Это извѣстіе столько было пріятно Люблину, что онъ, когда получилъ отъ Лелевыхъ письмо, то въ туже минуту поѣхалъ къ друзьямъ своимъ Евгеніи и Александру, которые также получили письмо отъ радушныхъ Лелевыхъ.

Нечаянная болѣзнь Ольги принудила Графа отложить на нѣсколько дней отъѣздъ въ Москву и описаться съ Люблинымъ, который увѣдомилъ объ этомъ

Лярскихъ и нареченную тещу свою старую Обрину просилъ объ отложеніи еще свадьбы его. Обрина согласилась. Наконецъ полученное Люблинымъ отъ Лелевыхъ письмо увѣдомляло, что болѣзнь Графини прекратилась и что они вскорѣ намѣрены выѣхать изъ Зимогорья. Валентинъ Ивановичь былъ оченъ радъ выздоровленію уважаемой имъ Графини Ольги, и нетерпѣливо ожидалъ пріѣзда ея. Желаніе исполнилось. Лелевы пріѣхали въ Москву и лишь только Люблинъ узналъ объ этомъ, то первый явился къ нимъ съ визитомъ. Ольга со всею ласкою своею приняла Валентина и отрекомендовала его мужу своему. Графъ Александръ лично благодарилъ Люблина за трудъ и услуги его, оказанныя Ольгѣ, и вмѣстѣ съ этимъ желалъ ему счастливаго окончанія предпріятій его. — Ольга съ своей стороны не замѣдлила также пожелать ему того же и благодарила Люблина за честь, какую онъ оказалъ ей и мужу ея отложеніемъ свадьбы.

Лелевы вскорѣ по пріѣздѣ своемъ были

у Лярскихъ. Александръ Васильевичь и другъ его вспоминали тотъ день, когда первый, очарованный Графинею Ольгою, признавался другу своему въ любви къ ней, и когда сей старался представить ему ужасныя слѣдствія заблужденій его; они вспоминали день этотъ и удивлялись перемѣнѣ обстоятельствъ. Ольга и Александръ видѣли невѣсту Люблина, познакомились съ старой Обриной и желали также, какъ Валентинъ и Марія, окончанія начатаго ими дѣла. — Старая Обрина душевно полюбила Графиню Ольгу и мужа ея, которые также съ своей стороны были одинаково расположены къ ней, и вскорѣ вмѣстѣ съ Лярскими была въ гостяхъ у Лелевыхъ. Простота несвязанная этикетомъ и приличіемъ моды скоро располагаетъ людей другъ къ другу и дѣлаетъ ихъ если не друзьями, то по крайней мѣрѣ самыми короткими знакомыми. Такъ и Лелевы, незнакомые съ перемѣнными уставами иностранныхъ привычекъ, вводимыхъ нынѣ въ общества наши, незнакомые съ модою, душевно полюбили Обрину и были

чрезмѣрно рады, что кроткая Марія, дочь ея, выходила замужъ за Валентина Ивановича.

Заключеніе

Соединеніе Валентина и Маріи совершилось. Лелевы и Лярскіе, уважаемые Обриной и Люблинымъ, были въ числѣ первыхъ гостей, и вотъ желанія Валентина сбылись! — Добрая Марія принадлежала ему по закону и онъ, не боясь, могъ ее назвать своею. Старушка Обрина, мать Маріи, не помнила себя отъ радости, видя счастливую судьбу дочери своей. Евгенія и Александръ Лярскіе, подобно старой Обриной, были рады, Евгенія потому, что она страстно любила Марію, и въ Люблинѣ видѣла она человѣка достойнаго быть супругомъ подругѣ ея, а Александръ, уважая въ Маріи кротость, простоту и непорочность души ея, скромность и откровенность характера, видѣлъ въ ней дѣвицу, которая могла составить счастіе друга его Валентина.

Лелевы также съ своей стороны радовались этой достойной одинъ другаго четѣ, и, вспоминая о себѣ, говорили другъ другу: »мы также любили и любимъ другъ друга и также достойны одинъ другаго.«

Спустя недѣлю послѣ свадьбы Валентина и Маріи былъ у нихъ балъ. Если не великолѣпіе и пышность характеризовали оный, то по крайней мѣрѣ радушіе, простота и откровенность гостей и хозяевъ дѣлали пріятнымъ его. Всѣ и каждый былъ доволенъ ласкою Валентина и Маріи; ихъ непритворное радушіе и веселость невольно заставляли каждаго изъ гостей быть таковымъ же и вмѣстѣ съ ними раздѣлять восторги. — Музыка, танцы, весело разнообразные разговоры дѣлали еще болѣе балъ этотъ пріятнѣе. Много говорено было о войнѣ, о предпріятіяхъ и неудачѣ Наполеона, о храбрости Русскихъ воиновъ, о благоразуміи и распоряженіяхъ ихъ начальниковъ, о славѣ, которая предлежала Императору Александру и о проч. Ге-

роиня Ольга привязанностію своею къ супругу, энтузіазмомъ и ревніемъ любви къ отечеству своему обращала на себя вниманіе многихъ и была также предметомъ разговора; о ней даже говорили и во многихъ домахъ Москвы, разумѣется, иногда съ прибавленіемъ многихъ невѣроятностей и каждый изъ разсказывающихъ судилъ и дѣлалъ заключенія о героинѣ моей по собственнымъ чувствамъ, Такъ бѣдная сирота дворянина Милославскаго, вышедшая замужъ за Графа Лелева, могла прославить себя и заслужить благородствомъ поступковъ своихъ и образомъ мыслей уваженіе отъ всѣхъ, кто только зналъ ее, или слышалъ о ней! Къ благородству характера Графини Лелевой должно прибавить и то, что она многихъ изъ знатныхъ своихъ просила иногда не говорить о ней, а это еще болѣе заставляло хвалить скромность характера ея. Какъ завидна въ характерахъ людей эта благороднѣйшая черта и какъ должны жалѣть тѣ, которые лишены ея!

Чрезъ двѣ недѣли послѣ бала и визитовъ молодые Люблины и старая Обрина уѣхали въ деревню, дабы конецъ лѣта провести въ сельской свободѣ. Ларскіе послѣдовали ихъ же примѣру, а Лелевы рѣшились остаться въ Москвѣ.

„Можно ли ваше заключеніе, господинъ авторъ, назвать развязкою романа? — Въ развязкѣ обыкновенно, какъ въ послѣднемъ явленіи комедіи, являются на сцену всѣ дѣйствующія лица, или, по крайней мѣрѣ, говорится постепенно о каждомъ, а у васъ не упомянуто ни о священникѣ, ни о маленькой Лизѣ, любимицѣ Графини Ольги, ни о Г-жѣ Радугиной. — Это, сударь, право не похоже на совершенную развязку."

—Согласенъ съ вами, взыскательный читатель, что въ развязкѣ должно было упомянуть обо всѣхъ, и вѣрно я не опустилъ бы этого, если бъ ваша словоохотливость не начала разговора со мною.

„Ну, такъ извините, что я помѣшалъ вамъ, а я думалъ, что вы и не вспомните объ нихъ.„

—Это было было бы невозможно, господинъ читатель, а еще болѣе тогда, когда вы обращаете такое вниманіе на слабый трудъ мой, что для меня служитъ лестною надеждою въ вашей снисходительности.

„И такъ кончайте счастливо молодой, мало извѣстный авторъ начатый трудъ вами, я ручаюсь за благосклонность снисходительной публики.„

—Весьма лестное ободреніе ваше, читатель, неизъяснимо радуетъменя. Ахъ, если бы сбылось это на самомъ дѣлѣ!... Но.... приступлю къ окончанію.

Престарѣлый отецъ Василій и жена его, уважаемые какъ и прежде Лелевыми, и до нынѣ живы еще и живутъ въ Зимогорьѣ; маленькая Лиза была взята Графинею Ольгою въ Москву, и отвезена въ Петербургъ, гдѣ для образованія отдана въ одно изъ лучшихъ заведеній Столицы сей. Анна Петровна Радугина

осталась навсегда жить въ домѣ Графини Лелевой. Люблины и Лярскіе сдѣлались вѣчно друзьями Лелевыхъ — и эти три семейства могли служить образцами истинной дружбы.

Быть можетъ, повѣсть о героинѣ Лелевой немногихъ въ наше время обратитъ вниманіе на себя и авторъ заслужитъ укоризну, какъ за слабый, несовершенный трудъ свой, такъ и за то, что рѣшился продолжать вышедшій романъ свой—*Ольга Милославская*; но онъ, отдавая себя на судъ просвѣщенной публики и строгихъ, взыскательныхъ журналистовъ, спокойно и съ удовольствіемъ выслушаетъ безпристрастныя сужденія и даже останется благодарнымъ за справедливую критику — впрочемъ онъ строго держится правила Вольтера: „*пусть меня злословятъ, лишь бы читали.*"

